

Министерство культуры Российской Федерации
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Сборник статей

Выпуск II

Кемерово 2008

УДК 006.90
ББК 79.1
М89

Научный редактор
А. М. Кулемзин, доктор культурологии, профессор,
заведующий кафедрой музейного дела Кемеровского
государственного университета культуры и искусств

Редколлегия:
А. И. Мартынов, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук,
профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета,
академик РАЕН,
Т. И. Кимеева, кандидат культурологии, директор музея физкультуры
и спорта Кемеровской области

М89 Музееведение и историко-культурное наследие [Текст]: сб. ст. /
Кемеровский государственный университет культуры и искусств. –
Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2008. – Вып. II. –
206 с.

ISBN 978-5-8154-0161-7.

Сборник статей посвящен современным проблемам истории, теории и методики музейного дела. Авторами статей являются преподаватели вузов, сотрудники музеев, студенты и аспиранты-музееведы. Издание адресовано специалистам в области музейного дела и охраны памятников истории и культуры, студентам, аспирантам и всем интересующимся сохранением, возрождением и использованием историко-культурного наследия.

УДК 006.90
ББК 79.1

ISBN 978-5-8154-0161-7

© Кемеровский государственный
университет культуры и искусств, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является продолжением публикаций научных статей посвященных музейному делу, сохранению и использованию историко-культурного наследия. Первый наш опыт был предпринят в 1996 году изданием сборника «Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири». В силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств второй выпуск – «Музееведение и историко-культурное наследие» – удалось осуществить только спустя десять лет, в 2006 году. Наше издание рассчитано на объединение сил ученых и практических работников для разработки теоретических основ и обобщения имеющегося опыта по сохранению и использованию исторического и культурного наследия.

Актуальность разработки данной проблематики диктуется осознанием в России важности исторического и культурного наследия, сохранения культурных традиций и знания подлинной истории своей Родины для построения демократического общества, исповедующего иную, чем в недалеком прошлом, мораль, ориентирующегося на общечеловеческие ценности. Знание своих духовных корней, достоверной истории, национальных традиций закладывает в сознании людей уважительное отношение к своему прошлому, придает устойчивость обществу. Ведь достаточно дискредитировать прошлое, чтобы поставить под сомнение настоящее, выбрать ошибочный путь в будущее.

В настоящее время, на наш взгляд, государство выбрало правильный вектор в развитии культуры и в отношении к историко-культурному наследию. Благодаря снятию идеологических ограничений в музейной деятельности и охране памятников в стране за последние пятнадцать лет резко (более чем в два раза) возросла музейная сеть, расцвело тематическое многообразие музеев разного профиля. Только в Кемеровской области за эти годы возникло более десяти новых государственных музеев. В городе Кемерово практически в каждой школе в настоящее время имеется свой музей. Они посвящены истории образования, истории школ, экологии, славянской культуре, военно-патриотическому воспитанию и т. п. В Кемеровской области насчитывается более 400 школьных музеев. Создаются новые этнографические музеи. Массово возникают музеи на предприятиях, в организациях и учреждениях, так называемые ведомственные музеи. Все это придает музейному движению массовый характер.

Многие музеи начинают осваивать новые музейные технологии, внедрять современные методы и формы работы, расширяют свои социальные функции. Музей становится реальным участником социокультурных процессов. Однако это вовсе не значит, что в благородном деле сохранения и использования историко-культурного наследия нет проблем. Современный музейный бум поставил перед обществом, государством и музейными работниками новые проблемы, которые, переплетаясь со старыми, нерешенными, составили сложный узор противоречий. Разрешению этих проблем и определению перспектив дальнейшего развития, сохранения и использования исторического и культурного наследия посвящен настоящий сборник. В нем представлены читателю научные изыскания и маститых ученых, и музейных практиков, и аспирантов, и начинающих свой путь в науку студентов.

Редакция сборника надеется на то, что наши публикации найдут заинтересованного читателя, будут критически прочитаны и полезны. Надемся на доброжелательный отклик читателей и на участие в дальнейших выпусках сборника.

*А. М. Кулемзин,
заведующий кафедрой музейного дела
доктор культурологии, профессор,
член Международного совета музеев*

I. МУЗЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС МУЗЕЙНОГО РАБОТНИКА (ЗАПОВЕДИ МУЗЕЕВЕДА)

1. Весь мир – музей. Относись к нему как к музейной ценности.
2. Знание – сила. В музейных предметах заключены подлинные знания. Неси людям свет подлинных знаний.
3. Музей служит людям. Помоги им приобщиться к истории и культуре.
4. Наше прошлое – это ступень в будущее. Будь объективным в оценке прошлого.
5. Музей вне политики. Музей выше политики. Не ввергай музей в политические конфликты.
6. Музей делает мир добрее. Расширяй музей, сей добро.
7. Нет предела совершенству. Совершенствуйся сам, совершенствуй свой музей.
8. Музей – центр культуры. Будь достоин быть музейным работником.
9. Музей – мост между Прошлым, Настоящим и Будущим. Учись у старших товарищей, расти себе смену.
10. Музейные предметы – материальная и духовная ценность. В музее должны работать чистые, честные, духовно возвышенные люди.

Составили студенты 4 курса группы МД 031 специальности «Музейное дело и охрана памятников»: *Арямкина Татьяна, Курасов Михаил, Ткачева Марина, Привалов Александр, Тайшина Светлана, Чудочина Маша, Янковская Евгения, под руководством профессора Кулемзина А. М.*

Одобрено на заседании кафедры истории, музееведения и краеведения Кемеровского государственного университета 18 мая 2007 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ

В настоящее время существуют две противоположные тенденции в отношении к культуре, следовательно, и к историко-культурному наследию. Обе они объективно обусловлены. Первая – это не востребованность традиционной культуры со стороны современного поколения. Это явление всеобщее, естественное и закономерное. Причины быстрого распространения этой тенденции обусловлены успехами естественных наук, бурным промышленным развитием и утверждением приоритета технократического мировоззрения перед гуманитарным.

Однако в настоящее время, в эпоху глобализации многих социальных явлений, эта тенденция угрожает исчезновением культурного многообразия в планетарном масштабе. Прагматизм постмодерновской культуры не оставляет места для всего, что не создано постиндустриальным обществом.

Другой тенденцией является борьба за сохранение традиционной культуры. Гуманистами этот конфликт теоретически давно решен в формуле: дальнейшее развитие культуры предполагает использование лучших образцов культурного наследия. Любой прагматик ответил бы на этот вопрос утвердительно, если бы понятие «возрождение» являлось чисто нравственной, но не экономической категорией [1]. С точки зрения ортодоксального «традиционалиста» сохранение реликтовой культуры адекватно сохранению традиционного общества в целом. Однако это нереально ни в настоящее время, ни в любой другой исторический период. Ибо смена исторических эпох сопровождалась и сопровождается сменой культур.

Первая тенденция (отрицание традиционной культуры и нивелирование культурного многообразия) – это мощное, агрессивное явление. Она возникла не так давно, во второй половине XIX века и исходит от индустриально развитых стран, стремящихся утвердиться в процессе политического противоборства. Ее слабостью является стихийность, неуправляемость, отсутствие научного обоснования. Хотя за ней стоят могучие экономические и политические силы.

Вторая (использование лучших достижений традиционной культуры и сохранение культурного многообразия) эволюционирует уже более двух тысяч лет, зародившись в культуре античного мира, определяет развитие культуры современных цивилизованных стран. Главные ее признаки –

это опора на высокий интеллект [2], гуманность целей, осторожность в определении шедевров и кумиров, демократизм, уважение ко всем культурам [3].

Ее основные этапы: античный музей, дворцовые коллекции, публичные музеи, музеи павильонного типа, скансен-музеи, экомузеи, международное законодательство и международная система охраны культурного наследия. Ее виднейшие представители: Полибий, Цицерон, Чарлз Бонштеттен, Артур Хазелиус, Н. Ф. Федоров, Н. К. Рерих, Ж. А. Ривьер, Бернард Филден, Д. С. Лихачев, Лоран Леви-Строс и другие.

Мировая история музейного дела показывает, что общая тенденция его эволюции развивалась по следующим векторам: от предмета диковинного, непонятного курьеза к предмету типичному, от предмета высокого искусства к предмету обыденному, от замкнутого элитарного собрания к открытому публичному, от единичных артефактов к обширному культурно-историческому ландшафту, от репрезентативных функций к просветительным. В целом, можно сказать, что общая тенденция развития музея как мирового явления лежит в направлении расширения объема понятия музейного предмета и демократизации самого музея [4]. Музей становится все более популярным, массовым, охватывает не только искусство, но и все, без исключения, остальные сферы общественной жизни, втягивая в движение по сохранению историко-культурного наследия огромные массы людей. Это вселяет оптимизм в музейных работников и дает надежду на то, что культурное многообразие будет сохранено, а современные модные культурные интернациональные направления войдут в историю культуры как явления-однодневки.

В результате длительной эволюции к концу XIX века, когда промышленная революция охватила большинство стран Европы, идея необходимости сохранения предметного исторического и культурного опыта реализовалась в скансенологии. Новое направление в музейной деятельности предполагает под музейным предметом не только мелкие вещи, размещенные под стеклом витрин, но и крупные объекты в открытом пространстве. Такие музеи получили название «музеи под открытым небом». Во второй половине XX века на основе скансенологии сформировалось более широкое представление об объекте историко-культурного наследия, его социальной роли и методах сохранения и использования. Это направление получило название «экомузеология». А концу XX века на ее основе возникло новое, современное представление о музее и наука «неомузеология».

Если говорить об «объекте культурного наследия», то он прошел путь от вотивного предмета, раритета, курьеза, предмета «изящных

искусств» до архитектурного ансамбля, историко-культурного ландшафта и объекта духовного наследия. Изменялось и понимание социальной роли объектов культурного наследия. Соответственно и отношение к нему. От незнания, непонимания, непреднамеренного или целенаправленного уничтожения до всеобщего признания как великой духовной ценности, оказывающей существенное влияние на знания, убеждения, эстетический вкус и формирование общественного сознания. В настоящее время отношение к культурному наследию на международном уровне рассматривается как показатель цивилизованности, демократичности, гуманности государства и общества

Музей как система сохранения и использования историко-культурного наследия развивается вместе с обществом. Изменяются его социальные функции, формы и методы работы. В настоящее время в нашем обществе произошли и происходят кардинальные изменения. Россия пытается встать на путь демократического развития, вписаться в мировой экономический и культурный процесс. Следовательно, должен измениться и наш музей. Однако, за исключением единичных случаев, музеи остаются консервативными, инертными, с отсталыми формами работы. От правильного понимания сущности музея и его адекватного определения зависит во многом и прогресс в развитии музейной деятельности.

Для современного музейного движения характерны следующие прогрессивные тенденции:

- создание широкой сети музеев-заповедников,
- расширение скансен и урбоскансен музеев,
- создание экомузеев,
- соединение музейной, рекреационной и культурно-экологической деятельности,
- внедрение музеев в сферу туристского бизнеса,
- широкое использование музейного менеджмента и маркетинга,
- музеи активно изменяют свои традиционные функции и становятся не только центрами сохранения культурных реликтов, но и центрами возрождения традиционной культуры и активного включения ее в культуру современного общества,
- музеи становятся центрами сохранения нематериального культурного наследия,
- музеи становятся центрами организации досуга людей,
- широко внедряется новая форма – «открытый музей», «живой музей»,
- музеями успешно осваивается новая прогрессивная теория «нео-музеология».

Бурное развитие музейной практики в конце XX века, отказ от консервативного понимания музея, разнообразие форм работы, новое, более демократичное понимание социальных задач музея привело к появлению новых типов музеев и нового направления в музейной теории – **неомузеологии**. Еще не устоялся в науке сам новый термин, не во всем определилось само новое направление, не все музееведы, особенно практические работники, приняли это новшество с распахнутыми объятиями. Но это новое явление в музейной деятельности, не отрицая сложившихся традиционных типов музеев, привычных форм и методов работы, опираясь на них, уверенно и масштабно прокладывает себе путь, осваивая новые территории, приобретая популярность.

Однако уже сейчас, в самом начале ее пути уже необходимо и вполне возможно, пусть не во всем точно и окончательно, определить ее основные «параметры».

Объект – общественное сознание широких слоев населения.

Предмет – историческое, культурное, природное материальное и нематериальное наследие в своей исторически сложившейся и естественной среде.

Метод – экомuseum на основе комплексной регенерации природного, исторического, культурного материального и нематериального наследия [5],

Цель – возрождение и развитие преемственности в историческом и культурном процессе. Формирование демократического, гуманистического мировоззрения на основе достоверных знаний. Приобщение современников к истории и культуре прошлых поколений. Культурно-экологическое воспитание. Искоренение потребительского отношения к природе, враждебного отношения к культуре, к традициям и образу жизни других народов.

Логика развития глобальных процессов состоит именно в поисках действий, объединяющих, а не разъединяющих человечество, на основе понимания и уважения различных сообществ. Это есть стержень нового планетарного мировоззрения будущего. Общечеловеческая цель, объединяющая людей разных национальностей, вероисповеданий, рас, обществ и государств. Неомузеология – есть одно из средств достижения этой цели. Это одна из составляющих современного демократического мировоззрения. Неомузеология – это мировоззрение будущего. Необходимо масштабнее развивать музейную деятельность на основе неомузеологии. С помощью музеев нового типа будут скорее и легче приближены общечеловеческие идеалы.

Если приложить теорию и практику неомузеологии к сибирскому региону, то надо признать – этот прогрессивный метод музейной деятельности существенно запаздывает по пути в Россию и, в частности, Сибирь. Если судить по большому счету, то у нас нет ни одного экомuzeя, хотя некоторые из новых прогрессивных музеев их авторы так называют.

Именно Сибирь, как, пожалуй, ни один исторический, культурный и географический регион, предрасполагает к созданию именно здесь экомuzeев. Здесь сохранились почти нетронутые индустриальными урбанистическими преобразованиями многие районы, издревле освоенные и густо заселенные людьми. К числу таких историко-культурных и экологических зон, достойных музеефикации, относятся обширные археологические поля погребений Хакасии, археологические долины Тувы, Горного Алтая [5], плотно заселенные зоны старинных русских деревень по Московско-Сибирскому тракту [6], Байкальский регион [7] и другие. В том числе можно создавать здесь и урбоскансены на основе закрывшихся промышленных предприятий в депрессивных районах.

Здесь могут быть созданы экомuzeи самого различного профиля. Он будет определяться доминантой объектов историко-культурного наследия в каждом конкретном случае. Однако неомузеология предполагает свои принципы и цели музеефикации: охранение естественной среды обитания; сохранение, возрождение и использование всего имеющегося историко-культурного потенциала региона в интересах создателей этого историко-культурного наследия (местного населения); ненарушение сложившегося баланса биосферы и техносферы. Экомuzeей – не самоцель, а средство сохранения стабильного взаимодействия человека и природы.

На наш взгляд, в первоочередной музеефикации на основе неомузеологии нуждаются не заповедные уголки природы и традиционной культуры, а, наоборот, территории с наибольшим культурным и экологическим потенциалом, находящимся в кризисном противоречии с техногенными процессами, в состоянии дисбаланса не в пользу историко-культурного наследия и, самое главное, не в пользу местного населения. Аборигенное население, не имеющее исторического иммунитета противостояния техногенным урбанистическим процессам, само не в состоянии сохранить ни свою историко-культурную среду, ни свое культурное наследие.

Экомuzeей надо понимать не как резервацию, а как идеальную гармонию между человеком и природой, прошлым и современностью. И вновь пример этому нам являет Европа, густо населенная, высоко урбанизированная, но имеющая наибольшее число экомuzeев. Пример тому громадные урбоскансен-музеи «Бимиш», «Ущелье Айронбридж», «Ле Крезо» и другие.

Безусловно, нельзя проводить прямых параллелей в деле создания экомузеев между Европой и Сибирью. Имеющиеся различия в исторических путях развития и культурных традициях налагают свой отпечаток своеобразия на экомузеи. Но задача состоит в том, чтобы, учитывая прогрессивный опыт европейских стран, использовать его на более благодатном материале. В предстоящей деятельности по внедрению здесь неомузеологии беспокоит, прежде всего, традиционный взгляд на Сибирь как на сырьевую базу, где главным является природное богатство, а не люди, ее населяющие. Это не та традиция, которую надо сохранять. С традиционным консервативным пониманием музея мы просто потеряем Сибирь как своеобразный историко-культурный регион, со своим неповторимым и уникальным наследием. Не коллекционирование отдельных предметов за стеклом витрин, не салонное умствование, а сохранение традиционной культуры на основе неомузеологии и комплексной регенерации историко-культурного наследия – вот перспективный путь развития музейной деятельности в Сибири.

Для того чтобы преодолеть консерватизм и инертность в музейной практике, необходим приток в музей новых специалистов, не обремененных грузом прежних представлений о музее как об идеологическом учреждении. Новый специалист должен понимать, что музей – это одно из средств возрождения духовности российского общества на основе понимания прошлого таким, каковым оно было на самом деле.

Литература

1. Морозова Е. Г. Некоторые вопросы теории и истории общественных (ведомственных) музеев // Культурологические исследования в Сибири. – № 2 (8). – Омск, 2002; Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – Кемерово, 2001.
2. Сундиева А. Л. Краеведческий музей на пороге нового века // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России. – М., 1999.
3. Газалова К. М. Музей как социальный институт в России XX столетия // Музей в современном мире: традиционализм и новаторство / Труды Государственного исторического музея. – М., 2001. – Вып. 127.
4. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. – М., 2003.
5. Мартынов А. И. Краеведческий музей как научный центр региона // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков / Труды ГИМ. – 2001. – С. 116. – Вып. 127.
6. Кулемзин А. М. Московско-Сибирский тракт – памятник истории Кузнецкого края // Современные проблемы исторического краеведения: Тез. докл. региональной науч.-практ. конфер. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – С. 73–74; Кулемзин А. М., Скрыбина Л. А. О концепции создания историко-экологичес-

кого музея-заповедника «Московско-Сибирский тракт» // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – С. 106–124.

7. Гуляев С. А., Тихонов В. В. Историко-культурные объекты в Прибайкальском национальном парке // Сохранение экосистем и организация мониторинга особо охраняемых территорий. – Иркутск, 1996. – С. 170–172.

С. В. Баштанник

О ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Государство, сознавая особое значение культурных ценностей и их важнейшую роль в развитии образования, науки, культуры, а также в обогащении культурной жизни народов и взаимного сотрудничества, стремится к сохранению этих предметов для последующих поколений.

В начале девяностых годов XX в. в России наметилась стабильная тенденция к утрате культурных ценностей. Из-за повышенной потребительской стоимости, не подверженной инфляции, они стали наиболее выгодным средством вложения капитала. В короткие сроки получил широкий размах и приобрел устойчивые формы нелегальный бизнес, связанный с ними и особенно – с их перепродажей за границу. Незаконный оборот культурных ценностей по масштабам встал практически на один уровень с теневым оборотом оружия и наркотиков. Достаточно сказать, что сумма прибылей, извлекаемых преступным миром от их продажи, исчисляется несколькими миллиардами долларов в год.

В результате стремительного роста преступной деятельности значительная часть культурных ценностей была разграблена и вывезена за границу. По оценкам экспертов, Россия потеряла до восьмидесяти процентов произведений искусства допетровской Руси [11, с. 2–3].

Право является неотъемлемым компонентом культуры и как институциональное образование – частью нормативной культуры этносоциального организма. Занимая свое место в ряду культурных ценностей, оно может и должно быть тем инструментом, который по принципу обратной связи способен обеспечить охрану культуры в ее научном понимании, а также духовно-исторического наследия как коллективной «памяти» этноса [10, с. 128].

В Российской Федерации до настоящего времени, к сожалению, так и не принято комплексного федерального закона об охране культурных ценностей. Правовой режим памятников истории и культуры регламентируется несколькими нормативными актами (Основы законодатель-

ства РФ о культуре, ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Закон «О вывозе и ввозе культурных ценностей», ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации», ст. 233 Гражданского, ст. 27, 56, 99 Земельного, ст. 12 Градостроительного кодексов, ряд указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ).

Вопросам охраны историко-культурного наследия было посвящено несколько конференций, несколько диссертационных исследований и монографий. Достигнутые результаты позволяют утверждать, что охрана историко-культурного наследия, в т. ч. и памятников археологии, является сложной системой мероприятий научного, прикладного, финансового, организационного и правового характера.

В нормативно-правовых актах, научной юридической литературе и литературе по вопросам культуры, искусства встречаются разные термины: культурные ценности, культурно-историческое наследие, объекты культурно-исторического наследия, объекты археологического наследия, памятники истории и культуры. Это породило обилие определений, раскрывающих содержание этих понятий. Приведем некоторые из них.

Р. Б. Булатов: «Культурными ценностями являются особо охраняемые правом уникальные вещественные результаты человеческой деятельности, которые, будучи продуктом всеобщего труда, имеют важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества, то есть служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимых качеств человека» [1, с. 55]. Главной чертой, характеризующей культурные ценности как особую правовую категорию, является присущий им элемент всеобщности, которым определяется их значение для общества. Представляется, что данное определение излишне расплывчато и не отражает существенных, практически значимых черт определяемого объекта. Автор не объясняет, что такое «всеобщий труд», «конкретно-исторический характер» и фактором формирования каких именно качеств человека должны выступать «уникальные вещественные результаты человеческой деятельности», чтобы их можно было признать культурными ценностями. Без этого приведенное определение, как мы считаем, теряет свой познавательный характер и не может быть применено для целей квалификации. Кроме того, из данного определения выпадает существенный пласт культурных ценностей, не являющихся результатом человеческой деятельности: палеонтологические находки, коллекции редких минералов и т. д.

В. Г. Горбачёв, В. Г. Растопчин, В. Н. Тищенко: «Культурные ценности – особый вид ценностей, способный в той или иной мере удовлетворять духовные и эстетические потребности человека и одновременно содержащий в себе художественную либо научную, мемориальную или иную культурную ценность. Под культурными ценностями, в том числе и памятниками культуры, природы, понимаются как движимые, так и недвижимые объекты. К движимым объектам относятся предметы, находящиеся в недвижимых объектах или извлеченные из них и способные представлять ценность сами по себе. К недвижимым относятся местности природного, этнического, археологического, исторического и другого научного значения; архитектурные сооружения, ансамбли, представляющие научную, мемориальную, художественную и иную культурную ценность [3, с. 3].

К недостаткам данного определения относится привязка движимых культурных ценностей, на которые происходит абсолютное большинство преступных посягательств, к понятию недвижимых культурных ценностей, при этом не учитывается, что первые вполне могут существовать и вне всякой связи и зависимости от вторых. Например, под данное понятие не попадают движимые культурные ценности, найденные при археологических раскопках и извлеченные из земли, а не из «недвижимых культурных ценностей» [14, с. 31].

Какое содержание вкладывает в них законодатель? Каковы основы дифференциации этих понятий? Для ответа на поставленные вопросы необходимо рассмотреть действующее в России законодательство.

Акты международного права. Ч. 4 ст. 15 Конституции устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В РФ действует Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия, принятая на XVI сессии ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г. В ст. 1 этого документа употребляется термин «культурное наследие», под которым понимаются:

- памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся, универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

- ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

- достопримечательные места: дело рук человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

В соответствии со ст. 3 Конвенции, каждому государству, подписавшему ее или присоединившемуся к ней, надлежит определить и разграничить различные ценности, расположенные на его территории. Во исполнение этого требования были приняты: Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (29 октября 1976 г.) и Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (15 декабря 1978 г.). Эти законы давали определения памятников истории и культуры и их типологию. Выделялись памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства, документальные памятники. Ст. 6 Закона РСФСР давала широкий перечень объектов в пределах каждого вида. Особо оговаривалось, что этот перечень не является закрытым и к памятникам истории и культуры могут быть отнесены и другие, не перечисленные в законе объекты, имеющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.

Действующее российское законодательство. В ст. 3 «Основ законодательства РФ о культуре» от 9 октября 1992 г. используется термин «культурные ценности», под которыми понимаются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

Также законодатель ввел понятие «культурное наследие народов РФ». Оно шире, чем аналогичное понятие, используемое в Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. В него включаются не только материальные, но и духовные ценности, созданные в прошлом.

В ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»

от 25 июня 2002 г. под объектами культурного наследия понимаются памятники истории и культуры народов Российской Федерации, к которым законодатель отнес объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры. Объекты культурного наследия в соответствии с этим федеральным законом подразделяются на следующие виды.

Памятники – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (объекты археологического наследия).

Указание на археологические раскопки или находки как на источник информации о движимых предметах корреспондируется с абз. 5 ст. 6 закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей»: культурными ценностями являются ценности, приобретенные археологическими, этнологическими и естественно – научными экспедициями с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности.

Ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи.

Достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов.

Таким образом, в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в определение культурного наследия и разработку его типологии положены идеи концепции Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. К объектам культурного наследия – памятникам истории и культуры в соответствии с законом относятся объекты недвижимого имущества и связанные с ними произведения, которые перечислены в ст. 3 Закона.

Значит ли это, что движимое имущество не может быть объектом культурного наследия? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к ст. 6 закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 г. В нем движимые предметы материального мира именуется, как и в «Основах законодательства РФ о культуре» 1992 г., «культурными ценностями». Но в Законе 1993 г. в это понятие вложено более бедное содержание: это только движимые предметы материального мира. Но особо оговорено, что такое содержание вкладывается в них только в целях данного закона – сохранения культурного наследия народов РФ путем предотвращения их незаконного перемещения через границу РФ. Получается, что движимые культурные ценности, не являясь объектом культурного наследия, важны для его сохранения и нарушения в сфере их вывоза и ввоза создают угрозу сохранению культурного наследия.

Таким образом, культурные ценности могут иметь духовный характер и (или) быть материализованы. Нематериальные ценности культуры охраняются правом в иных юридических формах (путем применения норм авторского права, патентного права и т. п.). В отношении этих объектов применяется термин «интеллектуальная собственность».

К материальным культурным ценностям относятся:

1) недвижимые объекты, именуемые объектами культурного наследия;

2) движимые объекты, которые в ст. 3 ФЗ «О Музейном фонде...» и ст. 7 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей...» также именуется культурными ценностями.

Следовательно, в российском законодательстве понятие «культурные ценности» употребляется в широком и узком смыслах. «Культурные ценности» в широком смысле и «объекты культурного наследия» соотносятся как целое и часть. Объекты археологического наследия являются разновидностью объектов культурного наследия. Это имеет важное практическое значение для правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере охраны памятников.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ		
Материальные		Духовные
Недвижимые («объекты культурного наследия»)	Движимые («культурные ценности»)	
Объекты археологического наследия – скрытые в земле или под водой следы существования человека, (в т. ч. и имеющие к ним отношение движимые предметы)	Ценности, приобретенные археологическими, этнологическими и естественно-научными экспедициями	

В настоящее время законодательно не определен термин «историческое наследие». По мнению авторов комментария к Конституции Российской Федерации, этот термин полностью охватывается термином «культурное наследие» [13, с. 349].

Противоправные деяния, посягающие на охраняемые законом права и интересы граждан, общества и государства в сфере охраны, использования, владения объектами культурного наследия, образуют несколько составов административных правонарушений и уголовных преступлений.

В Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП) имеется четыре статьи, размещенные в гл. 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности». В данном случае именно отношения собственности являются объектом правовой охраны, а особая культурная ценность этой собственности является квалифицирующим признаком правонарушения. Предусмотрены следующие административные составы.

Статья 7.13 КоАП «Нарушение требований сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, их территорий и зон их охраны».

Нарушение требований сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, включенных в Государственный реестр объектов культурного наследия (Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения), их территорий, а равно несоблюдение ограничений, установленных в зонах их охраны, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти до пятнадцати минимальных размеров оплаты труда; на должностных лиц – от двадцати до тридцати минимальных размеров оплаты труда; на юридических лиц – от двухсот до трехсот минимальных размеров оплаты труда.

Эти же действия в отношении особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), внесенных в Список всемирного культурного и природного наследия, на их территориях, на территориях историко-культурных заповедников (музеев-заповедников) федерального значения, а равно в зонах их охраны, влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от двадцати до двадцати пяти минимальных размеров оплаты труда; на должностных лиц – от сорока до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда; на юридических лиц – от четырехсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда.

Статья 7.14 КоАП «Проведение земляных, строительных и иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия».

Проведение земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия в случаях, если такое разрешение обязательно, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти до пятнадцати минимальных размеров оплаты труда; на должностных лиц – от двадцати до тридцати минимальных размеров оплаты труда; на юридических лиц – от двухсот до трехсот минимальных размеров оплаты труда.

В соответствии с ФЗ «Об объектах культурного наследия...» устанавливаются следующие зоны охраны объекта культурного наследия: охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта. Производство земляных, строительных и других работ, а также хозяйственная деятельность

запрещаются без специального разрешения, а также запрещаются несанкционированный снос, перемещение, изменение недвижимых памятников истории и культуры.

Мероприятия по обеспечению сохранности памятников истории и культуры при производстве строительных, мелиоративных, дорожных и других работ осуществляются предприятиями, учреждениями и организациями, ведущими эти работы, с привлечением специализированных научных или научно – реставрационных организаций и координируются государственными органами охраны памятников.

В соответствии с п. 5 ст. 27 Земельного кодекса земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и занятые особо ценными объектами культурного наследия народов РФ, объектами, включенными в Список всемирного наследия, историко-культурными заповедниками, ограничиваются в обороте. По смыслу п. 2 ст. 129 ГК оборот указанных земель допускается только по специальному разрешению.

Согласно п. 1 ст. 99 ЗК земли объектов культурного наследия народов РФ (памятников истории и культуры), в том числе объектов археологического наследия, относятся к землям историко-культурного назначения.

Правила использования памятников истории и культуры предусматривают осуществление отдельных видов деятельности на основе лицензии: в соответствии с п. 1 ст. 17 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» обязательному лицензированию подлежит деятельность по реставрации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

Статья 7. 15 КоАП «Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения».

Ведение археологических разведок или раскопок без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа) в случаях, если наличие разрешения (открытого листа) обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (открытым листом), влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти до пятнадцати минимальных размеров оплаты труда с конфискацией предметов, добытых в результате раскопок; на должностных лиц – от двадцати до тридцати минимальных размеров оплаты труда с конфискацией предметов, добытых в результате раскопок; на юридических лиц – от двухсот до трехсот минимальных размеров оплаты труда с конфискацией предметов, добытых в результате раскопок.

В соответствии с пп. 8–10 ст. 45 ФЗ «Об объектах культурного наследия...» работы по выявлению и изучению объектов археологического

наследия (далее – археологические полевые работы) проводятся на основании выдаваемого сроком не более чем на один год в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, разрешения (открытого листа) на право проведения работ определенного вида на объекте археологического наследия.

Физические и юридические лица, проводившие археологические полевые работы, в течение трех лет со дня выполнения работ обязаны передать все обнаруженные культурные ценности (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

Отчет о выполненных археологических полевых работах и вся полевая документация в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) на право их проведения подлежат передаче на хранение в государственную часть Архивного фонда Российской Федерации в порядке, установленном Основами законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах.

Ведение гражданами, должностными лицами, юридическими лицами археологических разведок или раскопок без указанного разрешительного документа либо с нарушением его условий квалифицируется как рассматриваемое правонарушение.

Статья 7.16 КоАП «Незаконный отвод земельных участков на особо охраняемых землях историко-культурного назначения» влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от сорока до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда. Субъект правонарушения здесь специальный – должностное лицо, ответственное за отвод земельных участков.

В Уголовном кодексе РФ имеются четыре статьи, устанавливающие уголовную ответственность за ряд преступлений, предметами преступного посягательства являются предметы (объекты) культурного наследия.

Статья 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность» устанавливает ответственность за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, независимо от способа хищения и определяет наказание в виде лишения свободы на срок от шести до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, повлекшее уничтожение, порчу или разрушение предметов или документов, наказывается лишением свободы на

срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового. Это преступление имеет материальный состав и является оконченным с момента причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Термин «культурная ценность» здесь употреблен в узком смысле, т. е. в отношении движимого предмета, имеющего культурную ценность.

Статья 243 УК РФ устанавливает ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность. Эти деяния наказываются штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев либо лишением свободы на срок до двух лет. Те же деяния, совершенные в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения, наказываются штрафом в размере от семисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года либо лишением свободы на срок до пяти лет. В данной статье речь идет как о недвижимых памятниках, так и о движимых предметах, но только тех, которые находятся под охраной государства. Для этого они должны быть выявлены, оценены и включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия в соответствии с нормами, установленными гл. IV ФЗ «Об объектах культурного наследия...».

Статья УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность» размещена законодателем в разделе VIII «Преступления в сфере экономики», главе 21 «Преступления против собственности» УК. Именно отношения в сфере экономики и собственности являются соответственно родовым и видовым объектом преступного посягательства. Предметом хищения всегда является движимый объект материального мира, в этом состоит его материальный признак. Им не могут быть идеи, взгляды, информация и т. д. В него всегда должен быть вложен человеческий труд, и в этом состоит его социальный признак. Он должен находиться в чьей-либо собственности, в этом его юридически признак [16, с. 172]. Особая историческая или культурная ценность является дополнительным признаком предмета хищения [16, с. 192]. Она определяется на основании экспертного заключения с учетом не только стоимости предмета в денежном выражении, но и значимости для культуры, науки.

Статья 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» помещена законодателем в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Родовым объектом посягательства является общественная безопасность и общественный порядок в широком смысле слова, видовым – здоровье населения и общественная нравственность, непосредственным – общественная нравственность в области духовной и культурной жизни. Предметом являются объекты материального мира (движимое и недвижимое имущество), соответствующие признакам, указанным в ст. 3 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», включенные в свод объектов исторического и культурного наследия, утвержденный указом Президента РФ.

Таким образом, содержание термина «культурные ценности» в том широком смысле, в котором он употреблен в ст. 3 «Основ законодательства РФ о культуре», оказывается за рамками составов преступлений, предусмотренных ст. 164 и 243 УК РФ.

В российском уголовном праве преступления делятся на категории в зависимости от степени их общественной опасности. В соответствии со ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное ст. 164 УК РФ, в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков, относится к категории тяжких или особо тяжких. Преступление, предусмотренное ст. 243 УК РФ, в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков, относится к категории преступлений небольшой или средней тяжести.

Пожалуй, именно в том, что собственность (видовой объект преступления статей главы 21 УК РФ) охраняется более строго, чем здоровье населения и общественная нравственность, в том числе в области духовной и культурной жизни (видовой и непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 243), проявляется направленность текущей социальной политики.

Памятники археологии неразрывно связаны с землей. В настоящее время все большее значение приобретает изучение памятников историко-культурного значения, их точная привязка к определенной территории, земельным участкам. Эти объекты должны постоянно находиться под контролем государства. Изучение исторических памятников перспективно для создания туристических маршрутов, зон отдыха, музейных комплексов, экомузеев, для лучшего понимания жизни, культурных и научных достижений наших предков.

В соответствии с подпунктом 4 пункта 1 статьи 7 Земельного кодекса РФ в составе земель в Российской Федерации выделяется категория земель особо охраняемых территорий и их объектов. Среди них есть и земли историко-культурного назначения (подп. 4 п. 2 ст. 94 Земельного кодекса). Земли каждой категории используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. Правовой режим земель определяется, исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий. Термином «правовой режим» обозначается специфика юридического регулирования определенной сферы общественных отношений с помощью различных юридических средств и способов.

Анализ действующего российского законодательства позволяет выделить несколько признаков, на основании которых возможно отнесение земель и их объектов к категории особо охраняемых территорий:

1. Наличие особой ценности (научной, историко-культурной, экологической, рекреационной). Ценность земель историко-культурного назначения определяется тем, что на них расположено – т. е. памятниками истории и культуры. Правовой гарантией обеспечения охраны памятников истории и культуры является требование о том, что снос, перемещение, изменение недвижимых памятников истории и культуры запрещаются. Исключение из этого правила допускается лишь с особого в каждом случае разрешения Правительства РФ. Предприятие, учреждение, организация, получившие такое разрешение, при сносе, перемещении или изменении памятника обязаны обеспечить соблюдение условий, предусмотренных законодательством РФ, а соответствующий государственный орган охраны памятников обязан провести работы по научному изучению и фиксации памятников. Расходы, связанные с указанными работами, производятся за счет предприятия, учреждения, организации, получивших разрешение на снос, перемещение или изменение памятника.

2. Изъятие их из хозяйственного и гражданского оборота и запрет перевода из одной категории в другую. Последнее возможно только при утрате особо охраняемыми землями их ценности.

3. Полный запрет на хозяйственную деятельность на этих землях или ее существенное ограничение.

В рамках указанной категории земель отдельно выделяются земли историко-культурного назначения. К ним относятся земли: 1) объектов культурного наследия народов Российской Федерации (памятников истории и культуры), в том числе объектов археологического наследия; 2) достопримечательных мест, в том числе мест бытования исторических промыслов, производств и ремесел; 3) военных и гражданских захоронений (п. 1 ст. 99 Земельного кодекса).

К объектам культурного наследия народов Российской Федерации, в соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)» от 25.07.2002 г. № 72-ФЗ относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия, как отмечалось выше в соответствии с международными конвенциями и внутренним законодательством, могут быть представлены памятниками, ансамблями и достопримечательными местами.

Ст. 5 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)» к землям историко-культурного назначения относит земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также в границах территорий выявленных объектов культурного наследия.

На землях историко-культурного назначения не допускается деятельность, не соответствующая их целевому назначению. Целевым назначением использования этих земель является обеспечение сохранности памятников истории и культуры.

В целях сохранения объекта культурного наследия в его исторической, ландшафтной и градостроительной среде в соответствии со ст. 34 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)», ст. 13 закона Кемеровской области от 8 февраля 2006 г. № 29-ОЗ «Об объектах историко-культурного наследия (памятниках истории и культуры) Кемеровской области» устанавливаются зоны охраны объектов культурного наследия. Таких зон три: охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта.

Охранный зона – это территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направ-

ленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

Зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности – это территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность, определяются требования к реконструкции существующих зданий и сооружений.

Зона охраняемого природного ландшафта – это территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий хозяйственную деятельность, строительство и реконструкцию существующих зданий и сооружений в целях сохранения (регенерации) природного ландшафта, включая долины рек, водоемы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия.

Границы зон охраны объекта культурного наследия, режимы использования земель и градостроительные регламенты в границах данных зон утверждаются коллегией Администрации Кемеровской области на основании проекта зон охраны объекта культурного наследия:

- в отношении объектов культурного наследия федерального значения – по согласованию с федеральным органом охраны объектов культурного наследия;

- в отношении объектов культурного наследия регионального значения и объектов культурного наследия местного (муниципального) значения – по согласованию с органами местного самоуправления муниципальных образований, на территории которых расположены указанные объекты культурного наследия.

В пределах земель историко-культурного назначения за границами населенных пунктов запрещена деятельность, несовместимая с основным назначением этих территорий, а участки, не отнесенные к особо охраняемым, но расположенные в указанных зонах, используют в соответствии с требованиями охраны памятников истории и культуры. Проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории объекта культурного наследия и в зонах его охраны разрешено только в случае, если такая деятельность направлена на поддержание нормального состояния самого объекта.

Порядок отнесения земель к особо охраняемым и режим их использования и охраны устанавливаются органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в соответствии с федеральными законами, законами субъектов РФ и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Важным элементом правового режима земель историко-культурного назначения является запрещение производства любых земляных, строительных и других работ, запрет любой хозяйственной деятельности без разрешения соответствующих органов охраны памятников.

К числу ограничений, связанных с обеспечением охраны памятников истории и культуры, относится также и право исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления ограничивать или запрещать движение транспортных средств, самоходных машин и механизмов по дорогам, прилегающим к памятникам истории и культуры или через их охранные зоны, если создается угроза для существования памятников. На это имеются прямые указания в федеральном законодательстве и законодательстве Кемеровской области. Так, в соответствии со ст. 16 закона Кемеровской области «Об объектах историко-культурного наследия (памятниках истории и культуры) Кемеровской области» в случае угрозы нарушения целостности и сохранности объекта культурного наследия движение транспортных средств, самоходных машин и механизмов на территории данного объекта или в его зонах охраны ограничивается или запрещается коллегией Администрации Кемеровской области на основании представления департамента или органов местного самоуправления муниципального образования, на территории которого находится объект культурного наследия.

Далеко не все подобные объекты принадлежат государству. Памятники истории и культуры могут находиться в частной собственности и даже быть предметом сделок. Земли историко-культурного назначения, находящиеся в частной собственности или пользовании, как правило, не изымают, за исключением случаев, прямо установленных в законе. Однако в отношении них действуют определенные требования и ограничения. Например, если какая-либо территория подлежит исследованию и консервации, на ней может быть запрещена любая хозяйственная деятельность.

Переход права собственности на объект культурного наследия, ранее принадлежавший государству, к физическому или юридическому лицу (приватизация) производится в соответствии с гражданским законодательством РФ и соответствующими местными нормативно-правовыми актами (в случае, если речь идет о городской или муниципальной собственности). Условием является заключение между его будущим владельцем и государственным органом охраны и использования памятников истории и культуры специального договора – так называемого «охранного обязательства». Необходимо также наличие паспорта на этот памятник, включающего в себя в обязательном порядке описание недвижимых и дви-

жимых культурных ценностей объекта. Преимущественное право приватизации предоставляют юридическим лицам и гражданам, осуществившим ремонт или реставрацию памятника и обеспечивающим гарантии доступа граждан в соответствии с условиями охранно-арендного договора или охранного обязательства. Новый владелец вправе продать, подарить или иным способом передать объект недвижимого культурного наследия, предварительно уведомив об этом орган охраны памятников.

Охрану, защиту и реставрацию памятников истории и культуры осуществляет их собственник или пользователь по соответствующему договору. Другими словами, на это идут средства федерального, городского, муниципального бюджетов, частного лица или организации. В последнем случае возможно получение определенных льгот. Например, арендатор, вложивший свои деньги в работы по сохранению объекта культурного наследия, принадлежащего городу, имеет право на снижение ставки аренды, налоговые послабления, получение прибыли от использования этого объекта и т. п. Физическое или юридическое лицо, являющееся собственником объекта культурного наследия федерального значения либо пользующееся им на основании договора безвозмездного пользования и осуществляющее за счет собственных средств деятельность по его сохранению, имеет право на компенсацию произведенных им затрат при условии выполнения таких работ в соответствии с действующим законодательством.

Пользователи и собственники недвижимых памятников истории и культуры обязаны обеспечивать доступ к ним представителей органа охраны памятников, а если это оговорено соответствующими соглашениями, то и посетителей. Объекты частной собственности, содержащиеся бесхозяйственно, могут быть изъяты по решению суда путем выкупа или продажи с публичных торгов в соответствии с Гражданским кодексом РФ и федеральным законодательством.

Земли историко-культурного назначения, находящиеся в частной собственности или пользовании, как правило, не изымают, за исключением случаев, прямо установленных в законе. Но в их отношении действуют определенные требования и ограничения: например, если какая-либо территория подлежит исследованию и консервации, на ней может быть запрещена любая иная хозяйственная деятельность.

Как представляется, действенным средством, способствующим сохранению историко-культурного наследия, является повышение уровня правовой грамотности музейных работников и других лиц, занятых в сфере культуры. С этой целью в учебный план подготовки студентов по специальности «Музейное дело и охрана памятников» в КемГУКИ

включен лекционный курс «Правовая охрана историко-культурного наследия в Российской Федерации».

В его рамках рассматриваются вопросы статуса культуры в России, классификации историко-культурных ценностей, имущественных прав на них; условия вывоза и ввоза культурных ценностей; борьба с их хищениями, незаконным оборотом на международном рынке антиквариата; порядок проведения международных выставок произведений искусства за рубежом. Речь идет о таких гражданско-правовых понятиях, как реституция и виндикация, добросовестное и недобросовестное приобретение, исковая и приобретательская давность в их отношении к историко-культурным ценностям.

Представляет интерес ознакомление с международным частным правом, с такими его проблемами, как регулирование временного вывоза и ввоза, таможенное обложение, страхование, решение вопросов авторского права при издании каталогов, гарантии неприкосновенности экспонатов в случае предъявления претензий со стороны третьих лиц, розыск в случае хищения и т. д.

Также уделено внимание правовому статусу культурных ценностей, перемещенных в ходе Второй мировой войны.

В ряде зарубежных государств – Великобритании, США, Франции, Швейцарии – уже появились учебные курсы и стали издаваться специальные пособия по этой проблематике. Возникли также новые понятия: Art-Law, du droit de l'art. В российской правовой системе нормы, посвященные статусу культурно-исторического наследия, разбросаны по разным отраслям законодательства – гражданскому, земельному, административному и т. д. Оформление комплексной отрасли права, как это уже произошло в ряде стран, устранило бы имеющиеся противоречия между отдельными нормами и облегчило их применение на практике.

Литература

1. Булатов Р. Б. Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1995.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (принят ФС ГД РФ 21.10.1994) // Собрание законодательства РФ. – № 32 от 05.12.1994. Ст. 3301.
3. Горбачёв В. Г., Расопчин В. Г., Тищенко В. Н. Культурные ценности. – М., 1994.
4. Закон «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993 // Ведомости СНД и ВС РФ. – № 20 от 20.05.1993. – Ст. 718.
5. Закон РСФСР от 15.12.1978 г. (редакция от 25.06.2002 г.) «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // «Свод законов РСФСР». – 1978. – Т. 3. – С. 498.

6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001. – № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – № 44 от 29.10.2001. – Ст. 4147.
7. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 // Собрание законодательства РФ. – № 1 от 07.01.2002. – Ч. 1. – Ст. 1.
8. Конвенция ЮНЕСКО от 16 ноября 1972 г. «Об охране Всемирного культурного и природного наследия» // Приданов С. А., Щерба С. П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. – М., 2002.
9. Конституция Российской Федерации // «Российская газета». – № 237 от 25.12.1993 г.
10. Кулыгин В. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: возможности оптимизации // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 128–133.
11. Медведев Е. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003.
12. Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9.10.1992 г. – № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – № 46 от 19.11.1992. – Ст. 2615.
13. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. – М., 2002.
14. Приданов С. А., Щерба С. П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. – М., 2002.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 // Собрание законодательства РФ. – № 25 от 17. 06. 1996. – Ст. 2954.
16. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М., 2004.
17. Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации» от 26.05.1996 // Собрание законодательства РФ. – № 22 от 27.05.1996. – Ст. 2591.
18. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 // Собрание законодательства РФ. от 01.07.2002. – № 26. – Ст. 2519.

А. И. Мартынов, Н. А. Белоусова

МЕСТО ВУЗОВСКИХ МУЗЕЕВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДОВ

В конце XX – начале XXI в. в высшем образовании Западной Сибири заканчивается процесс становления и развития системы музейного дела. Количество музеев, представленных только в официальных источниках, увеличивается с 29 (в 1990-х гг.) до 40 (к 2003 г.). Активно развивается музеология в Кемерове, Омске, Томске, Барнауле. В этих городах в университетах и академиях искусств и культуры формируются центры

по подготовке музейных работников. В вузах открываются музеи естественно-исторического, исторического, художественного, геологического, лингвистического профиля.

Музей высшей школы в соответствии с современными научными теориями призван реализовывать функции трех социальных институтов: образования, науки и культуры. Более ответственны функции музея по сбору, сохранению и передаче образцов национальной и мировой культуры. Эти функции имеют двойственный характер, поскольку направлены не только на аккумуляцию культурного наследия и создание культурных образцов, но и на выполнение обязанностей культурно-информационной среды, посредством которой формируется духовность и гражданская ответственность. Музей призван быть источником и проводником интегрированных знаний о природе, нравственности, личности и обществе. Вузские музеи имеют беспрецедентный доступ к опыту и знаниям ученых; ни одна другая группа музейных работников не может похвастать такой прочной системой – «исследование–образование–популяризация». Ни одна другая группа музеев не обслуживает интересы таких разнообразных слоев общества и так тесно не связана с учащимися школ, студентами, аспирантами, учеными. Сегодня в Кемеровской области существует восемь музеев при высших учебных заведениях. Каждый из них имеет свою историю создания и место в культурно-образовательном пространстве двух крупных городов: Кемерово и Новокузнецк. Как пример такого музея рассмотрим историю и деятельность музея классического университета г. Кемерово – КемГУ. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета хорошо знают сотрудники кемеровских вузов и жители Кузбасса. Он расположен отдельно от учебных корпусов и открыт для всех желающих познакомиться с его материалами.

Основы его были заложены более 30 лет назад. Тогда в Кемеровском государственном педагогическом институте А. И. Мартыновым была создана лаборатория археологических исследований. Активно работали в ней студенты тех лет, ныне известные ученые и преподаватели: В. Бобров, А. Кулемзин, Ю. Бородкин, А. Каратаев, А. Болбеко, А. Ливанов, Н. Слепцов, В. Бобков, Н. Покровская, Е. Попов, А. Васютин, С. Маркин, а с ними – десятки других студентов. Это они, те, кто группировался вокруг лаборатории, заложили основы современного музея. Накапливались археологические материалы еще в недрах педагогического института, где был создан учебный кабинет археологии, из них начали формироваться сначала для научных и учебных целей археологическая и антропологическая

ческая коллекции. В лаборатории, в двух маленьких комнатках, постоянно работали студенты, реставрируя керамические сосуды, обрабатывая бронзу.

С открытием в 1974 г. университета и приездом в Кемерово семейства В. Скалона и Т. Гагиной были заложены основы музея зоологии, и в 1980 г. были открыты в Кемеровском университете, близко друг от друга, два отдельных музея – археологии и зоологии, как структуры соответствующих кафедр. И это было естественно, т. к. кафедры своей научно-практической деятельностью пополняли музеи, а музеи в свою очередь были базой для научной работы, как преподавателей, так и студентов.

Это было продолжением традиций отечественной и мировой практики организации музеев при университетах.

Мы не знаем ни одного зарубежного университета, где не было бы в его структуре музея или целой группы музеев. Можно отметить, при университетах США наиболее крупные музеи археологического, этнологического профиля и антропологии, известные своей научной, издательской деятельностью, коллекциями: музей Peabody при Гарвардском университете (Peabody – Harvard – Mus.), университете Лос-Анжелеса (Mus. – UC Los-Angeles), Пенсильванском, Мичиганском, Колумбийском, Колорадском, Иллинойском университетах. Прекрасные музеи, выполняющие научные и учебные функции, известны при университетах Британской Колумбии (British Columbia Mus.), Аризоны, Невады, Денвера, Нью-Мексико, Онтарио, Колорадо, Милвоки, Мичигана, Луизианы и Миссури [7]. Этот перечень можно было бы продолжить. Однако и так ясно, что любой университет имеет в своем составе музеи исторического и естественно-природного профиля.

Такая же картина с университетскими музеями в Канаде, где известен великолепный музей при университете Торонто, и в университетах Европы. Несколько университетских музеев, например, существует в университете Упсала в Швеции, одном из старейших в Европе. Среди прочих особого внимания заслуживают два музея: музей истории науки и археологический музей. Музей истории науки, расположенный в специальном здании на университетской площади, уникален своими экспонатами и своей концепцией. Удивительно, как веками сохраняли в этом музее физическую лабораторию XVI в., лабораторию алхимика, антропологические приборы XVII в., книги, личные принадлежности студентов и профессоров разных эпох. Музей действительно показывает на подлинных вещах развитие университета и вместе с тем развитие мировой науки.

Второй музей совсем другой. Тоже отдельное, достаточно большое здание и построенная по классическому образцу экспозиция – для ознакомления, осмотра, изучения. Здесь и материалы египетских экспедиций шведских археологов, саркофаги, подлинные, вывезенные в XVIII–XIX вв., мумии, предметы, папирусы, большие коллекции античных средиземноморских древностей. Естественно, что значительное место занимают средневековые материалы археологии и истории викингов.

Этот перечень далеко не случаен. Он свидетельствует о том, что с самого начала эпохи Возрождения и университетского образования в Европе была заложена основа своеобразного триединого начала: обучение – наука – музей, как предметная часть науки. О том, что это так, свидетельствует и опыт, особенно дореволюционный, отечественных университетов.

Прежде всего, наш старейший Московский университет. Годами, начиная с создания университета, и в дальнейшем при формировании научных школ скапливались сначала с учебными целями коллекции, которые потом становились музеями университета. Так создавались ныне знаменитые музеи антропологии им. Анучина, геологический и палеонтологический музей МГУ.

Не менее поучительна и по-своему интересна история создания музеев при первом сибирском университете. Царский указ об учреждении Императорского сибирского университета в городе Томске был подписан в мае 1878 г. Здание главного учебного корпуса было заложено в августе 1880 года, а официальное открытие состоялось летом 1888 года [6]. Интересно, что формирование научных коллекций и университетских музеев началось еще до официального открытия университета. В книге, выпущенной к 100-летию университета, отмечено: «В Томском университете традиционно считают днем его рождения 7 сентября 1980 г., день торжественной закладки главного университетского корпуса... именно с этого момента начинают формироваться многие важные подразделения университета (научная библиотека, музеи, ботанический сад)» [6]. Строительством университета фактически руководил профессор В. М. Флоринский, медик и археолог, наделенный Министерством просвещения широкими полномочиями, назначенный в 1885 г. попечителем Западно-Сибирского учебного округа. «...В. М. Флоринский был известный ученый с широкими научными интересами, включающими такие отдаленные отрасли знания, как медицина и археология, друг Д. И. Менделеева» [6]. С начала 1980-х гг. он активно ведет работу по собиранию археологических материалов для университета. «В Томск слали каменные и бронзовые орудия, изделия из кости, оружие, кольчуги, клады монет» [6]. Сюда поступали

археологические материалы с территории сооружения Обь-Енисейского канала. В результате активный сбор археологических древностей позволил в 1882 г., задолго до открытия университета, образовать первый из университетских музеев – археологический [6]. В. М. Флоринский был не одинок. С 1885 г. в ТГУ начал работать и проводить раскопки С. К. Кузнецов. В 1888 г. начал функционировать зоологический музей, с 1889 г. – ботанический музей-гербарий. В эти же годы профессор Н. Ф. Кашенко открыл Томскую палеолитическую стоянку.

Казалось бы, что все это не имеет прямого отношения к созданию музеев в Кемеровском университете. Однако это не так. Оказывается, была традиция, и, соблюдая ее, может быть даже подсознательно, интуитивно, руководствуясь потребностями, мы начали создавать музеи еще до открытия университета в Кемерове.

История создания нынешнего отдела древнейшей истории Сибири начинается в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. Еще с начала 1960 г. в Кемеровском пединституте сложилась определенная схема: учебный процесс (курс археологии, археологический кружок) – полевые исследования студентов – накопление материалов в лаборатории – их использование в учебном процессе. Тогда началось формирование основного фонда будущего музея [5].

В 1959–60-е гг. и в 1968 г. студентами археологического кружка Кемеровского пединститута под руководством А. И. Мартынова были раскопаны тагарский могильник скифской эпохи на реке Ягуня; в 1964–66-е гг. – Тисульский могильник.

В 1970 г. силами студентов, проходивших археологическую практику, были завершены раскопки Михайловского курганного могильника и начаты раскопки поселения гуннского времени II–IV вв. н. э. на р. Кии в Чебулинском районе; в 1969 г. был полностью раскопан Серебряковский могильник в Тисульском районе Кемеровской области. Это был первый полностью раскопанный могильник тагарской культуры. В 1968 г., также силами студентов, проходивших археологическую практику, были раскопаны Шестаковские, а в 1970 г. – Некрасовские курганы. В 1972 г. были завершены исследования Михайловского поселения [4]. Разведки и стационарные исследования, при постоянном участии студентов, проводились и в других местах: на р. Томи, в Красноярском и Алтайском краях. Все это создало первоклассные фонды археологических материалов к моменту открытия университета. Была создана система соединения научных исследований с учебным процессом, научная школа, были результаты полевых исследований; были публикации. Еще в 60-х годы начал издаваться сборник «Известия археологической лаборатории».

Все это и предопределило открытие кафедры археологии в только что созданном университете, а затем и открытие музея археологии и этнографии Южной Сибири. Первой заведующей музея стала молодая сотрудница кафедры археологии Маврина Н. А. (Белоусова Н. А.). Этнографические фонды музея начали формироваться с 1980-х гг. Активное участие в их создании принимали преподаватели кафедры археологии В. М. Кимеев, Р. В. Николаев, директор и сотрудники музея Н. А. Белоусова, Т. И. Кимеева [1].

С созданием в 1975 г. кафедры зоологии под руководством переехавшего в Кемерово крупного ученого зоолога проф. В. Н. Скалона началось формирование коллекций зоологического музея. Имея большие научные связи по всей стране, В. Н. Скалон обратился с просьбой о присылке необходимых экспонатов животных для проведения занятий и организации будущего музея. Ценные экспонаты редких для Кузбасса животных поступили из Казахстана, Алтая, Владивостока, Иркутского университета [2]. Но необходимо было представить и свою фауну Кузбасса. С 1978 г. кафедра зоологии начинает планомерное изучение Кузнецкого Алатау. Активное участие в работе экспедиций принимали студенты. Один из них, Белоусов Н. И., становится первым заведующим музея. Растут фонды будущего музея, появляются чучела лосей, косули, медведя, мелких куньих, а также растет коллекция птиц. Экспедиция на Дальний Восток и Японское море приносит коллекцию морской фауны. Все это дало возможность подготовить к открытию первую экспозицию зоологического музея.

Вузовский музей имеет свою специфику. Прежде всего, он сориентирован на учебный процесс, его предметность. Однако не надо забывать, что любой вузовский музей – это своего рода отчет научного коллектива преподавателей и студентов о научных исследованиях, достижениях в науке. Поэтому музей при вузе должен быть посещаем, открыт для города, о нем должны знать, он должен выполнять свою социальную роль, быть доступен и рекламируем.

С открытием в 1994 г. третьей экспозиции музея, в которой представлены древнейшая история, этнография и природа Сибири и которая построена по принципу «погружения в эпоху» и диорамного представления природных зон, наш музей начал выполнять свою социальную функцию в полной мере. В настоящее время музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета – крупнейший вузовский музей региона, головной музей регионального научно-методического Совета вузовских музеев Кузбасса, член межрегиональной Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства, международной Ассоциации «Открытый мир». За годы своего существования

музей стал заметным научным и образовательным центром по изучению и сохранению природно-культурного наследия Кузбасса и Сибири. Сегодня музей располагает экспозиционными залами площадью 300 кв. м, фондохранилищами площадью 250 кв. м, в них располагается более 130000 единиц хранения. Это материалы по археологии и этнографии Сибири, памятники первобытного наскального искусства Алтая, Хакасии, Казахстана, Киргизии, остеологические, палеонтологические, зоологические, орнитологические и энтомологические коллекции от Дальнего Востока до Узбекистана. На базе музея проводятся региональные, всероссийские и международные конференции. Он служит научно-учебной базой для подготовки специалистов исторического, биологического факультетов университета и других вузов Кузбасса, сотрудников государственных музеев региона. При музее работают: совет музея, Кемеровское отделение Российского энтомологического общества, совет ветеранов вуза. В музее проводятся выставки, праздники национально-культурных центров Кузбасса, презентации научных изданий. С 2003 г. в структуре музея появился еще один отдел – отдел истории вуза, который стал основой новой экспозиции.

С 2003 г. и до настоящего времени музей ведет самостоятельную работу по грантовой системе Министерства образования и науки РФ, результатом которой является создание электронной базы данных, приемлемой для музеев высшей школы и государственных музеев, на основе унифицированной структуры описания. Кроме этого, создан уникальный музейный продукт – «Каталог коллекций», первый выпуск которого вышел в свет в 2004 г., второй – в 2006 г. [3]. Он также представлен на сайте музея <http://museum.kemsu.ru> Для популяризации музейных экспозиций и научных материалов созданы CD-диски: виртуальная экскурсия по музею и электронная версия «Каталога коллекций». Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета сегодня – полноценное научно-учебное и одно из крупных научно-просветительных учреждений в регионе.

Литература

1. Белоусова Н. А., Кимеева Т. И. История формирования коллекции по тюркским народам Сибири в Кемеровском университете // Тюркские народы. Материалы 5-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2002. – С. 351–352.
2. Гагина Т. Н. Зоологическому отделу музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского университета 25 лет // Музей и наука (материалы научно-практического семинара, посвященного 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. – Кемерово, 2002. – С. 9–13.

3. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2004. – Вып. 1. – 111 с.; 2007. – Вып. 2. – 121 с.
4. Кафедра археологии к 60-летию советской археологии. – Кемерово, 1979. – С. 5.
5. Китова Л. Ю. 20 лет кафедре археологии. – Кемерово, 1995. – С. 3–5.
6. Томский университет. 1880–1980. – Томск, 1980. – С. 3, 14, 20, 21.
7. Gulde to Departaments of Anthropology. 19 Edition. American Antropologicfl Association. – 1980. – С. 444–491.

Т. И. Кимеева, Т. Н. Жидкова

МУЗЕЙ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА КУЗБАССА КАК УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Наследие в области спорта представляет собой несомненную ценность как часть всемирного культурного наследия, и его необходимо сохранять, чтобы лучше понять место физической культуры и спорта, в истории современного общества. Музей физической культуры и спорта, как социокультурное явление, предназначен для научного документирования явлений, связанных с его профилем, и имеет реальную возможность оказать влияние на формирование нового человека.

Возникновение и развитие музея физкультуры и спорта, как и других музеев, связано с деятельностью людей и детерминировано их естественными потребностями. В 1990-е гг. тяжелое положение культурной сферы Кузбасса, как и других регионов России, определялось внешними проблемами: экономическими невзгодами, связанными с переходом к рыночной экономике, дестабилизацией источников финансирования, что усиливалось местными условиями в связи с депрессивным состоянием ведущей отрасли региона – угольной. В этот период времени, несмотря на трудности, по распоряжению облспорткомитета от 1 апреля 1993 г. был создан общественный музей при ШВСМ (школе высшего спортивного мастерства). Его целью было сохранение историко-спортивного и культурного наследия области, пропаганда физической культуры и спорта среди населения, патриотическое воспитание молодежи и увековечение памяти о выдающихся спортсменах. Первым основателем и директором музея был заслуженный работник физической культуры Российской Федерации Геннадий Нестерович Голубец, деятельность которого была связана с развитием физкультуры и спорта в г. Кемерово, – он занимал пост заведующего отделом физкультуры и спорта облсовпрофа.

Первый этап развития музея характеризует активная собирательская деятельность. За два года существования была собрана коллекция из двух тысяч единиц хранения. В музее представлена значительная коллекция этого периода:

- спортивный инвентарь по горным лыжам, фехтованию, которым пользовались выдающиеся спортсмены Кузбасса;
- знамена спортивных обществ;
- коллекция клюшек по хоккею с мячом;
- документы, значки, медали, личные вещи кузбассовцев – участников Олимпийских игр;
- материалы по развитию массовой физкультуры в регионе с первой четверти XX.

В составе коллекции этого периода – документы, медали и наградные ленты с чемпионатов Европы и мира з. м. с. СССР Александра Воронина – участника Олимпийских игр в Монреале, обладателя 13 рекордов мира и страны по тяжелой атлетике.

Музей физкультуры и спорта открыт официально как ведомственный музей департамента физической культуры, спорта и туризма 1 ноября 1995 г., его штат состоял из двух заслуженных работников физической культуры и спорта РФ – директора и научного сотрудника, а также и уборщика. Местонахождение музея в культурном центре города, рядом со стадионом «Химик», как нельзя лучше отвечало запросам посетителей. Витринная экспозиция по культивируемым в Кузбассе видам спорта регулярно обновлялась в связи с происходящими в городе и области спортивными событиями. Выставочный зал в этот период времени являлся местом проведения городских и областных спортивных мероприятий, связанных с награждением спортсменов после соревнований различного уровня. В результате таких приемов осуществлялось поступление от спортсменов новых музейных предметов.

Сотрудники музея наряду с формированием фонда вещественных памятников старались собрать как можно больше информации в такой особой области человеческой деятельности, как спорт. Сохранение социальной памяти не было единственной задачей музея. Накопление фондовых материалов требовало их систематизации и научного исследования. В первую очередь начали изучаться материалы по участию кузбассовцев в Олимпийских играх и была создана портретная галерея, в основу которой положена хронологическая систематизация музейного материала. По поручению департамента физической культуры, спорта и туризма Кемеровской области музеем подготовлены справочные и фото-материалы для альбома «Они создавали спортивную славу Кузбасса».

Дальнейшие события складывались не совсем удачно для музея. К своему пятилетию музей получил новое помещение по адресу ул. Красноармейская, 41, где единственным и положительным моментом была большая выставочная площадь. Периферийное местоположение музея внесло некоторые коррективы в его деятельность. Наряду с постоянными витринными экспозициями в музее становятся популярными выездные выставки, посвященные конкретным музейным событиям. Например, в 1999 г. в музее организуется масштабная фотовыставка «Человек, творящий мир», посвященная сибиряку – трехкратному олимпийскому чемпиону А. Вахонину. В этом же году в Улан-Баторе (Дни Кузбасса в Монголии) состоится крупная выездная выставка «Кузбасс спортивный». Музей представил более 500 своих экспонатов в крупномасштабных выставках, проводимых в г. Новокузнецке – «Интерспорт», «Современное образование».

Активная собирательская деятельность позволила к началу нового столетия увеличить состав фондовых материалов до 10 тысяч единиц хранения. Материалы требовали дальнейшей систематизации и должны были стать основой для более глубокого изучения их специалистами-музееведами. С 2001 г. музей поступает в ведомство департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области. В его штате, состоящем из пяти человек, появляются специалисты-музееведы. В 2005 г., благодаря оснащению музея необходимым оборудованием – компьютерами, сканером, цветным и черно-белым принтерами, стало возможным активизировать его научный потенциал. Накопленные архивные документы, составившие к этому времени более 200 папок-досье на спортсменов Кузбасса, спортивные организации и спортивные сооружения, позволили заняться научно-исследовательской работой. Ограниченный штат имеет свои преимущества: любой проект осуществляется коллективными усилиями, что позволяет всем сотрудникам постоянно обогащать свои знания. Конечно, обмен информацией происходит стихийно, в результате заинтересованности членов коллектива в выполняемой работе, требующей разнообразных практических навыков и постоянного сотрудничества.

На современном этапе деятельность музея развивается в нескольких направлениях. Первое включает *научно-фондовую работу*, в ходе которой производится обработка информации по истории физической культуры и спорта в регионе.

Важным разделом работы музея является комплектование фондов. Источники и его организационные формы весьма разнообразны: от случайных поступлений, подготовленных ростом общей культуры населения и развитием музейного сознания, до целенаправленных поисков и плано-

мерных исследований с использованием средств массовой информации. Сложившиеся формы, каждая по-своему, интересны и важны в решении задач документирования общественного развития. В ходе комплектования фондов у музея сложилась сеть постоянных связей со спортивными учреждениями и лицами. Особый вклад в пополнение фондов вносят ветераны спорта (или их родственники).

Научная обработка музейных предметов осуществляется с учетом новых информационных технологий и использованием тех же методов, что применяются в музеях других профилей. На основе музейных стандартов разработаны: структура электронной книги поступлений и инвентарной книги, форма научного паспорта. В процессе научной обработки музейных предметов участвуют студенты кафедры истории, музееведения и краеведения специализации «Музейное дело и охрана памятников» в связи с тем, что на базе музея читается спецкурс «Комплектование, учет и хранение музейных предметов и проводится музейная практика.

Основной музейный фонд в настоящее время насчитывает 15 тысяч единиц хранения, среди которых документы, спортивное снаряжение кузбасских спортсменов, их личные вещи, спортивные значки, медали и награды. Около 6000 экспонатов представлены в экспозициях. Архивные материалы музея постоянно востребованы журналистами, библиотеками, учащейся молодежью города и области.

Второе направление работы музея – *культурно-образовательное* включает выставочно-экскурсионную деятельность и использование музейной информации для удовлетворения запросов преподавателей и учащихся детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ), специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва (СДЮШОР), а также студентов спортивных кафедр вузов Кемеровской области, учащихся общеобразовательных школ, журналистов, любителей спорта. Музей проводит обзорные и тематические экскурсии, разрабатываются игровые экскурсии. Думается, что спортивные музеи легче достигнут цели привлечения к спорту молодежи, если станут заниматься всеми игровыми формами, включая традиционные народные игры.

Выездные выставки, оформляемые сотрудниками музея, организуются в сотрудничестве с областными федерациями по видам спорта, библиотеками города Кемерово. Их тематика связана со знаменательными событиями в области спорта или общественной жизни Кузбасса, что способствует формированию чувства сопричастности к региональному культурному наследию. Традиционны выездные выставки музея Фиск на ежегодных губернаторских приемах, посвященных награждению лучших спортсменов года, и спортивных мероприятиях департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области.

Тематические передвижные выставки, оформление которых также подготовлено музеем, ежегодно представляются на турнирах, посвященных известным кузбасским спортсменам, например, олимпийскому чемпиону Александру Воронину или девятикратному чемпиону мира по боксу среди профессионалов Юрию Арбачакову. Временные выставки устраиваются для участников международных, российских и областных соревнований, физкультурных активов.

Организация частых выездных выставок не означает, что постоянные экспозиции не получают должного развития. Так, созданная на начальном этапе существования музея «фотогалерея» о кузбассовцах-олимпийцах в 2004 г. превращена в обширную стендовую экспозицию, снабженную историческими справками о спортсменах и их участии в Олимпийских играх. Выставка построена с соблюдением хронологического принципа построения экспозиции и с учетом того, что материалы данной тематики представляют для Кузбасса особую ценность. С 1956-го по 2006 г. 30 кузбасских спортсменов участвовали в Олимпийских играх. Еще в древние времена олимпийские чемпионы были окружены всеобщим вниманием, почетом и славой, они являлись национальными героями, становились почетными гражданами родных городов.

Коллекционный материал позволил создать витринную экспозицию об олимпийцах-легкоатлетах, которая гармонично вписалась в выставку о развитии легкой атлетики в Кузбассе. Этот вид спорта получил в нашем регионе статус «королевы спорта». Талантливый спортсмен-легкоатлет Николай Тимофеев в 1928 г. становится участником первой Всесоюзной и мировой рабочей Спартакиады, рекордсменом и чемпионом Западно-Сибирского края в беге на 800 м и в восьмикилометровом кроссе. В музее имеется архивная фотография, характеризующая это историческое событие. Другие исторические фотографии свидетельствуют об успешном выступлении наших соотечественников на всесоюзной арене в довоенные и послевоенные годы: кемеровская бегунья Анна Зайцева в 1940-е гг. принимала участие в составе сборной Советского Союза в кроссе UMANITE в Париже. Из тридцати участников Олимпийских игр пятеро – легкоатлеты. XXIV Олимпийские игры в Сеуле в 1988 г. принесли Кузбассу первого «стопроцентно нашего» олимпийца-легкоатлета – Вячеслава Иваненко, чемпиона в спортивной ходьбе, на 50 км, воспитанника заслуженного тренера СССР Юрия Подоплелова. В 1992 г. в Барселоне, на XXV Олимпийских играх, стартовали двое наших легкоатлетов: обладатель кубка мира, знаменитый кузбасский марафонец – Яков Толстиков и Андрей Тихонов. XXVII Олимпийские игры в Сиднее принесли Кузбассу серебряного призера – Елену Прохорову.

Спецификой создания экспозиции является человеческий фактор: не каждого из известных спортсменов удается убедить расстаться со своими спортивными наградами и личными вещами. Поэтому те, кто идет на сотрудничество с музеем и передает в его фонды свои материалы, представлены в экспозиции в полной мере. Например, вышеупомянутый легкоатлет Яков Толстикова – з. м. с. и победитель лондонского марафона; ЗТ по санному спорту Игорь Осетров – воспитавший А. Антонову, участницу Олимпийских игр; МС СССР Григорий Матвеев, стоявший у истоков санного спорта; МС СССР Анатолий Глебов, долгое время исполнявший обязанности главы Кемеровского района, и, конечно, ветераны 1950–60-х гг., занимающиеся сразу несколькими видами спорта и ощущающие сегодня невидимую связь с музеем.

Нашим землякам удалось добиться серьезных успехов на спортивных аренах Европы и мира в различных видах спорта. История развития зимних и летних видов спорта в Кузбассе раскрывается через построение экспозиций. В музее представлены витринные экспозиции, дополненные манекенами, бюстами известных спортсменов: «История развития шахмат в Кузбассе», «Тяжелая атлетика и пауэрлифтинг», «Виды спортивной борьбы в Кузбассе», «История велоспорта», «Спортивная гимнастика», «Художественная гимнастика», «Из истории мотоспорта», «Ветераны войны – ветераны Великой Отечественной», «Подарки спортсменам А. Г. Тулееву», «Саный спорт», «Горнолыжный спорт», «Спортивные танцы» и др. В связи с чемпионатом мира по хоккею с мячом сотрудника музея создана выставка «История русского хоккея».

В период подготовки выставок проводится исследовательская работа, позволившая восстановить вехи истории развития данных видов спорта, отраженные в пояснительных текстах к витринам и стендам. При формировании экспозиции отбирались предметы с ярко выраженными информативными, коммуникативными и аттрактивными свойствами. Структура экспозиции отвечает современным требованиям, через нее происходит целенаправленная передача знаний.

Музей больше всего привлекает людей, представляющий две возрастные группы. Первая – это посетители преклонного возраста. Их интересуют экспонаты, связанные с развитием физкультуры и спорта во времена их молодости. Они задерживаются перед экспозициями с медалями и значками. Для них музей – важное средство связи с прошлым. Неизгладимый след в сердцах ветеранов спорта оставляют проводимые музеем совместно с областными федерациями встречи спортсменов разных поколений, для которых организуется тематическая выставка. Напри-

мер, мероприятие «Встреча трех поколений», проводимое для ветеранов велоспорта, участников первых всесоюзных парадов физкультурников в Москве.

Вторая возрастная группа – дети. Как правило, их привозят на экскурсии учителя, тренеры. Для данной возрастной группы музей проводит ставшую традиционной акцию «Путь к Олимпу». Впервые она начала свою работу в 2001 г. и все последующие годы на протяжении летнего периода собирает до 1,5 тысячи детей города, включая ребят из интернатов и детских домов. Акцией предусмотрены встречи в музее с участниками Олимпийских игр, чемпионатов и Кубков мира, ветеранами спорта. Это дает возможность детям не только познакомиться с историей развития Олимпийского движения в Кузбассе, но изменить свою жизнь, связав ее со спортом. О воспитании своей воли и становлении характера рассказывали учащимся кемеровских школ молодые и уже знаменитые в своей стране спортсмены на такой акции, как «Спортсмены против наркотиков». Акция 2002 г. «Музей спорта – детям» собрала в летний период около трех тысяч детей.

Для той и другой возрастных групп небезынтересен материал о развитии массовой физкультуры в Кемеровской области. Администрация области проводит политику развития массовой физкультуры, и музей не остается в стороне: на одном из губернаторских приемов была организована передвижная выставка «Развитие массовой физкультуры в Кузбассе», где были представлены уникальные экспонаты по организации дворовых спортивных команд в 1960-е гг. Подобные команды были во многих дворах г. Кемерово, в музее имеются редкие фотоматериалы и экспонаты о дворовой команде дома № 7, созданной местным Советом физкультуры под председательством А. Н. Коробецкого, имя которого сегодня носит центральный стадион «Химик». Совет физкультуры подчинялся ЦС ДСО «Труд» и регулярно отчитывался перед ним о проделанной работе. Утро дворовой команды начиналось с массовой зарядки, на которую выходили жильцы от мала до велика. На каждый спортивный праздник команда представляла своих спортсменов. Материалы музея сегодня в определенной степени могут способствовать развитию такого прекрасного начинания как развитие массовой физкультуры.

Третье направление – научно-исследовательское – связано с подготовкой сотрудниками исторических справок по отдельным видам спорта, истории спортивных организаций и обществ Кузбасса. Сотрудники музея регулярно принимают участие в научных конференциях регионального и всероссийского уровней как музееведческого, так и физкультурно-спортивного направлений. Результатом участия являются публикации статей

в научных сборниках и историко-краеведческих альманахах. Сотрудничество со средствами массовой информации способствует рекламе музея физкультуры и спорта. Осуществлен выпуск юбилейного буклета, карманных календарей с изображением ведущих спортсменов Кузбасса.

Музей ФиСК сотрудничает с краеведческими и специализированными музеями города и области. Оказывает методическую поддержку таким молодым музеям, как, например, музеи училищ олимпийского резерва г. Ленинск-Кузнецкий и г. Новокузнецка, в штате которых нет специалистов-музеевдов. Ежегодно музей участвует в организации городской туристско-краеведческой олимпиады «Знатоки родного края», областной ежегодной детской конференции «Живи, Кузнецкая земля», а также в семинарах, проводимым сектором краеведческой информации центральной городской библиотеки им. Гоголя и других детских библиотек г. Кемерово.

Сотрудники музея работают в тесном контакте с ветеранской организацией Кемеровской области «Олимп» и участвуют в разработке программ для проведения в музее «круглых столов» по вопросам развития ветеранского движения в Кузбассе, сценариев праздничных встреч ветеранов спорта в музее. Подобные мероприятия вносят значительный вклад в исследовательскую работу по истории развития отдельных видов спорта в Кемеровской области и положительно сказываются на комплектовании фондов.

На базе музея на протяжении последних двух лет читаются спецкурсы для студентов специализации «Музееведение» Кемеровского государственного университета культуры и искусств и Кемеровского государственного университета – «Комплектование, учет и хранение музейных предметов», «Основы консервации и реставрации музейных предметов». Проводимые в музее занятия со студентами дают возможность проявиться их творческой активности: они участвуют в обсуждении экспозиций, им предоставляется возможность «пробы пера» в создании тематико-экспозиционных планов, в обсуждении экспозиций по отдельным видам спорта и участию в реэкспозиции. Музей не может в наших сегодняшних условиях предпринять крупномасштабной реорганизации и ограничивается заменой экспонатов, сокращением их числа, включением в экспозицию новых пояснительных текстов или рисунков. Такая работа позволяет уяснить, насколько серьезны проблемы донесения информации до публики, в данном случае представленной студентами.

У музея физической культуры и спорта Кузбасса большие перспективные планы. Перед департаментом молодежной политики и спорта Кемеровской области поставлена задача предоставления музею нового помещения в культурном центре города Кемерово. Музей планирует

организацию двух залов – зала постоянной экспозиции и выставочного. В первом планируется создание двух тематических зон по зимним и летним видам спорта, включающих витрины и диорамы. Выставочный зал будет предназначен для постоянно меняющихся выставок, соответственно общественно значимых событий города и области. Коллективу музея предстоит преодолеть большие трудности в создании проекта постоянной экспозиции, ведь в музее представлены материалы более чем по 50 видам спорта, культивируемым в Кузбассе. Как и любой другой музей, МФиСК мечтает о просторном фондохранилище, где экспонаты будут размещены в соответствии с требованиями к температурно-влажностному, световому и биологическому режимам хранения музейных предметов.

Таким образом, музей физической культуры и спорта Кузбасса использует свои коллекции не только для возрождения физической культуры и спорта, но с ее помощью оказывает влияние на общество в целом. При распространении знаний применяются продуманные и разработанные методы, не сбрасывается со счетов и подсознательное восприятие. Музейные средства используются как уникальная возможность возвести невидимый мост между тем положительным, что было в прошлом, и надеждами современного общества.

Список сокращений

ДЮСШ – детско-юношеская спортивная школа

СДЮШОР – специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва

ЗТ – заслуженный тренер

МС СССР – мастер спорта СССР

МФиСК – музей физкультуры и спорта Кузбасса

Облсовпроф – областной совет профсоюзов

ЦС ДСО – Центральный совет добровольно-спортивного общества

Источники

Архив музея ФиСК, дд. 1, 2, 50, 115, 136, 127.

Ю. В. Клюев

МОДЕЛИ СЛУЖБЫ МАРКЕТИНГА ДЛЯ МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Для реорганизации и адаптации структуры музейного учреждения к рынку требуется понимание существующей перед конкретным музеем проблемы.

Прежде всего, необходимо строить организационную структуру в музейном учреждении, исходя из функций данного конкретного музея, так как именно направление деятельности музея определяет его функции. Исходя из этого уже формируется структура музея.

Вопрос о пересмотре прежней структуры российских музеев с жестко закрепленными функциями подразделений и обязанностями сотрудников, ориентированными на «спокойную» среду, на сегодняшний день потерял свою актуальность. В современных условиях музеям необходимо создавать такие структуры своих организаций, которые бы функционировали адекватно условиям рыночной экономики. Необходимость совершенствования управления музеями возникла уже давно, оставалось решить, как лучше это сделать.

Действительно, выбор вариантов, как совершенствовать управление музеем очень разнообразен. На наш взгляд, предпочтительнее всего создание службы маркетинга, к тому же проведенные исследования в 2006 году в сорока двух музеях Кемеровской области подтверждают наш выбор. Мы исходим из того, что структуру музея, как было сказано выше, определяют его функции. Переход музеев к рыночной системе ведет к изменению функций. Особенно это связано с появлением конкуренции и новых ценностных установок общества.

Опыт работы музейных и других учреждений культуры показал, что в условиях рыночной экономики только правильный подход в управлении деятельностью приносит им успех.

Изменение социально-экономической ситуации в стране потребовало разработки и проведения новой культурной политики, необходимости введения новых технологий в системе управления культуры и, в том числе, музеями.

Сегодня службы маркетинга могут быть организованы на разных основаниях. Все зависит от позиций руководства музея и целей, которые ставятся перед ним.

На современном этапе существует множество моделей построения служб маркетинга. Однако, на наш взгляд, только три организационные структуры (модели) могут быть реализованы при построении службы маркетинга в музеях Кемеровской области: функциональная, матричная и проектная.

Самой распространенной схемой является функциональная организация службы маркетинга. В этом случае специалисты по маркетингу руководят разными видами (функциями) маркетинговой деятельности. Они подчиняются заведующему отделу маркетинга, который координирует их работу. Основным достоинством функциональной организации является

простота управления. Для реализации службы маркетинга в музеях на основе функциональной организации потребуются значительные ресурсы, которые в настоящее время есть не у каждого музея. На рис. 1. представлена модель службы маркетинга по функциональному принципу.

Данная служба сможет функционировать только при наличии всех необходимых для этого ресурсов (человеческих и материальных).

Таким образом, к достоинству данной структуры можно отнести простоту функционирования, а к недостатку – ее дороговизну.

На основании проведенных нами исследований и статистики мы вправе заключить, что сейчас музеи Кемеровской области не готовы к созданию службы маркетинга как самостоятельной структуры (функциональной структуры управления) из-за ограниченности ресурсов (финансовых и др.). Поэтому мы предлагаем два альтернативных варианта, которые могут стать промежуточными этапами на пути построения функциональной службы маркетинга.

В качестве первого альтернативного варианта создания «виртуальной» службы маркетинга мы предлагаем организацию службы маркетинга на основе матричной структуры управления, так как она не требует существенных финансовых вливаний.

Матричная структура управления наиболее логична и широко распространена в настоящее время (в том числе и в России) (рис. 2.).

Данная структура обеспечивает четкое разделение управленческой и профессиональной ответственности. Эта система имеет преимущества с точки зрения достижения целей, четкости функций руководителя и исполнителя. Соотношения управленческих и профессиональных потребностей, устанавливаемых матричной организацией, представляют компромисс, гарантирующий энергичное следование целям и одновременно соблюдение интересов большей части персонала. В рамках матричной организации в выполнение работы легко вовлекаются другие службы музея. Отдельные специалисты, работая в рамках одной комплексной команды, преследуют конкретные и осязаемые цели. Будучи специалистами в своих дисциплинах, такие работники приобретают более высокий статус в «междисциплинарной» команде. Вместе с тем они сохраняют связь со своей дисциплиной и не теряют возможности обращаться к руководителю специализированного подразделения по профессиональным вопросам. Так как большинство специалистов любят работать над конкретными задачами, матричная организация отдела маркетинга хорошо воспринимается персоналом, также матричный принцип самый низкокзатратный, что очень хорошо для администрации музеев с их ограниченными ресурсами. Поэтому внедрение службы маркетинга на основе матрич-

ной организации можно использовать как промежуточную ступень к созданию службы маркетинга. Для функционирования службы маркетинга в музее по матричной системе управления, с целью минимизации затрат ресурсов, достаточно привлечь одного специалиста в области музейного маркетинга для координирования данной службы.

Представленная на рис. 2. матричная организация службы маркетинга – это всего лишь небольшая часть всех возможных взаимосвязей между сотрудниками разных отделов музея. Из рассматриваемого рисунка, например, видно, что разработкой рекламы могут сообща заниматься сотрудники научно-исследовательского, реставрационного и издательского отделов. А именно, каждый из них может осуществлять свое направление: выбрать наиболее оптимальное средство представления рекламы (щитовую, телевизионную, рекламу на радио, на продуктах питания, ручках и т. д.); разработать макет рекламы (этим мог бы заняться художник реставрационного отдела); разработать слоган или небольшое обращение к аудитории (это задание можно поручить поэту из издательского отдела и научному сотруднику из научно-исследовательского отдела; редакцией займется, соответственно, редактор издательского отдела) и т. п.

Формирование матричной структуры службы маркетинга и подбор кадров в музеях Кемеровской области можно осуществлять по принципу, представленному в табл. 1.

Из табл. 1 мы видим, что шесть сотрудников из семи являются сотрудниками самого музейного учреждения, которые помимо своих основных обязанностей дополнительно занимаются и новыми обязанностями, связанными с маркетингом. Только один сотрудник является специалистом в области маркетинга, у него главная задача – планировать, координировать и декодировать маркетинговые усилия шести сотрудников (не специалистов в этой области, но имеющих желание и определенные способности).

Другим вариантом создания службы маркетинга в музеях Кемеровской области является проектная организация, так как она тоже не требует существенных финансовых вливаний (рис. 3.).

Реализация проектного управления в таком случае осуществляется, например, путем создания рабочих групп. Управление проектом осуществляется одним-двумя ведущими специалистами, частично занятыми управлением проектом. Или, как мы рекомендуем, можно привлечь специалиста в области музейного маркетинга (заместителя директора по маркетингу), который бы курировал только данные проекты. Рабочая группа состоит из представителей функциональных структур,

принимающих участие в реализации проекта. Основной функцией руководителя проекта в данном случае является координация взаимодействий участников и дополнительный контроль его основных параметров. Контроль и управление осуществляются на основе совещаний, встреч, советов и т. д.

Достоинства такой структуры заключаются в следующем:

- возможность использования специалистов с узкой и одновременно глубокой профессиональной подготовкой;

- отсутствие необходимости содержания специального штата управления проектом;

- и, как следствие, незначительное увеличение расходов на содержание аппарата управления музейным учреждением в целом.

Недостатки такой структуры связаны с тем, что, как правило, такие рабочие группы решают только технические и технологические аспекты проекта. Решение вопросов, связанных с финансированием, а также вопросов, связанных со стратегическими аспектами реализации проекта, остается за руководством музея. Эффективное планирование и контроль за ходом реализации проекта затруднены, потому что практически все сотрудники, занятые в осуществлении проекта, выполняют также и другие обязанности. Низкая эффективность планирования и реализации контроля над выполнением проектных работ обусловлена «размытостью» персонала, отвечающего за выполнение тех или других отдельных этапов проекта. Другим недостатком такой системы является ее «инерционность». Гибкость системы управления особенно актуальна в настоящее время, когда практически меняются все параметры рынка, начиная от резкого колебания структуры рынка и кончая условиями работ субподрядчиков, поставщиков, контактных аудиторий и т. д. Инерционность проявляется в замедленной реакции на запросы рынка, действия конкурентов и т. д. Инерционность большинство специалистов связывают с медленным прохождением информации по функциональным структурам «снизу вверх» и «сверху вниз», что, в свою очередь, усугубляется влиянием субъективных факторов.

Кроме того, руководители проекта в такой схеме не обладают достаточной властью для обеспечения эффективной реализации проекта.

Однако, при всех этих недостатках, которые реально преодолимы в музейном учреждении, достоинства выглядят на порядок выше. Если правильно скоординировать работу между руководством музея и координатором по маркетингу, договориться о времени работы над проектом необходимых сотрудников и линейке подчинения, на наш взгляд, недостатков просто не будет.

В современных условиях построение проектной организации службы маркетинга в музейных учреждениях – это наиболее сбалансированный механизм между дефицитом ресурсов, с одной стороны, и низкой конкурентоспособностью на рынке информационных услуг, с другой стороны.

Формирование проектной структуры службы маркетинга и подбор кадров в музеях Кемеровской области отражены в табл. 2.

Данная таблица полностью повторяет условия (музейные ресурсы), необходимые при построении матричной службы маркетинга. Ее существенной отличительной чертой от предыдущего варианта является не постоянная загрузка сотрудников, а в зависимости от реализуемого проекта, то есть поэтапная. Руководитель «виртуальной» службы маркетинга является фактически администратором маркетинговых проектов. Например, при реализации концепции музейного маркетинга в музейном учреждении первым этапом будет проведение маркетинговых исследований. На этом этапе будут задействованы только два сотрудника. Остальные будут заниматься своими основными обязанностями, возложенными на них должностной инструкцией согласно занимаемой должности по штатному расписанию.

Соответственно после реализации первого этапа сотрудники возвращаются к своим основным обязанностям, и начинается второй этап, в котором принимают участие уже другие работники музея. Такое поэтапное замещение будет происходить до прохождения полного цикла реализации концепции маркетинга в музее. А затем все повторяется вновь.

Отдельным разговором является создание эффективной маркетинговой системы для районных музеев Кемеровской области.

Четверть всех государственных музеев Кемеровской области расположена в районах, как правило, численность персонала данных музеев не превышает трех-пяти человек. Эти музеи очень малы и, в отличие от музеев, находящихся в городах, не обладают теми же ресурсами (финансовыми, материальными, кадровыми и т. д.). Из пятнадцати районов Кемеровской области только двенадцать имеют свой музей, и то по одному в каждом районе. Поэтому создание службы маркетинга по рассмотренным выше вариантам среди этой части музеев не представляется возможным.

По этой причине мы предлагаем при департаменте культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области принять специалиста – маркетолога, который бы занимался продвижением музейных услуг районных музеев населению. Фактически данный специалист выполнял бы роль разработчика и координатора проектов в области музейного маркетинга (рис. 4).

Например, маркетологу (руководителю проектов) необходимо выяснить мнение аудитории относительно деятельности музея (проект 1).

Для этого им разрабатывается анкета, включающая в себя унифицированную часть вопросов, которая подходит для всех районных музеев, и вторую часть, которая состоит из вопросов, разрабатываемых для конкретного музея с учетом его специфики деятельности. Разработанную маркетологом анкету спускают в районные отделы культуры, которые помогают на месте (музею данного района) проводить исследование. Районные отделы культуры выполняют кураторскую программу, они помогают сотрудникам музеев иметь официальное разрешение на сбор информации у населения с поддержкой от органов милиции (участковых), если это необходимо в целях безопасности.

Затем полученные после проводимого маркетингового исследования данные передаются через районные отделы культуры в департамент культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области, а именно маркетологу, который анализирует полученную информацию и составляет план (планы) действий по повышению эффективности работы районных музеев.

Предложенная нами система реализации службы маркетинга для музеев, расположенных в районах Кемеровской области, построена на основе функциональной организации, которая не требует больших ресурсов, но поможет существенно повысить эффективность деятельности районных музеев.

Таким образом, для повышения эффективности деятельности музейных учреждений Кемеровской области при наличии дефицита ресурсов нами были предложены различные модели построения службы маркетинга.

Рисунок 1. Функциональная организация службы маркетинга

	Научно-исследовательский отдел	Отдел фондов	Культурно-просветительский отдел	Реставрационный отдел	Издательский отдел	Коммерческий отдел	и т. д.
Маркетинговые исследования							
Реклама							
Паблик рилейшнз							
Сбыт							
Инновационные разработки							
и т. д.							

Рисунок 2. Матричная организация службы маркетинга

Таблица 1

**Матричная структура службы маркетинга и подбор кадров
(распределение ответственности)**

Вид деятельности	Персонал
Руководитель службы маркетинга	Приглашенный специалист (не музейный работник)
Сектор сейлз промоушн, в т. ч.	
- сектор рекламы, в т. ч.	
- рекламист	Научный сотрудник музея

Вид деятельности	Персонал
- художник-копирайтер	Художник-реставратор
- Сектор паблик рилейшнз, в т. ч.	
- PR- менеджер	Научный сотрудник
- Сектор паблик Сити, в т. ч.	
- пресс-секретарь	Научный сотрудник
- Сектор инновационных разработок, в т. ч.	
- инновационный дизайнер	Научный сотрудник
Сектор маркетинговых исследований, в т. ч.	
- маркетолог	Научный сотрудник
- маркетолог	Научный сотрудник

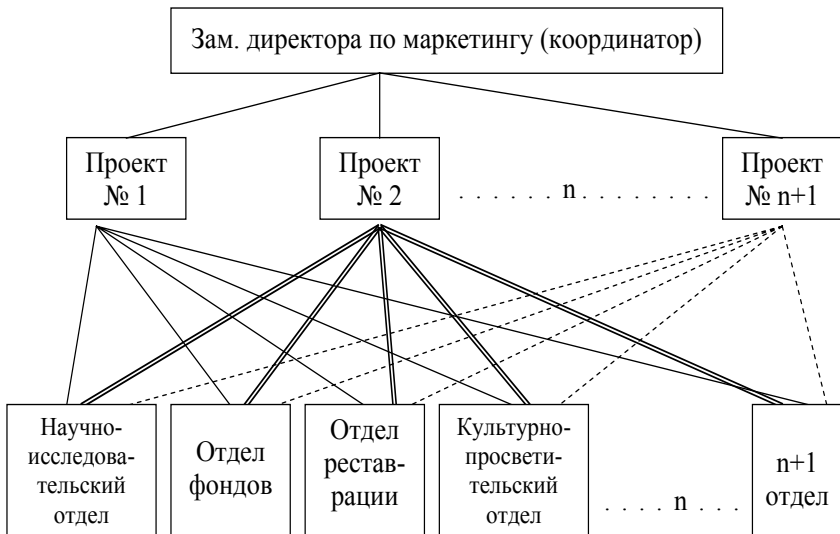

Рисунок 3. Проектная организация службы маркетинга

**Проектная структура службы маркетинга и подбор кадров
(распределение ответственности)**

Вид деятельности	Ответственный
Руководитель службы маркетинга	Приглашенный специалист (не музейный работник)
Сектор сейлз промоушн, в т. ч.	
- сектор рекламы, в т. ч.	
- рекламист	Научный сотрудник музея
- художник-копирайтер	Художник-реставратор
- Сектор паблик рилейшнз, в т. ч.	
- PR-менеджер	Научный сотрудник
- Сектор паблик сити, в т. ч.	
- пресс-секретарь	Научный сотрудник
- Сектор инновационных разработок, в т. ч.	
- инновацмейкер	Научный сотрудник
Сектор маркетинговых исследований, в т. ч.	
- маркетолог	Научный сотрудник
- маркетолог	Научный сотрудник

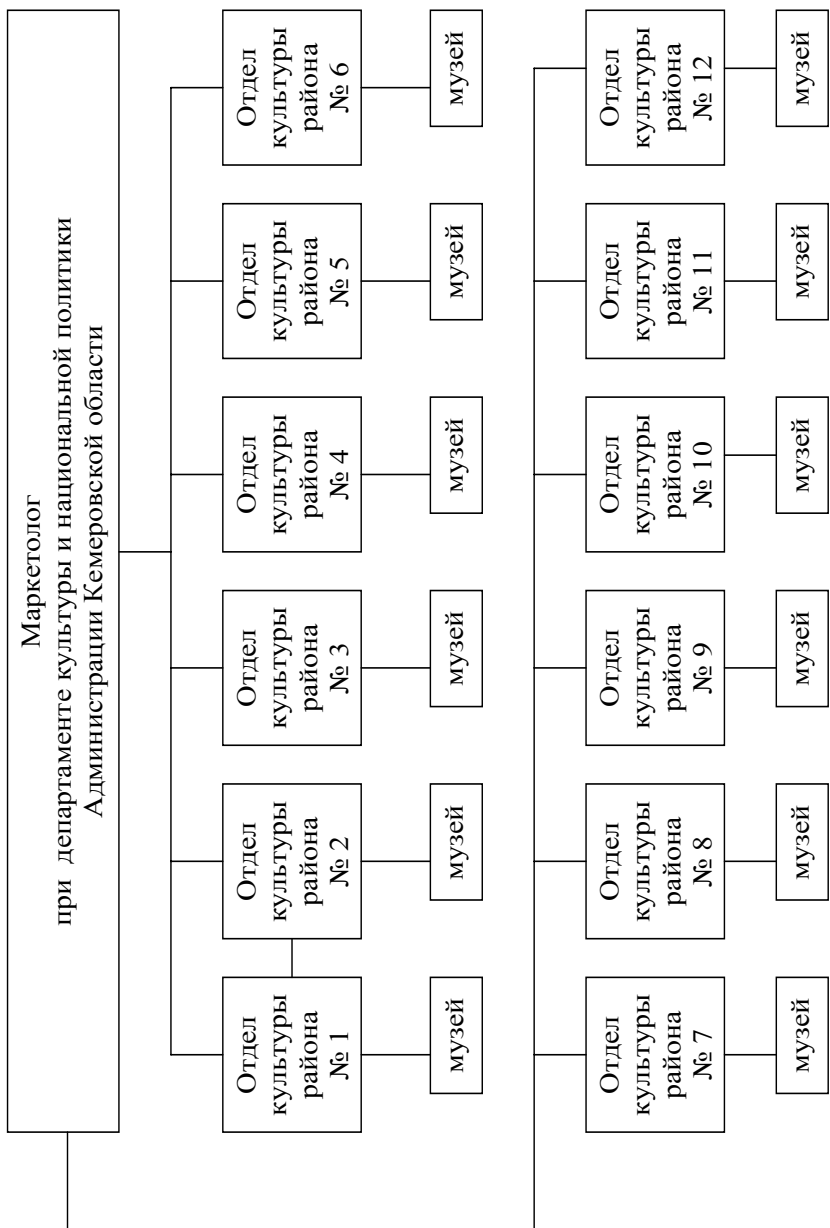

Рисунок 4. Организация службы маркетинга для районных музеев Кемеровской области

**ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ
ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

При всем многообразии существующих музеев на территории России краеведческие музеи играют особую роль в обществе, что, в свою очередь, обусловлено природно-географическими, социальными и историко-культурными особенностями развития страны, а именно: информационная база краеведческих музеев выступает важным компонентом в решении проблем в образовательно-просветительской сфере; в расширении и формировании творческого, научно-исследовательского и научно-технического потенциала региона; локальный материал краеведческих музеев способствует единению, рационализации интересов различных многонациональных и многоконфессиональных общностей России. Примером является опыт становления краеведческих музеев юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Возникновение краеведческих музеев на территории юга Западной Сибири определялось следующими факторами: во-первых, наличием ценного историко-культурного наследия, формировавшегося под воздействием разнообразных природно-климатических, географических условий, культурогенеза народов и народностей местного края, и необходимостью его сохранения и изучения в условиях перманентных социально-экономических, политических потрясений. В результате интенсивной научно-исследовательской деятельности в руках членов местных сообществ сосредотачивался большой объем материала, отражающий природно-географическое, экономическое, социальное и историко-культурное развитие местного края. Так, статистические комитеты открывали музеи на основе всестороннего описания губернии и доставлявшихся в комитет отдельных предметов, коллекций. Процесс изучения природных, этнических особенностей Сибири положил начало музею при Западно-Сибирском отделе РГО, у истоков которого стоял генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Кознаков [2, с. 54].

Во-вторых, осознанием местной общественностью ценности историко-культурного наследия своего края и острой потребностью местного населения в получении образования. «Затронутый дух любознательности в сибирском обществе и жажда просвещения, – писал общественный деятель Сибири, редактор газеты «Восточное обозрение» Н. М. Ядринцев, – способствовали основанию местных музеев, рост и развитие которых

ныне поучительное явление» [5, с. 67]. Примером такого музея может служить Минусинский музей, организованный в 1876 г. Н. М. Мартыновым, краеведом, заведующим минусинской аптекой. В становлении и развитии музея принимали непосредственное участие ученые, инженеры, учителя, врачи, политические ссыльные, промышленники, купечество, чиновничество, крестьяне [4, с. 59].

Необходимо отметить, что краеведческие музеи юга Западной Сибири концентрировали вокруг себя прогрессивно мыслящих людей, понимавших значение сохранения и изучения историко-культурного наследия края. Большую роль в деятельности музеев сыграли политические ссыльные, среди которых необходимо отметить таких выдающихся ученых, как Д. А. Клеменц, Л. О. Лукашевич, П. А. Аргунов, Ф. Я. Кон, С. К. Кузнецов, А. П. Шапов и другие, и местная интеллигенция – Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. М. Мартынов, Т. Н. Сайлотов, Г. К. Фролов, Ф. Г. Геблер, И. Я. Словцов, Н. Г. Казнаков, Г. Е. Катанев, Н. Ф. Кащенко, П. Н. Велижанин, М. Б. Шатилов, Н. А. Тихомиров, В. В. Ревердатто и др.

В-третьих, развитием краеведческого (родоноведческого) движения: работа музеев, направленная на выявление особенностей и своеобразия местного края, составляет сущность краеведческого исследования. В послереволюционный период интенсивное развитие краеведения («золотое десятилетие краеведения») одновременно активизировало музееведческую деятельность на территории юга Западной Сибири: открывались новые музеи местного края и активно развивалась их научно-исследовательская и культурно-просветительская деятельность. В 1922 г. открывается музей в Новокузнецке, инициатор – кузнецкий слесарь Д. Т. Ярославцев; в 1920 г. – в Новосибирске, основатель В. А. Акмиров; в 1922 г. – Томский краевой музей, идея исходила от интеллигенции города (Д. А. Кузнецова, Г. Н. Потанина, А. В. Адрианова, Н. В. Кащенко, Б. П. Вейнберга и др.); 6 октября 1929 г. был открыт Кемеровский областной краеведческий музей, основатели – краеведы, члены Общества изучения Сибири [3, с. 34, 19, 61, 57].

На протяжении рассматриваемого периода в научно-исследовательской деятельности музеев юга Западной Сибири наблюдается формирование тесной связи со специдисциплинами и с большой (академической) наукой. Музеи при организации экспозиции применяли методы научной систематизации материалов, способствовали изысканию и «введению» в науку новых источников, а ученые помогали музейным сотрудникам, краеведам в обобщении и осмыслении конкретного материала. Были установлены контакты с краеведческими, научными учреждениями

(ЗСОРГО, Алтайское отделение РГО, Общество изучения Томского края, Общество изучения Сибири) и с учреждениями центра (Ленинграда, Москвы – Академия наук и ее учреждения, Главный Ботанический сад) [1, с. 194–195].

Огромное значение краеведческие музеи юга Западной Сибири придавали культурно-просветительской деятельности. Создавая экспозицию, музеи, в первую очередь, стремились сделать ее интересной, понятной и практически полезной местному населению. Путем проведения экскурсий, народных чтений, лекций, а также активно участвуя в формировании краеведческих основ в дошкольных, школьных и внешкольных образовательных и воспитательных учреждениях, музеи несли знания о родном крае широким слоям местного населения.

Итак, краеведческие музеи юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. сыграли исключительную роль в социокультурном развитии региона. Во-первых, они отражали все важнейшие события и явления, происходившие в стране и местном крае. Во-вторых, музеи нередко выступали единственными учреждениями, где широкие слои населения могли доступным путем получить необходимые для них знания. В-третьих, музеи своей деятельностью в выяснении особенностей, уникальности, своеобразия местного края способствовали воспитанию бережного отношения к историко-культурному наследию края и пробуждению стремления к исследовательской работе. В-четвертых, на территории юга Западной Сибири проживают различные народы и народности, и музеи, путем воспитания чувства патриотизма к родному краю, способствовали взаимопониманию и консолидации проживающего на территории Западной Сибири местного населения.

Опыт становления краеведческих музеев юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. свидетельствует о том, что краеведческие музеи, занимаясь научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельностью, принимают весьма активное участие во всестороннем развитии нашей страны.

Литература

1. Ионова О. В. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР. Строительство местного музея (октябрь 1917–1920) // Труды Научно-исследовательского института музееведения. – М.: Госкультпросветиздат, 1961. – Вып. II. – С. 112–254;
2. Кабанов К. А. Краеведческие общества Западной Сибири (с XIX до 1930-х гг.). – Кемерово: Кем. кн. изд-во, 2001. – 260 с.
3. Кравков М. А. Перспективы музейного строительства в Сибири // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. – Новосибирск,

1928. – 69 с.; Рыженко В. Г. Музеи в культуре сибирских городов в первой трети XX в. – Новосибирск: Наука СО, 1999. – 32 с.; Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Томск: Изд-во Томского ун-ва, 1995. – Т. VII. – 198 с.; Разыскания // Историко-краеведческий альманах. – Вып. VI. – Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2004. – 220 с.
4. Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861–1917 гг.) // Сб: История музейного дела в СССР. – М.: Госкультпросветиздат, 1960. – Вып. – С. 145–216.
5. Ядринцев Н. М. Частная инициатива в деле общественных учреждений // Восточное обозрение. – 1984. – № 131. – С. 67.

Д. Д. Родионова

ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ МУЗЕЙНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Проблема подготовки музейных кадров в нашей стране существует уже десятки лет. Решение этой проблемы пытаются самостоятельно найти как музейные работники, создавая курсы повышения квалификации, проводя конференции и семинары, так и отдельные учреждения высшей школы – Восточносибирская академия культуры и искусств, которая готовит музееведов преимущественно экологической специализации. Кадры музейных работников в основном комплектуются за счет выпускников исторических факультетов, где имеются кафедры соответствующего профиля. Например, кафедра археологии и исторического краеведения ТГУ, кафедра этнографии и музееведения ОмГУ, кафедра истории и музейного дела Тюменского института искусств и культуры и другие.

Музееведческое образование требует не только получения «чистой» теории, но и изучения цикла специальных дисциплин, связанных с конкретным направлением музеев: историки-музееведы, музееведы по этнографии, искусству и т. д.

В марте 2001 г. благодаря инициативе доктора культурологии, профессора А. М. Кулемзина в Кемеровской государственной академии культуры и искусств на базе кафедры истории, которая была реорганизована в кафедру истории, музееведения и краеведения, была открыта новая специальность 052800 «Музейное дело и охрана памятников». В 2006 г. состоялся первый выпуск музееведов, специалистов по историко-культурному наследию Сибири, а годом ранее, совместно с кафедрой управления КемГУКИ были подготовлены специалисты в области менеджмента музейного дела.

Лучшие студенты первого выпуска готовятся к поступлению в аспирантуру по специальности «Музееведение, реставрация и консервация историко-культурных объектов», руководство научной работой которых будут осуществлять ведущие специалисты кафедры: д. и. н., проф. А. И. Мартынов, д-р культурологии, проф. А. М. Кулемзин, проректор по научной работе, д. и. н., проф. Л. И. Гвоздкова.

Основными научными направлениями студенческих дипломных работ нашей специальности являются: история становления и развития музейного дела, охраны памятников, музейная педагогика, краеведение; использование археологических и этнографических материалов в музейной практике; разработки концепций и тематико-экспозиционных планов для местных музеев. Большая часть дипломных работ посвящена практическим разработкам для музеев области и региона.

Совмещая, таким образом, учебу с практической музейной работой, специальность приобрела более целенаправленный характер. Несомненно, что систематическая музееведческая подготовка дает определенные преимущества молодому специалисту. На наш взгляд, такое преимущество студент приобретает, проходя учебные практики. Их на нашей специальности четыре: археолого-этнологическая, музейно-ознакомительная, музейно-экскурсионная и архивная. Данное направление на кафедре курирует заместитель зав. кафедрой, к. и. н., доцент Е. А. Ковешникова. Для плодотворной работы заключены договоры о сотрудничестве кафедры ИМК с музеями различного профиля и архивами Кемеровской области, а также других регионов (музей-заповедник «Тальцы», оз. Байкал). Хочется отметить, что выездная практика стала необходимой для подготовки настоящих специалистов. Прежде всего, очевидно, что Кемерово нельзя назвать городом музеев, и те немногочисленные музеи, которыми располагает наш город, и так являются местом проведения учебных занятий на протяжении всех пяти лет обучения на специальности. Особенно хочется отметить Музей археологии и этнографии при КемГУ под руководством Н. А. Белоусовой. Большую часть прикладных дисциплин специализации проводит на базе данного музея к. и. н., доц. Т. И. Кимеева. А также музей-заповедник «Томская писаница» под руководством В. В. Каплунова.

Безусловно, мы сейчас испытываем определенные трудности в организации выездной практики в связи с низким уровнем финансирования высшего образования. Однако, на наш взгляд, необходимо искать пути для проведения всего комплекса занятий, в том числе и столь необходимых практик, например в музеях общегосударственного значения, чтобы не выращивать лишь специалистов «местного значения». Один из путей

решения данной проблемы профессорско-преподавательский состав кафедр видит в работе над грантами различного уровня.

Сегодня подготовка и переподготовка музейных кадров – одно из важнейших условий будущего успешного развития музеев, а также сохранения, изучения и использования мирового культурного достояния, которое складывается из коллекций существующих ныне музеев. Современные теория и практика музейного дела в нашей стране и во многих других странах существенно изменили представления о социальных задачах и функциях музея, музейном специалисте.

Современный музейный специалист – это не эстетствующий искусствовед, ностальгически восхищающийся европейской классикой, но и не малообразованный местный краевед, знающий лишь свою «малую родину». Это специалист, обладающий новым современным демократическим мировоззрением, основанным на достоверной информации о прошлой истории и культуре России. Современный музейевед – это человек, понимающий необходимость глобальных процессов всестороннего изменения и интеграции разнообразных культур. Задачей современного специалиста-музейеведа является сохранение своеобразия каждой отдельной культуры для современного и будущих поколений, для умелого сочетания современной и традиционной культуры, т. е. условий для эволюционного процесса развития культуры. Другой главной задачей музейного специалиста является раскрытие разнообразия культур, альтернативности образов жизни, приближающих общественное сознание к демократическому мировоззрению.

Литература

1. Кулемзин А. М. Подготовка специалистов по охране памятников и музейному делу [Текст] // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: Тезисы докладов науч.-практ. конф. – Красноярск, 1989. – С. 19–20.
2. Кулемзин А. М. О музейном специалисте [Текст] // Красная горка. Центр мироздания. – Кемерово, 2003. – С. 122–126.
3. Кулемзин А. М. Формирование уважения к историко-культурному наследию [Текст] // Вестник высшей школы. – 1981. – № 10. – С. 60–62.
4. Кулемзин А. М. Проблема подготовки специалистов по охране памятников [Текст] // Историческое краеведение в школе и вузе. – Кемерово, 1994. – С. 181–183.
5. Михеева, О. Т. Музеи в формировании регионального компонента культурологического образования [Текст] // Культурология в теоретическом и прикладном измерениях. – Кемерово-М., 2001. – С. 333–335.
6. Китова Л. Ю., Советова О. С. О роли музейной практики в подготовке специалистов-музейеведов (опыт ее организации и проведения) [Текст] // Проблемы сохранения и использования историко-культурного наследия Сибири: сб. науч. тр. – Кемерово, 1996. – С. 217–221.

II. МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

Е. А. Ковешникова

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК ОСНОВА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Музейная педагогика сравнительно молодая, но динамично развивающаяся наука. Она относится к блоку специальных дисциплин и занимает важное место в системе научных знаний при подготовке специалистов в области музейного дела, так как имеет самое прямое отношение к культурно-образовательной деятельности. Музейная педагогика основывается в первую очередь на трех основных дисциплинах: музееведении, педагогике и психологии, а также важную роль играет музейная коммуникация. Музейная педагогика тесно связана с искусствоведением, культурологией, естествознанием, социологией, лингвистикой и другими дисциплинами, она затрагивает область культуры, где самым важным является формирование исторического сознания и музейной культуры. Поэтому для преподавания и осуществления культурно-образовательной деятельности используют разные методы и формы, как из области науки, так и из области культуры [4].

Музейная педагогика – сфера деятельности, осуществляющая передачу культурного опыта на основе междисциплинарного и интеграционного подхода, через педагогический процесс в условиях культурно-образовательной музейной среды. В соответствии с этим ставятся следующие цели:

- подготовка квалифицированного специалиста, обогащенного знаниями и практическим опытом, адаптированного к современным условиям жизни;
- формирование гармоничной, эстетически развитой личности;
- воспитание патриотизма во всех его проявлениях;
- развитие и пробуждение интереса к познанию мировой истории, культуры и искусства народов мира, толерантности через музей и его коллекции;
- воспитание бережного и уважительного отношения к музейным памятникам как части мировой культуры; стремление к сохранению историко-культурного наследия своего региона;
- формирование понимания единства исторических процессов, закономерностей природы и развития культуры.

Такие традиционные формы образовательной деятельности, как лекции, семинары, экскурсии и другие, музейная педагогика позволяет обогатить новым содержанием, за счет включения в образовательный процесс современных технологий, инновационных методов и приемов.

Использование в музейной педагогике различных форм культурно-образовательной деятельности (экскурсии, музейно-педагогические программы, курсы по выбору, факультативные занятия, кружковую работу и другие) поможет сформировать у студентов творчески активные отношения к окружающему миру, патриотические чувства и уважение к истории и культуре малой родины (своему краю), любви к родителям, семье и другим общечеловеческим ценностям.

В процессе более детального рассмотрения методов и приемов музейной педагогики как междисциплинарной базы в образовательном процессе уделяется особое внимание как теоретическим, так и методическим основам разработки, прежде всего музейно-педагогических программ, а также их практической стороне. Они имеют вариативный и комплексный характер и могут включать в себя целые блоки различных учебных курсов, обеспечивающих поэтапное и последовательное развитие, обучение и воспитание учащегося (студента, школьника) музейными средствами, например, во время прохождения практики в музеях города.

Поэтому не случайно музейно-педагогическим программам в университете уделяется должное внимание, так как они предполагают творческое взаимодействие, диалог педагога вуза, студента, музейного педагога или музейных работников, а также широкой музейной аудитории. Они решают целый комплекс задач формирования у студентов и учащейся молодежи определенных навыков:

- развитого визуального мышления,
- вербального восприятия,
- межличностного общения,
- коммуникативных связей,
- интерпретации и оценки зрительных образов в условиях постоянно растущей и меняющейся информации,
- изложения самостоятельных суждений,
- умения анализировать, логически выстраивать материал,
- осмысления научных и художественно-культурных достижений общества,
- творчески активного отношения к образовательному процессу и окружающей действительности.

Музейно-педагогические программы являются основой моделирования и взаимодействия системы образования и культуры, в результате

синтеза учебного процесса и практики [1, 2]. Сотрудничая с различными музеями города, в том числе и школьными, в соответствии с профилем музея и направлением культурно- образовательной деятельности музея, где студенты проходят практику, разрабатываются авторские программы на основе теоретических и методических принципов. В ходе создания концепции определяются:

- цели и задачи создания программы,
- аудитория (кому адресована программа),
- содержание программы (основная часть),
- формы, методы, приемы и средства, предлагаемые для реализации программы,
- сроки действия программы,
- результаты и оценка эффективности.

Преимуществом таких программ является их вариативность и то, что они могут быть предназначены для широкой музейной аудитории: дошкольной, школьной, студенческой и взрослой, с учетом их профессионального и социального статуса и других характеристик.

На семинарских и практических занятиях предлагаются к обсуждению в качестве примера готовые программы, дается их всесторонний анализ. Студентам предоставляется возможность самостоятельно разработать образовательную программу в соответствии с заданными условиями. Важным моментом является то, что, кроме конкретных технологий в области музейной педагогики, необходимо использование знаний и в других науках. Такой междисциплинарный синтез помогает более эффективной и продуктивной работе. Идет активный процесс использования и применения на практике полученных знаний в области педагогики и психологии, культурологии и концепции современного естествознания, социологии, искусствоведения и многих других, которые обогащают образовательные программы и делают их универсальными. После серьезных методических разработок конкретная музейно-педагогическая программа становится некой моделью инновационных образовательных технологий, которая в дальнейшем может быть успешно внедрена в культурно-образовательную деятельность конкретного музейного пространства.

В процессе прохождения музейной практики такая образовательная программа проходит апробацию в музеях города. Эти образовательные программы могут включать в себя: уроки, семинары, лекции по истории, краеведению, искусству, литературе, истории науки и другим знаниям. В программы могут быть включены экскурсии с различными инновационными приемами: с элементами диалога, игры, системы карточек с заданиями, а также викторины, олимпиады, видеoinформация, проведение музейных праздников, театрализованных представлений и т. д.

На данном этапе междисциплинарное взаимодействие также является основополагающим. В этой связи необходимо привлечение к сотрудничеству специалистов в различных областях знаний, например, постановщиков театрализованных представлений и праздников, специалистов декоративно-прикладного искусства, режиссуры и актерского мастерства и других. Такое сотрудничество даст новые возможности, импульсы и раскроет грани для взаимодействия образовательной, социокультурной и музейной среды. В результате чего программы будут более профессиональными и эффективными. Как показывает практика, такого рода программы востребованы музеями и, как правило, находят своего адресата, так как посвящены актуальным темам и проблемам. Прежде всего патриотическому воспитанию молодежи, проблемам наркомании и терроризма, глобализации и экологии, вопросам религии и национального единства, толерантности, сохранению историко-культурного наследия родного края и многим другим региональным и культурным аспектам.

С точки зрения взаимодействия музейной педагогики и музейной коммуникации большое значение имеет дифференцированный подход к музейной аудитории, особенно учащейся молодежи – студенческой и школьной.

В связи с этим необходимо расширять не только междисциплинарные границы, но и активнее включать в образовательное и культурное пространство средние учебные заведения, школы и гимназии.

Музейная педагогика с ее музейными программами и междисциплинарными знаниями является основой образовательного процесса как в университете, школах и гимназиях, так и в музейном пространстве. Музейная педагогика в целом и образовательные программы в частности помогают решать важнейшую задачу приобщения подрастающего поколения к духовным ценностям посредством погружения в музейную среду.

Образовательный процесс состоит из последовательных звеньев диалога: музей – учреждение образования – музей. Поэтому в образовательном процессе активно участвуют все составляющие элементы этой системы, в которой аудиторные занятия в учебных заведениях и занятия на музейных экспозициях в равнозначной мере укрепляют и активизируют всех участников диалога [3, 4]. При этом, как показывает практика внедрения таких программ, возможно выделить следующий ряд позитивных факторов для учащихся, школьных, вузовских и музейных педагогов.

Учащийся:

- приобретает навыки визуального мышления,
- получает новые знания и стимулы к учению,
- овладевает навыками музейной культуры,

- получает опыт эстетического восприятия и развивает творческие начала,
- постигает общечеловеческие ценности,
- воспитывает в себе патриотические чувства,
- овладевает знаниями по сохранению и использованию историко-культурного наследия своей страны и региона,
- учится равноправному диалогу с культурными традициями различных народов.

Музейный педагог (преподаватель музейной педагогики в вузе, школьный учитель):

- расширяет свою педагогическую компетентность,
- осваивает новую модель образовательной деятельности,
- открывает возможности использования музейного пространства как части образовательной среды,
- осваивает новые музейные методы и технологии,
- активно сотрудничает с музеем и школой или другим учебным заведением.

Реализация программы всегда связана с комплексом исследовательских проблем, решение которых определяет дальнейшее развитие музейной педагогики и ее междисциплинарную основу. Можно отметить наиболее актуальные из них:

- информационные технологии в контексте образовательной деятельности музея,
- музейная коммуникация,
- социологические исследования,
- маркетинговые направления в области музейной педагогики,
- роль возрастной психологии в музейно-образовательном процессе,
- специфика деятельности музейного педагога, школьного учителя и сотрудников музея.

Следует дополнить этот перечень ведущих направлений в культурно-образовательной деятельности, исходя из основных функций любого музея, которые учитывает сегодня музейная педагогика:

1. Образовательное направление (в соответствии с концепцией непрерывного образования):

- а) с учетом государственного стандарта высших учебных заведений и в рамках проведения практики,
- б) в соответствии с задачами школьного образования и практики,
- в) с учетом требований среднего профессионального образования,
- г) с учетом дошкольной подготовки.

2. Воспитательное (для всей аудитории).

3. Рекреационное (культурное) – организованный отдых и развлечения в музейной среде.

Разработка программ в соответствии с новыми направлениями в музейной педагогике показывает большое значение научно обоснованного прогнозирования для выполнения музеем и учебным заведением своей образовательной миссии на междисциплинарной основе.

Литература

1. Колесникова И. А. О феномене музейной педагогики [Текст] // Художественный музей в образовательном процессе. – СПб., 1998.
2. Колесникова И. А. Современная образовательная специфика музейного пространства [Текст] // Музей и школа: диалог в образовательном пространстве. – Вып. 1: Направления поиска. – СПб., 1996
3. Культурно-образовательная деятельность музеев [Текст]: сб. тр. творч. лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела / под науч. ред. Е. К. Дмитриевой, И. М. Косовой. – М., 1997.
4. Музейная педагогика: Междисциплинарные диалоги: Первая тетрадь [Текст]. – СПб.: Специальная литература, 1998.
5. Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика [Текст]: уч. пособие., – М., 2004. – 216 с.
6. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей [Текст]: учеб. пос. по музейной педагогике. – М., 2001.

К. А. Дмитриева

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

В последние годы в связи с общей демократизацией культурной жизни в отечественном музейном деле активно ставятся теоретические проблемы, возрастает необходимость исследований, связанных с переосмыслением традиционных концепций музея и его деятельности.

Значительный интерес в этой связи представляют теоретические основы музейной педагогики, а также формирование современной концепции этого направления.

Потребность в выработке целостной концепции музейной педагогики, способной связать воедино все функции музея, объяснить различные аспекты музейной деятельности в их взаимосвязи с общими направлениями культурных изменений, является в настоящее время очень актуальной. Так как на основе такой концепции можно проследить тенденции развития современного музея и дать рекомендации для поиска новых форм музейной работы.

Изучением данной проблемы занимаются многие ученые России, среди которых главенствующую позицию занимают Е. Б. Медведева [2], М. Ю. Юхневич [6], Б. А. Столяров [4]. В их работах раскрываются наиболее сложные вопросы, связанные с основами формирования концепции современной музейной педагогики.

Однако, несмотря на столь пристальное внимание специалистов к развитию музейной педагогики и давно утвердившееся мнение о большой роли музея в культурной и национальной идентификации, в настоящее время продуманной концепции активной, личностно-ориентированной музейной педагогики и ее связи с системой общего образования так и не сложилось.

В связи с этим целесообразно будет рассмотреть основные аспекты тех концепций (предполагаемых), которые только начинают апробироваться в музейной педагогике. Одна из таких концепций строится на интеграции различных образовательных институтов в единую систему «музей-школы-вуз», включающую также дошкольные учреждения и учреждения дополнительного образования [1, с. 28].

Традиции работы с детьми на основе музейных коллекций существуют во всем мире. Это, как правило, ведущее направление в деятельности музеев, как отечественных, так и зарубежных. Привлечение детей – важный аспект выполнения музеем поставленных целей. Отсюда и острая необходимость в организации прямого взаимодействия музеев и школ.

Если рассматривать современную общеобразовательную школу как школу развития продуктивного мышления, креативности, эмоциональной сферы, то роль музеев представляется особенно актуальной.

Во многих зарубежных странах музей рассматривается как система «параллельного обучения». Музеи привлекаются к разработке и осуществлению проектов в области образования. Педагогические возможности музеев используются при создании комплексных образовательных программ, факультативных циклов, организации клубных, обрядовых форм деятельности.

Все эти проекты осуществляются, как правило, музейными работниками и развиваются в рамках школьной программы.

Сотрудники музейно-педагогических центров и служб традиционно ведут большую работу как с детьми, так и с учителями, знакомят их с методикой работы в музейной экспозиции, готовят публикации, позволяющие школьным педагогам самостоятельно работать со своими классами в залах музеев. Музеями издаются большие тиражи разнообразных информационно-методических материалов для учителя, комплекты детских путеводителей, позволяющих учителю самостоятельно работать с детьми в экспозициях в рамках школьной программы по различным

предметам, а также использовать их для дополнительного образования учащихся. Музейные педагоги являются лишь авторами таких занятий, консультантами школьных учителей, контролируют качество проведения музейных уроков.

Но все же не во всех российских музеях практика использования музейной педагогики распространена настолько широко. Прямое взаимодействие со школами осуществляют далеко не все государственные музеи. Как правило, реализация подобного сотрудничества заключается в проведении тематических экскурсий, лекций, факультативных учебных курсов для учащихся общеобразовательных школ.

Но есть и такие музеи, чья деятельность является неотъемлемой частью учебно-образовательного процесса школ. Показательна в этом отношении деятельность Государственного Русского музея, который в 1989 г. начал работу с общеобразовательной школой № 199 и детским садом. Сотрудники Государственного Русского музея начали уникальный педагогический эксперимент по формированию у детей повышенного общекультурного уровня. Решение этой задачи требовало новых взаимоотношений с системой образования, разработки специальных учебных программ, учитывающих специфику дошкольного и школьного образования.

Годом позже в Государственном Русском музее был создан Российский центр музейной педагогики и детского творчества, объединивший большую группу педагогов, художников, психологов, искусствоведов, инженеров-программистов. Впервые в отечественной практике была разработана система взаимодействия художественного музея с общеобразовательными учреждениями – от детского сада до вуза.

В практическую деятельность этого Центра были введены специальные музейно-образовательные программы, нацеленные на формирование у учащихся способности комбинировать зрительные впечатления путем свободного ассоциирования, создавая новый образ, новую реальность; развитие способности цветового и пространственного видения, чувства ритма, гармонии; способные привить навыки музейного поведения, самостоятельной ориентации в музее; на примере творчества крупнейших художников сформировать умение постигать меру внутренней и внешней свободы человека.

Кроме того, при Государственном Русском музее формировались постоянные группы учащихся (как правило, из одного класса), которые приходили на занятия к одному и тому же музейному сотруднику, разработавшему специальный план занятий не только на текущий учебный год, но и на два-три года в перспективе, с тем, чтобы постепенно приобщить детей к особенностям изобразительного искусства, основам его теории и истории.

Перенимая опыт Государственного Русского музея, в г. Кемерово также начала формироваться система взаимодействия музеев и школ. Ее основателем явился государственный историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница». В 2000 г. сотрудники музея-заповедника разработали музейно-педагогическую программу, которую апробировали в средней общеобразовательной школе № 7 г. Кемерово. Она представляет собой адаптированный вариант программы «Здравствуй, музей!», разработанной Российским центром музейной педагогики при Государственном Русском музее. Основной целью данной программы является расширение кругозора учащихся, воспитание у них уважения к культуре, развитие склонностей к углубленному изучению прошлого [3, с. 202].

Актуальность данной программы определяется тем, что, во-первых, вопросам истории и культуры родного края, на уроках по истории России в общеобразовательных школах уделяется недостаточное внимание, что, в свою очередь, не развивает интереса учащихся к самостоятельному изучению вопросов этой темы, не мотивирует к посещению музеев, выставок. Современная же система образования призвана обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры. Во-вторых, причиной введения данного курса является необходимость стимулировать интерес к изучению истории своего края. Программа предполагает соединение исторического, искусствоведческого и музейного подходов, позволяет синтезировать знания учащихся, которые получены ими при изучении различных дисциплин [3, с. 201].

Кроме того, в ходе реализации данной программы решаются задачи образовательного, воспитательного и социального характера:

- создаются условия для изучения культуры, истории, искусства через наглядный материал, основанный на экспозициях данного музея;
- постоянно расширяется кругозор учащихся посредством информации, выходящей за рамки базового школьного образования;
- осуществляется обучение работе с литературой, библиотечными и музейными фондами;
- раскрываются потенциальные возможности, сильные стороны характера в каждом подростке, формируются важные социальные качества (чувства ответственности, сопереживания, коллективизма, культ познания и др.);
- осуществляется попытка ограничить влияние «улиц» на учащихся, заполнив свободное время полноценной активной деятельностью во внеурочное и каникулярное время [4, с. 67].

Таким образом, можно сделать вывод, что главным образом музейная педагогика ориентирована на школьную аудиторию. Но, тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что музеи находятся в постоянном взаимодействии не только с общеобразовательными, но и высшими учебными заведениями.

Студенты направляются на практику в музеи города и области, выполняют курсовые работы по музейной и краеведческой тематике, вместе с сотрудниками музеев осуществляют экспедиционную работу.

Музеи также используются студентами в качестве дополнительного источника знаний. Они посещают экскурсии, лекции, семинары, проводимые музеем; знакомятся с основными и научно-вспомогательными фондами; пользуются музейной библиотекой.

Кроме практического использования музейного материала посещение музеев, музейных экскурсий и бесед находит отражение и в духовном воспитании, а именно в «формировании у студенческой молодежи исторического сознания, приобщения ее к духовным ценностям и культурным традициям России» [4, с. 68], что является немаловажным для воспитания современной молодежи.

На основе изучения опыта и практики взаимодействия вузов и музеев сформулированы задачи музейной педагогики применительно к работе музея со студенческой аудиторией:

1. Развитие лучших гражданских качеств будущих специалистов через активизацию их эмоционально-познавательной сферы, включение в творческую деятельность. Решение этой задачи предполагает создание условий, при которых будущий специалист способен активно взаимодействовать с предметами материального и духовного мира прошлого, соотносить их с современной жизнью, своей будущей профессиональной деятельностью.

2. Формирование черт национального самосознания студентов.

3. Сохранение национальных, народных, семейных традиций. Это является первым шагом в формировании патриотизма, стремлении к изучению своих корней, сохранении традиций, передаче их своим потомкам.

Реализация взаимодействия музеев и вузов осуществляется с целью привлечения в музейно-педагогический процесс не только студентов, но и преподавателей. Для педагогов сотрудники музеев организуют и проводят методические занятия, семинары, знакомят их с тематикой музейных уроков-экскурсий. Известна практика разработки совместных музейно-педагогических программ для реализации их как в стенах самого вуза, так и музея.

В качестве примера можно рассмотреть сотрудничество Областного краеведческого музея г. Кемерово с Кемеровским государственным университетом культуры и искусств. Студенты специализации «Социальная культурная деятельность» во время прохождения практики разработали и провели цикловые театрализованные программы и праздники «Как учился Филлипок», «Бабушкин сундук», «Ульгень приглашает друзей» (по шорской и телеутской бытовой культуре), «Слобода ремесел», «Приключения доисторического мальчика» [5, с. 102]. Материалом для разработки данных программ послужили экспозиции и фонды краеведческого музея, а также экскурсии, проводимые его сотрудниками.

Также примером может послужить многолетнее сотрудничество музея-заповедника «Томская Писаница» с Кемеровским государственным университетом, Областным художественным училищем и Кемеровским государственным университетом культуры и искусств. Студенты всех вышеперечисленных учебных заведений ежегодно проходят практику на базе музея-заповедника. Кроме того, студенты и педагоги Областного художественного училища организуют на территории музея-заповедника выставки собственных работ, написанных по мотивам музейных экспозиций. Так, в августе 2007 г. были открыты несколько выставок, объединенные названием «Фестиваль современного искусства». В структурную организацию фестиваля вошла и музейно-педагогическая деятельность. Она выразилась в демонстрации студентами натальной живописи по мотивам рисунков «писаных» скал, проходившей на основе театрализованного представления.

Сотрудничество музея и училища также проявляется в организации музейными специалистами лекций для студентов данного учебного заведения и предоставлении экспозиций для проведения пленэров (выездных уроков живописи).

Что же касается использования музейно-педагогических программ на базе Кемеровского государственного университета и университета культуры и искусств, то они, как правило, носят культурно-развлекательный характер. Студенты этих вузов участвуют в организации мероприятий, проводимых музеем-заповедником (чаще всего в качестве артистов), помогают в разработке сценариев, осуществляют сбор информации по заданной тематике, подготавливают костюмы и т. д.

Кроме того, студенты данных вузов проводят экскурсии по экспозициям музея, что является для музея-заповедника существенным плюсом, так как осуществляется профессиональная подготовка и преемственность кадров.

Рассмотренный выше опыт сотрудничества музеев и высших учебных заведений свидетельствует о том, что музейная педагогика оказывается высоко эффективным воспитательным средством. Она создает дополнительную мотивацию учебных и научных занятий студентов, активизирует их познавательный потенциал, способствует развитию важных гражданских качеств: патриотизма, ответственности перед семьей, обществом, страной, стремления к познанию истории Родины, любви и уважения к своему народу. Перспективность ее использования в образовательном процессе вузов, основываясь на многоуровневом сотрудничестве с музеями, будет важна как для инновационного процесса в системе образования, так и для образовательной деятельности музея.

В этой связи можно говорить о том, что, несмотря на утверждение идей дифференцированного подхода к различным категориям посетителей, основное внимание музейной педагогики по-прежнему сосредоточено на подростковой и юношеской аудитории. И в настоящее время ведущей тенденцией этого направления музейной деятельности является переход от единичных и эпизодических контактов с посетителем к созданию многоступенчатой системы музейного образования, приобщения к музею и его культуре.

Что же касается исследования концептуальных основ музейной педагогики в рамках учебно-воспитательного процесса, то этот подход в настоящее время представляется наиболее перспективным и жизнеспособным, так как именно благодаря работе со школьной и студенческой аудиторией музеи нашей страны начинают выходить на качественно новый виток своего развития и действительно мыслиться как многоплановый, многофункциональный институт.

Литература

1. Кузнецова Н. Развитие художественного восприятия в системе «школа – вуз – музей» // Искусство в школе. – 2007. – № 2. – С. 28–30.
2. Медведева Е. Б. О значении термина «музейная педагогика» в теории и практике современной деятельности российских музеев // Музей. Образование. Культура: Процессы интеграции. – М., 1999. – С. 48–52.
3. Покровская А. Ф. Культурно-образовательная деятельность музея-заповедника «Томская Писаница» // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. ст. / Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – Вып. 1. – С. 199–202.
4. Столяров Б. А. Педагогическая деятельность музея // Дошкольное воспитание. – 2002. – № 11. – С. 66–71.
5. Шухман Л. П. Формирование музейной культуры детей и подростков в сфере досуга // Краеведение Сибири. История и современные проблемы: Тезисы

- региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея, Кемерово, 6–8 октября 1999 г. – Кемерово, 1999. – С. 101–103.
6. Юхневич М. Ю. Для детей и вместе с ними // Мир музея. – 2004. – № 7. – С. 45–47.

М. А. Киселева

ЭКСКУРСИЯ КАК НАГЛЯДНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ

Одной из традиционных форм культурно-образовательной деятельности музея является экскурсионная деятельность. Учитывая опыт развития музейного дела и динамику его образовательной деятельности, определим экскурсию как форму образовательной (просветительной) деятельности, содержанием которой является комплексное (визуальное, вербальное, эмоциональное) восприятие предлагаемых экскурсионным маршрутом визуальных объектов с целью приобретения знаний и впечатлений.

В России понятие «экскурсия» (от латинского слова *excursion* – поездка) вошло в обиход в XIX в. и закрепилось в педагогике как обозначение наглядного метода обучения. (Устав народных училищ 1786 г., Школьный устав 1804 г., Циркуляр министерства народного просвещения 2 августа 1900 г.). С тех пор экскурсия развивается в тесной взаимосвязи с процессом общего и профессионального образования. Ее актуальность в области педагогики определяется присущими ей специфическими признаками, методикой ее работы, которые направлены на реализацию потенциала познавательных и воспитательных целей и задач. Отсюда вытекает необходимость осмысления экскурсии как наглядного метода преподавания, который развивает творческие способности ученика и активизирует его познавательную деятельность.

В сложившейся экскурсионной практике выделяются следующие отличительные признаки экскурсий, составляющие ее преимущество перед другими образовательными формами: во-первых, объектами восприятия экскурсии являются подлинные музейные предметы, а их диапазон очень широк – от природных памятников до произведения искусств. Они обладают большим познавательным потенциалом, являясь отражением процессов развития природы, цивилизации, конкретной эпохи, судьбы автора или целого народа. Соприкосновение с подлинником учит школьника понимать и чувствовать окружающий мир, оценивать творческие возможности человека, помогает им познавать сущность изучаемых событий,

явлений, усваивать исторические понятия, исторически правдивые представления, законы общественного развития, важнейшие мировоззренческие идеи, а также способствует формированию эстетических взглядов и чувств, нравственному и патриотическому воспитанию учащихся [1].

Во-вторых, отличительным признаком экскурсии является приоритет зрительного восприятия, которое сопровождается необходимым словесным комментарием музейного педагога (экскурсовода), посредником между памятником и зрителем. Общение с ним обогащает восприятие ученика, углубляет и конкретизирует его знания, развивает разносторонние интересы и способности к самостоятельному суждению и межличностному взаимодействию.

В-третьих, вербальное и зрительное восприятие усиливается моторным (передвижение школьников по заданному маршруту в специально заданном пространстве – осмотр объектов с разных сторон, на разном расстоянии).

Следующий признак экскурсии – это коллективность осмотра, в результате которого возникает особая психологическая атмосфера, вызванная общностью переживания эмоций. Это способствует воспитанию у учеников организационных навыков и выработке умения коллективно работать.

Отличительным признаком экскурсии является и дифференцированный подход к школьникам [3].

В экскурсионной практике в зависимости от целевых установок выделяются два типа экскурсий, проводимых для школьников: учебная экскурсия и общеобразовательная, которая, в свою очередь, подразделяется на развивающую, монографическую, проблемную и др.

Учебная экскурсия играет вспомогательную роль по отношению к основному учебно-воспитательному процессу. Ее главный отличительный признак – тесная связь с учебной программой, которая и определяет тему экскурсии, ее содержание, отбор объектов показа, методику ее проведения. Тематика учебных экскурсий распространяется на все те отрасли знания, которые обеспечены материалами в данном конкретном музее – в зависимости от профиля музея и состава его коллекций. Учебная экскурсия часто составляется в экскурсионные циклы, которые посвящены знакомству с обширным материалом в рамках целого ряда связанных между собой тем и рассчитаны на посещение в течение продолжительного времени (месяца, полугодия, года). Функциональное назначение данной экскурсии сводится к следующим вариантам: предварить изучение новой темы в школе, подготовить школьника к ее восприятию на уроке; дополнить, закрепить знания, полученные на школьном уроке,

или обобщить пройденную тему; изучить новую тему. Учебная экскурсия является актом совместной деятельности музейного работника и учителя как на стадии подготовки, так и проведения.

Общеобразовательная экскурсия решает самостоятельную просветительскую и воспитательную задачу, расширяет познания учеников. При этом акцент переносится с сообщения общей информации на более глубокое раскрытие содержания конкретной темы. В этом ее отличительная черта. Экскурсии данного типа могут решать и образовательные задачи, имеющие непосредственную связь с программами учебного курса [2].

Практический опыт общеобразовательных экскурсий, проводимых в муниципальной общеобразовательной средней школе № 45 учениками 7-х классов для учащихся 3-х классов по разделам экспозиции музея «История медицины Кузбасса», показал, что восприятие информации в ходе экскурсии требует у детей большой сосредоточенности, умственного и физического напряжения. В экскурсионной практике для учащихся школ разработана специальная методика подготовки и проведения экскурсий. Она определяется психологическими и возрастными характеристиками этой категории учащихся, их познавательными потребностями, интересами. С учетом вышеуказанного определялась тема, цель экскурсии, время, маршрут, объекты показа, методы и приемы ведения экскурсии.

При ведении экскурсии «История медицины Кузбасса» в музее школы № 45 были применены такие методы и приемы, как игра, вопросно-ответный метод, беседа и др.

Необходимо отметить, что у школьников, особенно младших классов, развито конкретно-образное восприятие действительности. Поэтому в первую очередь в ходе экскурсии указывалось на подлинность, редкость или типичность музейного предмета, сообщались сведения о «легенде» экспоната, о важности создания музея и дальнейшего его развития в данной школе.

Одним из наиболее перспективных методов с детьми является игра. Известный методист Б. А. Столяров отмечал в своей работе «Музейная педагогика» важность, например, дидактических игр. Они помогают избежать складывания нежелательных стереотипов восприятия, развивают интуицию, дают стимул к работе, воображению, творческой импровизации, а также возможность сочетать вербальные и невербальные приемы восприятия объекта экскурсионного показа [5].

В работе с детьми весьма эффективен и вопросно-ответный метод. При этом он должен носить постоянный открытый диалог: каждый вопрос предполагает конкретный ответ, с которым можно поспорить, согласиться, он может стимулировать и дальнейший ход беседы.

Чтобы ребенок обогатился новыми и полезными сведениями, рекомендуется постоянное закрепление материала, возвращение к уже увиденному и услышанному, в конце экскурсии целесообразно провести беседу. Она поможет определить степень усвоения материала и даст возможность скорректировать и систематизировать подчас разрозненные впечатления детей.

Формой закрепления полученной информации в ходе экскурсии в музее школы № 45 «История медицины Кузбасса» выступали: сочинение по материалу экскурсии; сочинение на тему экскурсии; рисунок – своеобразная форма закрепления и осмысления полученной в ходе экскурсии информации и самый естественный для ребенка способ фиксации окружающего, своего представления о мире [6].

Вышеуказанные формы закрепления материала экскурсии позволили понять, насколько прочно и сознательно учащиеся освоили данный материал, овладели навыками и умениями во время ее проведения, насколько экскурсия способствовала конкретизации и углублению знаний, представлений, понятий.

Итак, осмысление экскурсии как наглядного метода преподавания помогло определить ее актуальность в сфере образования. Этому способствуют, во-первых, признаки экскурсии, составляющие ее преимущество перед другими образовательными формами; во-вторых, типы экскурсии, выделенные в соответствии с учебными программами средних общеобразовательных учреждений; в-третьих, специфика методики подготовки и ведения экскурсии для школьников.

На современном этапе главная задача экскурсионной работы – это совершенствование традиционных форм экскурсий, внесение в них нового содержания, разработка новых типов экскурсий, а также методов экскурсионной работы со школьниками. Решение данной задачи возможно только совместными усилиями и согласованной деятельностью музея и школы.

Литература

1. Гиндлин И. Б. Историко-краеведческие экскурсии как средство конкретизации и углубления знаний учащихся VIII классов по истории СССР: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1985. – 229 с.
2. Музей и школа. – М., 1985. – 190 с.
3. Основы экскурсионного дела в музеях. – Вып. 1. – М., 1976. – 145 с.
4. Столяров Б. А. Музейная педагогика. – М., 2004. – 215 с.
5. Столяров Б. А. Художественные музеи и эстетическое воспитание молодежи. – Л., 1988. – 32 с.
6. Экскурсионная работа по истории. – М., 1965. – 128 с.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИГР В ЭКСКУРСИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Игра – естественный спутник жизни ребенка, источник радостных эмоций, обладающий великой воспитательной силой.

Детские игры – явление неоднородное. Даже глаз непрофессионала заметит, насколько разнообразны игры по своему содержанию, степени самостоятельности детей, формам организации, игровому материалу.

В музейной педагогике делались неоднократные попытки изучить и описать каждый из видов игры с учетом его функций в развитии детей, дать классификацию игр – для углубленного изучения природы игры, особенностей каждого ее вида, а также для того, чтобы определить, каким образом можно посредством игры влиять на педагогический и воспитательный процессы по отношению к ребенку, усиливая их развивающее воздействие, и какую из игр можно использовать для того или иного возраста во время проведения экскурсии в музее.

В силу многообразия детских игр оказывается сложным определить исходные данные для их классификации. В каждой теории игры предлагаются те критерии, которые отвечают данной концепции.

В нашей работе мы рассмотрим несколько разных классификаций игр. Так, Ф. Фребель первым из педагогов выдвинул тезис об игре как особом средстве воспитания, положив в основу своей классификации принцип дифференцированного влияния игр на развитие ума (умственные игры), внешних органов чувств (сенсорные игры), движений (моторные игры) [1, с. 33].

Характеристика видов игр по их педагогическому значению есть и у немецкого психолога К. Гросса. Игры подвижные, умственные, сенсорные, развивающие волю отнесены Гроссом к «играм обычных функций». Вторую группу игр, по его классификации, составляют «игры специальных функций». Эти игры представляют собой упражнения с целью совершенствования инстинктов (семейные игры, игры в охоту, ухаживание и другие).

В отечественной дошкольной педагогике сложилась классификация детских игр, базирующаяся на степени самостоятельности и творчества детей в игре. Первоначально к классификации детских игр по такому принципу подошел П. Ф. Лесгафт, позже его идея получила развитие в работах Н. К. Крупской.

П. Ф. Лесгафт считал, что дошкольный возраст – период имитации новых впечатлений и их осознания посредством умственного труда. Стремление ребенка в первые 6–7 лет жизни к отражению и осмыслению

впечатлений об окружающей жизни удовлетворяется в играх, которые по содержанию являются имитационными (подражательными), а по организации – самостоятельными, без излишней регламентации со стороны взрослых. В начальные школьные годы, напротив, дети охотнее играют в специально созданные игры, в которых деятельность регламентируется и по содержанию, и по форме. Таким образом, П. Ф. Лесгафт разделил детские игры на две группы: имитационные (подражательные) и подвижные (игры с правилами).

В работах Н. К. Крупской детские игры делятся на две группы по тому же принципу, что и у П. Ф. Лесгафта, но называются немного иначе: игры, придуманные самими детьми, и игры, придуманные взрослыми. Первые Крупская называла творческими, подчеркивая их главную особенность – самостоятельный характер. Такое название сохранилось и в традиционной для отечественной дошкольной педагогики классификации детских игр. Другую группу игр в этой классификации составляют игры с правилами. Как и любая классификация детских игр, эта носит условный характер.

Современная отечественная музейная педагогика к творческим играм относит сюжетно-ролевые игры, строительные игры и игры-драматизации. К играм с правилами относятся дидактические и подвижные игры.

Строительные игры помогают ребенку понять мир сооружений и механизмов, созданных руками человека. Поэтому предпосылки их возникновения те же, что и у сюжетно-ролевой игры. Если в ролевой игре моделируется сфера взаимоотношений между людьми, то в строительной – сфера созидания, созидания архитектурных сооружений. Необходимость в постройках может возникнуть по ходу сюжетно-ролевой игры.

Любая строительная игра содержит интеллектуальную задачу «Как построить?», которую ребенок решает с помощью различных материалов и действий. Расширение представлений детей об окружающем рукотворном мире, приобретение коммуникативных умений и технических, «строительных» навыков приводит к появлению коллективных строительных игр.

Театрализованные игры, или игры-драматизации, являются разновидностью творческой игры. В играх дети выражают свои впечатления, переживания, осваивают их в деятельности в непосредственном контакте друг с другом [4, с. 35].

В структуру подвижных игр входят игровые действия, правила и материал, а также нередко – роль и сюжет. Правила в таких играх сформулированы до начала игры. С подчинением правилу связано развитие произвольных движений, когда требуется сдерживать непосредственное

побуждение [3, с. 12]. В играх-соревнованиях, играх-эстафетах старший дошкольник учится удерживать цель деятельности, действовать по инструкции взрослого, контролировать свое поведение и действия.

Особым видом игровой деятельности является дидактическая игра. Она специально создается взрослым в обучающих целях, и тогда обучение протекает на основе игровой и дидактической задачи. В дидактической игре ребенок не только получает новые знания, но также обобщает и закрепляет их. У дошкольников развиваются познавательные процессы и способности, они усваивают общественно выработанные средства и способы умственной деятельности [2, с. 55].

Структуру дидактической игры образуют основные и дополнительные компоненты. К первым следует отнести дидактическую и игровую задачу, игровые действия, правила, результат и дидактический материал. Ко вторым – сюжет и роль.

Главная цель любой дидактической игры – обучающая. Соблюдение правил выступает непременным условием решения игровой и дидактической задачи. Правила в дидактической игре выполняют разнообразные функции. Они направляют игру по заданному пути, объединяя дидактическую и игровую задачи, определяют последовательность игровых действий, повышают занимательность игры, позволяют воспитателю косвенно руководить ею, регулировать взаимоотношения участников и формируют межличностные отношения. В игровых действиях реализуются игровая и дидактическая задачи. Средством решения дидактической задачи выступает дидактический материал. Результатом дидактической игры является решение игровой и дидактической задач.

Ошибочно было бы думать, что в дидактической игре нет места детскому творчеству. В играх с фиксированными правилами (подвижные, дидактические) дети проявляют творчество, придумывая новые варианты, используя новый игровой материал, соединяя несколько игр в одну.

Изучив и проанализировав все выше перечисленные классификации детских игр, мы нашли серьезный минус: ни в одной из классификаций не оговаривается, для каких детей это игры (для полноценных детей, или для детей с задержкой психического развития, или, может быть, для детей с ограниченными возможностями?). По нашему мнению, разрабатывая классификации игр, обязательно нужно учитывать все особенности личности ребенка, так как музей посещают дети с разными физическими, умственными возможностями и способностями.

Мы составили свою классификацию, которая, на наш взгляд:

1) является более полной, так как по ней наглядно можно видеть, для какой категории детей надо проводить экскурсию и с какими элементами игры;

2) классификация приемлема для разнопрофильных музеев;

3) разработанная нами классификация игр схематизирована, что удобно для наглядного ее восприятия;

4) в классификации игр указано, что лежит в их основе;

5) классификация игр актуальна и востребована, так как в настоящее время делается попытка внедрения ее для работы в музее «Пожарная охрана».

Классификация игр рассчитана на детей дошкольного и младшего школьного возраста (приложение № 1–3).

Этот возраст наиболее благоприятен для начала систематической работы с детьми, так как у них проявляются способности наблюдать, замечать, анализировать и размышлять на определенную тему [5, с. 8].

Дети обладают хорошей зрительной памятью и любознательностью. Их мышление носит конкретно-образный характер, а зрительное восприятие, еще не утратив черты ранней условности, уже имеет основу для формирования сложной системы цветоразличения и пространственного видения. Способность детей анализировать свои впечатления, выделять главное в восприятии объекта и словесно формулировать суждение о нем требует от экскурсовода поддержки и развития, так как эти ценные качества необходимы для формирования визуальной культуры посредством игры. Она позволит развить в детях эмоциональную сферу, ассоциативное мышление, творческое воображение, сенсорные способности.

Из всего выше сказанного следует, что игра – это неотъемлемый элемент при проведении экскурсии с дошкольной аудиторией. Она чрезвычайно важна для становления личности в детские годы, она является источником полезных навыков общения, импульсов для пробуждения творческой фантазии и способов их реализации. Классификации игр могут использовать музеи для более эффективной работы с детской аудиторией, так же как и игровые элементы, которые необходимо развивать и совершенствовать.

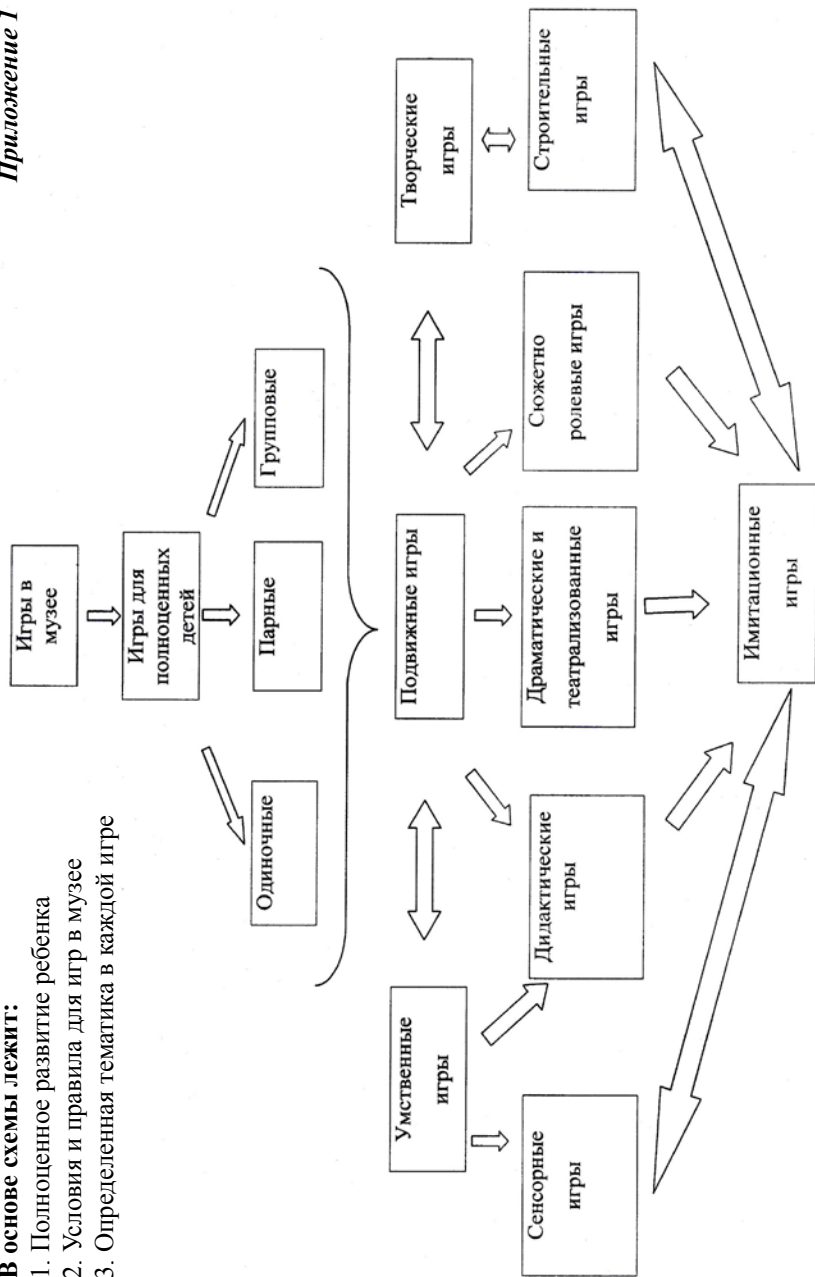
Литература

1. Калинин А. В. Развитие игровой деятельности дошкольников: метод. пос. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 112 с.
2. Клюкина А. И. Труды Государственного Дарвиновского музея. – Вып. III: Научно-просветительная работа в естественнонаучных музеях / Государственный Дарвиновский музей. – М., 2000. – 127 с.
3. Ланкова Н. М. Работа со школьниками в краеведческом музее: Сценарии занятий: учеб.-метод. пос. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 224 с.: ил.
4. Сальникова И. В., Погорелова Л. А. Традиционные и новые направления в музейной практике. – Новосибирск: Новосибирский областной краеведческий музей, 2000. – 136 с.
5. Соколова Н. Д., Столяров Б. А. Мир музея: Музейно-педагогическая программа «Здравствуй, музей!»: учеб. пос. для учителя начальной школы. – СПб.: СпецЛит, 2000. – 127 с.

В основе схемы лежит:

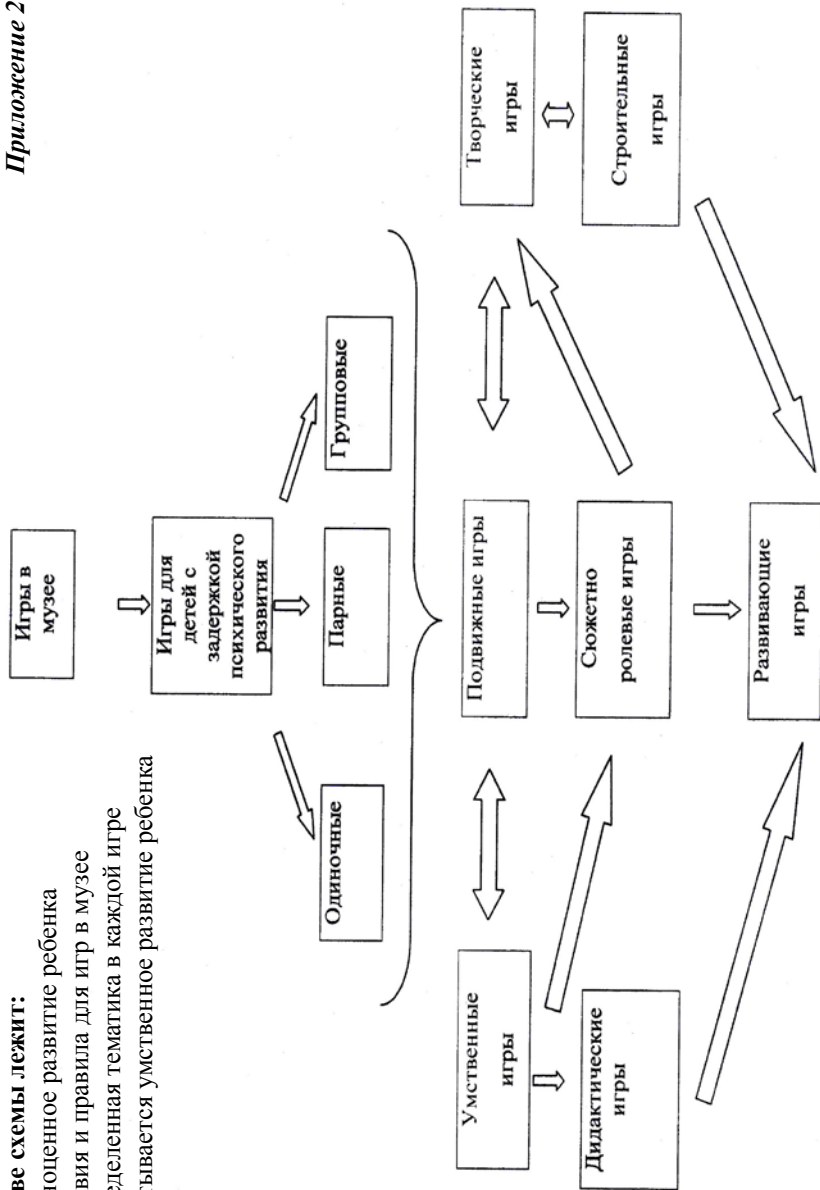
1. Полноценное развитие ребенка
2. Условия и правила для игр в музее
3. Определенная тематика в каждой игре

Приложение 1

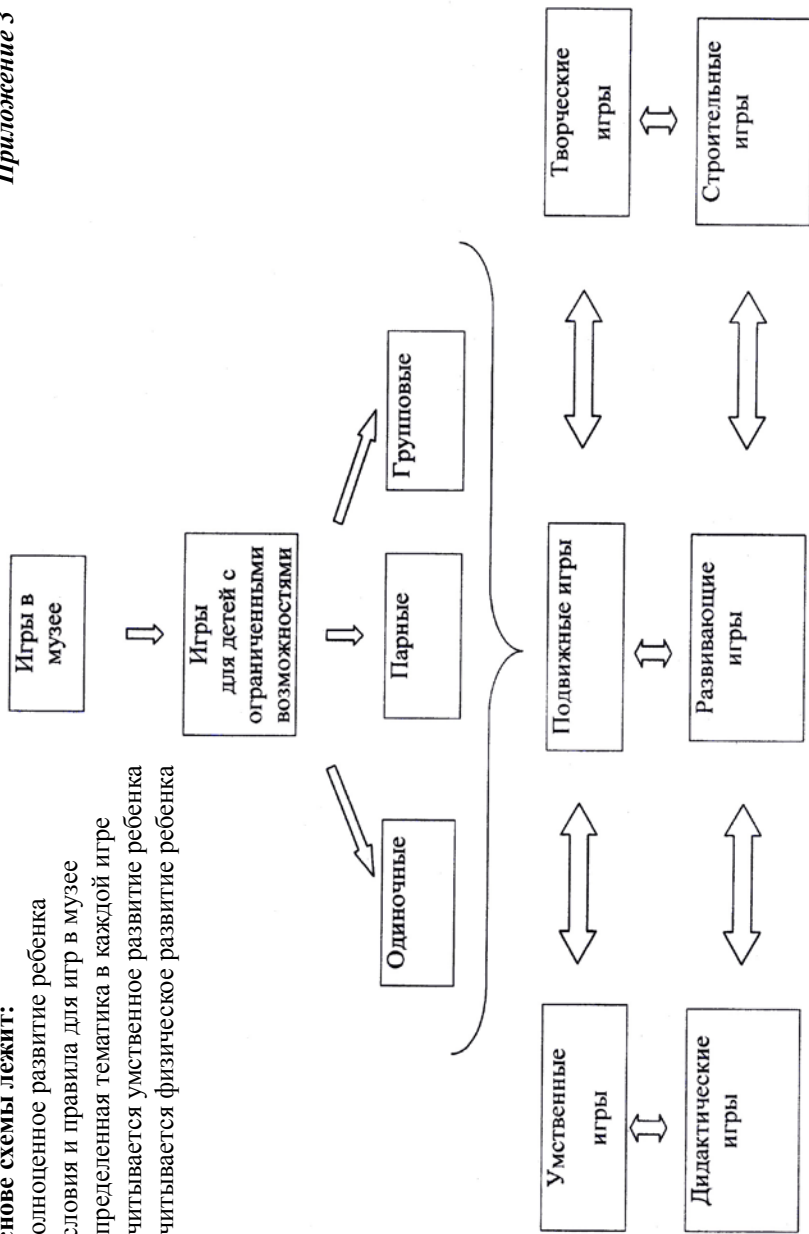
В основе схемы лежат:

1. Полноценное развитие ребенка
2. Условия и правила для игр в музее
3. Определенная тематика в каждой игре
4. Учитывается умственное развитие ребенка

В основе схемы лежит:

1. Полноценное развитие ребенка
2. Условия и правила для игр в музее
3. Определенная тематика в каждой игре
4. Учитывается умственное развитие ребенка
5. Учитывается физическое развитие ребенка

КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ В ГОРОДЕ КЕМЕРОВО

Процесс развития образовательной системы России носит сегодня специфический характер: происходит переосмысление социальной роли образования. Радикальным изменениям подвергаются цели, задачи, структура, содержание, система управления образованием. Остро стоит вопрос о формировании концепции образования. Вопросы формирования системы и концепции воспитания и образования приобретают особое звучание в контексте существования глобальных экологических проблем [2; 4; 5; 14].

Но, на наш взгляд, этого недостаточно. В современных реалиях социального, экономического, экологического кризиса человек все чаще оказывается в ситуациях, когда готовые решения отсутствуют. Необходимо говорить о комплексном воспитании и образовании, которое позволит личности принимать решение и нести за них ответственность, уметь брать определенную ответственность на себя, а значит, уметь критически мыслить, быть способным к творчеству и др.

Необходимо создание культуры нового типа, которая была бы специально ориентирована и ориентировала каждого отдельного человека и общество в целом на сохранение, восстановление и поддержание динамического равновесия между человеком (обществом) и его средой обитания [1; 3; 6].

Необходимость ориентации личности на выживание, негативное отношение молодежи к патриотизму как социальному явлению и фактору защиты Отечества, отсутствие новых альтернативных подходов к формированию и развитию человека XXI века, проблема сохранения историко-культурного наследия сделали проблему патриотизма актуальной.

Современное социально-экономическое положение и экологическое состояние России выдвинули ряд проблем, связанных с формированием деятельного и мыслящего гражданина, умеющего жить в современных условиях.

Актуальность очевидна, она дополняется тем, что экологический кризис, к которому движется Россия, в том числе и Кузбасс, является результатом хозяйственной деятельности человека, который строит свои взаимоотношения с природой на основе технократических, узкоутилитарных, потребительских принципов.

Выход из кризиса следует искать, прежде всего, в изменении самого человека, перестройке его сознания, изменении его ценностей, установок, мировоззрения по отношению к окружающей его природе. Для решения этой проблемы необходимо духовное возрождение нашего общества. На ее решение и должна быть направлена вся система воспитания и обучения человека.

Существующая ныне система не вполне отвечает этим требованиям. Поэтому задача современной системы образования должна заключаться в том, чтобы помочь человеку обрести себя в культуре, сформировать свой собственный культурный облик и образ, т. е. самостоятельную, творческую личность, умеющую принимать решения, умеющую критически мыслить. В свою очередь, творчеству человек может учиться лишь тогда, когда он реально поставлен в ситуацию, требующую творческого решения. Незаменимую помощь в формировании такой личности могут оказать школьные музеи, использующие принципы культурно-экологического воспитания.

Таким образом, научное исследование проблем вывело на тему нашего исследования, где главным объектом изучения является культурно-экологическое воспитание в школе. Предмет – деятельность школьных музеев.

Основная цель исследования – изучение системы культурно-экологического воспитания в школе и его значения для современного российского общества.

Появилось даже такое направление, как экология культуры. Экология культуры как дисциплина и направление представляет собой целостную систему, способную участвовать в решении современных проблем нашего общества.

Экология культуры как направление получила мощный толчок к своему развитию в 60-е гг. XX в. в связи с угрозой экологического кризиса. Однако трудно ответить на вопрос, где и когда появилась первая трактовка этого понятия: в России или за рубежом. Исходные позиции экологии культуры обозначены в работах Д. С. Лихачева [6–10].

Впервые термин был введен Д. С. Лихачевым в иностранной прессе. На русской почве: «Экология культуры» (Москва, 1979. № 7. С. 49–63). Еще ранее употреблялся им в устных выступлениях, отдельных статьях и интервью. Экология культуры рассматривалась им как направление, изучающее взаимодействие человека с природной, социальной и культурной средой.

Экология, по мнению Д. С. Лихачева, изучает мир как целое. Цель такого изучения – возможность помощи миру, его лечение и выяснение

безопасности вносимых человеком изменений в мир. Понятие цельности и целесообразности мира воплощено в слове «oikos» (от греч. дом). Домом может служить как природа – живая и «мертвая», так и та часть, которой человек окружает себя. Понятие последнего требует пояснений. Человек строит свой дом – культуру. Сюда входят привычки, обыкновения, занятия, все создаваемое им вокруг себя – в чем он живет и что следует называть культурой в широком смысле этого слова, включая науку, технику, религию и пр. Легко нарушена может быть природа как органическое целое. Мир создан как целое с многообразными внутренними связями, которые нельзя нарушать. Все биологические, физические, космологические связи, весь план мира – все служит тому, чтобы мир мог существовать в своих связях, сохраняя в себе существование человека. Тем не менее, в мире не все идеально и благополучно, как и в самом человеке. Следовательно, цель экологии состоит в том, чтобы внести поправки в те случаи, когда природа ошибалась. Главная мысль в том, что экология есть наука о мире как органическом целом.

Экология культуры – современная доктрина развития искусственной и природной среды, окружающей человека. Концепция экологии культуры подразумевает не просто спасение памятников истории и искусства, но и превращение духовно-эстетической традиции в стержень частной, общественной и даже экономической жизни. Экология культуры провозглашает приоритет вечных ценностей добра и красоты во всех сферах деятельности человечества [12].

По мере того как все более и более раскрывается сложность стоящих перед обществом экологических проблем, правительства и органы власти на местах постепенно задаются решением некоторых из наиболее острых вопросов.

Тема отношения человека к своим корням, своим истокам выделяется в экологии культуры особо. Важна выработка стремления к сбережению, охране исторической памяти. А ведь эта проблеме актуальна сейчас не только для России. Что же дает человеку постижение прошлого? Прежде всего, приобщение к социальным образцам, освоение социального опыта, так называемого генофонда социума. Воспроизведение прошлого осуществляется через создание живой, постоянно развивающейся культуры. И в этом прикосновении к минувшему происходит постижение, возрождение и развитие опыта поколений, передача эстафеты социально-культурного развития нашей страны.

Современная культурно-экологическая ситуация требует понимания соразмерности людей и культур, толерантности к проявлению различий, умения оценивать ситуацию, поставив себя на место другого.

Поэтому культуре будущего должно быть свойственна способность к выработке консенсуса, нахождению компромиссов, комплиментарности. И на первом плане – утверждение приоритета духовных, творческих ценностей перед ценностями потребительскими. Таким образом, экология культуры нацеливает на формирование как научного, так и гуманистического мировоззрения, выдвигающего на первый план идеи окружения, самооценности живых систем и культурных образований.

Экология культуры открывает новый взгляд на мир и направлена на то, чтобы дать возможность людям всех возрастов проявить ответственность за создание устойчивого будущего.

Культурно-экологическое воспитание – это комплексная система воспитания и образования, направленная на формирование нового типа личности.

Эта система воспитания и образования должна стимулировать, вооружать и вовлекать человека в размышления о том, насколько правильно мы живем и работаем, в принятие обоснованных решений и создание путей к более устойчивому миру. Суть в том, чтобы понять смежные и динамические взаимосвязи между человеком, обществом и природой.

Культурно-экологическое воспитание тесно связано с такими сферами, как естествознание, здравоохранение, политология, граждановедение, культурология, права человека, хотя его корни уходят в основном в экологическое образование.

Оно должно играть определенную роль в создании справедливого и демократического общества. Экологические вопросы не существуют изолированно от экологических, политических и социально-культурных. Грамотный и культурный человек должен уметь принимать ответственные решения и решать проблемы, учитывая интересы охраны окружающей среды, развития науки, технологии и общества. Роль учителя должна сводиться к организации критических и совместных проектов с участием общественности.

Согласно нашим представлениям, эта система воспитания и образования может иметь четыре основных составляющих: эмоциональную, культурно-экологическую (наиважнейшая), этическую и политическую:

- эмоциональная – приобщение к природе и культуре путем открытий и чувственного восприятия их, знакомство с природой и культурой и их значением для каждого человека (на уровне личности);
- культурно-экологическая – понимание законов и отношений, функций и взаимосвязей между природой, обществом и культурой;

- этическая – осознание личных ценностей, принятие активной жизненной позиции, умение критически мыслить;

- политическая – поиск решений спорных вопросов, необходимость личного выбора, принятия ответственных решений и действенных мер.

Вышеперечисленные компоненты представляют собой некие рамки, в которых необходимо определить цели и конкретные образовательные задачи направления.

Так как особенно важно правильно определить цели образования, то в первую очередь нужно иметь в виду особенности конкретных регионов, их ресурсы, а также такие факторы, как существующая школьная программа (каждая школа имеет свою специфику) и политика правительства.

В нашем регионе отсутствует научно обоснованная система культурно-экологического образования и воспитания, не сформирована правовая, нормативная база. Практически стареют схемы управления образованием, и его содержательная часть. Имеются большие трудности с материально-технической и учебно-педагогической базой.

В нашем регионе особенно важно развитие и разработка понятия культурно-экологическое воспитание, а также разработка правовой, нормативной и методологической базы, по этому направлению.

Основной целью культурно-экологического воспитания является изменение человека, перестройка и формирование его сознания, изменение его ценностей, установок, мировоззрения.

Важно, чтобы люди понимали основные принципы и понятия культурно-экологического воспитания:

- владение информацией о сегодняшнем состоянии окружающей среды, экологических проблемах, культуре;

- пропаганда здорового образа жизни и бережное отношение к окружающей среде;

- гармония с окружающей средой;

- знакомство с традициями;

- любовь к своей стране, краю;

- владение представлениями о системе ограничений.

Этот список может дополняться и корректироваться в зависимости от поставленных целей и задач [11; 13; 14].

Не существует единого способа или метода, на основе которого следует строить культурно-экологическое воспитание. Учитывая основные принципы и цели, можно использовать ряд различных методических

приемов: обучение на основе личного и коллективного опыта, а также обучение на основе личного участия в исследованиях, самообразование, ролевые игры, формирование собственной позиции, футуристический подход, тематический подход.

Но использование этих примеров зависит от специфики того учреждения, которое их использует, и того, какие цели оно перед собой ставит.

Таким образом, культурно-экологическое воспитание не может развиваться стихийно, в одном месте. Важно, чтобы учреждения и организации – местные, региональные и международные – сотрудничали в разработке и внедрении совместных программ.

Школьные музеи г. Кемерово строят свою работу на этих принципах, используя такие формы работы, как экскурсии, лекции, встречи, уроки мужества, уроки города, самостоятельную научную работу, праздники др. В городе более 100 школьных музеев, в области – более 200.

Все они имеют комплексную структуру и состоят из трех стержневых разделов: история школы, военная история, краеведение. Каждая школа открывает свои разделы в зависимости от ее специфики.

В музеях создаются патриотические клубы, кружки и общества.

Школьные музеи активно сотрудничают с различными учреждениями города.

У школьных музеев огромный потенциал и возможности, однако на пути реализации и создания новых образовательных программ стоит множество проблем и трудностей, связанных с инертностью «старых подходов» (государственное финансирование, немوزهное образование руководителей музеев и др.).

Есть несколько путей решения проблем:

- обязательное включение принципов культурно-экологического образования в воспитательно-образовательный процесс школы;
- проведение семинаров для работников музеев, раскрывающих важность всех образовательных целей и задач;
- разработка долгосрочных программ, в сотрудничестве с другими учреждениями;
- создание Интернет-сайта, который мог бы помочь в доведении целей, задач и программ для более широкой аудитории.

В нашей области можно создать сайт школьных музеев, который способствовал бы усилению контактов и обмену опытом между школьными музеями.

- более тесное сотрудничество музеев с вышестоящей администрацией;

- некоторые школьные музеи нашего города [11] зарабатывают деньги, участвуя в грантах.

Таким образом, культурно-экологическое воспитание (или экология культуры) представляет собой целостную систему, способную участвовать в решении проблем XXI века. В этом смысле школы и музеи являются уникальными объектами, имеющими огромные возможности и преимущества перед другими организациями для разработки программ и использования культурно-экологического воспитания и образования.

Однако не всеми еще осознана роль музея в воспитательно-образовательном процессе. Нужно надеяться, что благодаря энтузиазму и усилиям музейных работников культурно-экологическое воспитание станет приоритетным направлением в сфере воспитания и образования.

Литература

1. Веденин Ю. А. Экология и наследие: проблемы взаимодействия // Наследие и современность: Инф. сбор. – М.: Институт наследия, 1996. – Вып. 4: Экология и охрана наследия. – С. 41–48.
2. Зотов В. Д. Глобальная экологическая политика – категорический императив XXI века // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 5–6. – С. 3–20.
3. Когай Е. А. Экология культуры: предметное поле исследования // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 5–6. – С. 136–145.
4. Культура и экология. Поиск путей становления новой этики / А. Зотов, Е. Чичнева, И. Василенко, Н. Моисеев; под ред. Е. Р. Мелкумова. – М.: Интеллект, 1996. – 240 с.
5. Лисеев И. К., Реймерс Н. Ф. Синтез знания и формирования глобальной экологии // Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. – М.: Наука, 1984. – С. 75–88.
6. Лихачев Б. Т. Экология личности // Педагогика. – 1993. – № 2. – С. 19–23.
7. Лихачев Д. С. Избранное: Великое наследие: Заметки о русском. – СПб.: Logos, 1998. – 560 с.
8. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. – Л.: Наука, 1985. – С. 173–179. – (Наука. Мировоззрение. Жизнь).
9. Лихачев Д. С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. – 672 с.
10. Лихачев Д. С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.: ил.
11. Наследие и современность: инф. сб. – М.: Ин-т наследия, 1996. – Вып. 4: Экология и охрана наследия. – 101 с.
12. Небольсин А. Р. Метафизика Прекрасного. Введение в экологию культуры. – М.: Паломник, 2003. – 223 с.
13. Экология и культура: Методологические аспекты: сб. науч. тр. – Ставрополь: СГПИ, 1982. – С. 62–80.
14. Экология и общество: проблемы: Тематический сборник / РАН ИНИОН. Центр науч.-инфор. исследований глобальных и региональных проблем; отв. ред.: С. Л. Зарецкая, Л. Д. Капранова. – М., 1999. – 144 с. (См. также: Актуальные проблемы Европы. – 1999. – № 2).

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ КАК ОБЪЕКТ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Россия сегодня переживает, возможно, один из самых сложных динамичных периодов своей истории, который характеризуется радикальной сменой ценностных ориентиров и общественных идеалов.

Этот процесс актуализировал поиск истинных культурных ценностей как созидательной силы, без которой реформация общества бессмысленна, невозможна. Этим вызван интерес и к народному наследию: русской культуре, народным традициям и русскому костюму.

Художественный образ русского костюма складывался на протяжении веков, отражая эстетические идеалы народа, его представления о красоте, таланте, трудолюбии и является важным элементом народной культуры, одной из ярких страниц художественного прошлого народа. Костюм – стойкий этнический индикатор, важный элемент материальной культуры и подлинное явление большого искусства, синтезирующее различные виды декоративного творчества.

В музейных коллекциях сохранились образцы русского народного костюма, которые смогли донести до нас это богатейшее культурное наследие. Народный костюм, будучи музейным экспонатом (предметом) и являясь достоянием музейных коллекций, служит своего рода неподвижным «консервантом» культуры [6].

У каждого народа на протяжении веков формировался свой неповторимый внешний облик с помощью костюма. Создавались оптимальные формы, приемы конструирования и способы декорирования. Чтобы традиционная культура народа, отраженная в художественных памятниках, каким является костюм, стала доступной и широко понятой современнику, требуется особая связь с первоисточником.

Русский народный костюм в целом характеризуется своеобразным наслоением и взаимосвязью элементов, выражающих тектонику, специфическую для каждого региона; необычайной декоративностью, красочностью, гармоничным сочетанием в одном костюме различных цветов и орнаментальных решений. Костюм характеризует неповторимость и разнообразие форм, построенных на сопряжении различных по эмоциональному восприятию пластических линий – прямых, овальных; разнообразием фактурных характеристик, ритмов, объемов, плоскостей, линий, цветowych пятен, преобладанием горизонтальных членений, усиливающих

в композиции статичность (преимущественно в костюмах южных районов), придающих женской фигуре монументальность; повсеместной взаимосвязью отделки и украшений, завершающих своеобразную образную характеристику каждого костюма как художественного ансамбля [3].

В России был создан феномен русской культуры, столь самобытной, что аналогов ей нет в других странах мира. В течение многих веков в произведениях народного творчества, в народных праздниках, обычаях и обрядах отражались любовь народа к своей родной земле, природе и родному очагу, архетипические образы-идеалы матери, героя и красавицы, а также наиболее целесообразные для выживания, проверенные опытом многих поколений стереотипы поведения в природной среде и социуме. Издревле эти этнические стереотипы обеспечивали не только выживание народа, но и сохранение его духовного и физического здоровья, гармонизировали взаимодействие человека с природой и другими людьми. Древние памятники народного деревянного зодчества, изделия мастеров народных художественных промыслов и ремесел, устное народное творчество, народная музыка, танцы и русский народный костюм на протяжении веков несут в себе свет добра, милосердия, народной мудрости. Все это повышает ответственность перед будущим поколением. В настоящее время интерес к прошлому достаточно велик, но уровень знаний учащихся по истории русского народного костюма и культурному наследию остается низким.

Для России в настоящее время эта задача как никогда актуальна. Изучение многовекового культурного наследия русского народа важно в наши дни не только само по себе, но и как фактор преодоления острых проблем духовной жизни российского общества.

На помощь складывающейся ситуации приходит музейная педагогика – научная дисциплина, которая рассматривается как интеграционная система «параллельного образования» и приравнивается к педагогической системе, имеющей определенный контингент, социальный заказ, особенности содержательного компонента, особую структуру дидактического процесса, уникальные методики обучения. Музейная педагогика, являясь смежной дисциплиной, интегрирующей музееведение, педагогику, психологию и другие науки, может более детально рассмотреть русский народный костюм как объект в образовательном процессе. Ее прерогативой являются изучение истории и особенностей культурно-образовательной деятельности, обобщение и реализация методов воздействия этой деятельности музеев на различные категории посетителей, взаимодействие

с педагогическими учреждениями. Современная музейная педагогика развивается в русле проблем музейной коммуникации и направлена на приобщение к музею и его культуре, его научному и тезаурусному богатству широких кругов населения (особенно молодежи), активизацию творческих способностей личности [9].

На рубеже XIX–XX веков концепция музейной педагогики была одной из передовых и могла выполнять функцию важного социокультурного фактора, что оказалось актуальным и на современном этапе развития общества. Музейная педагогика в настоящее время обладает высоким потенциалом для использования разнообразных форм и методов обучения в музейном пространстве (включая профессиональное) и, что особенно актуально, для развития творческой активности учащегося (школьника, студента).

Научно организованный музей, благодаря музейной педагогике, психологии, обеспечивает современный подход к интерпретации музейных экспонатов. Компоненты процесса обучения на базе музея соответствуют дидактическим принципам: направленность обучения на решение взаимосвязанных задач образования – обучения и общего развития учащихся; научность обучения, систематичность и последовательность, сознательность и активность обучения; переход от обучения к самообразованию, оптимальность сочетания урочных, внеурочных, групповых и индивидуальных форм; прочность, осознанность и действенность результатов обучения, воспитания и развития. Ко всему перечисленному выше можно добавить реализацию принципа коммуникативности, создание предпосылок для непрерывности образования.

Рассматривая аспекты образовательной деятельности музея как социального, культурно-просветительного учреждения, мы понимаем ее как реализацию педагогической системы в специфической музейной среде, способствовавшей становлению музейной педагогики и стимулирующей ее современное развитие.

В основе музейной педагогики, как и в основе любого образования, лежит система – система подачи музейных знаний, которая должна соответствовать следующим принципам: комплексности музейного подхода; непрерывности, преемственности и последовательности излагаемых знаний; многообразия и вариативности форм подачи информации; действенности и результативности проведения музейно-педагогических занятий.

Ознакомление с деятельностью ведущих музеев России и мира свидетельствует о том, что образовательный потенциал музеев сегодня имеет

устойчивую тенденцию роста, обучение школьников и студентов музейными средствами становится одной из важнейших задач.

Фундаментом музейной педагогики является идея погружения личности в специально организованную предметно-пространственную среду, включающую произведения искусства, в частности, костюм, памятники культуры и т. д. Как предмет традиционной культуры и объект музейной педагогики, народный костюм отражает мифологизированную структуру мира в своей символике через цвет и магические (охранительные) знаки, композиции народного творчества в его создании целостного гармоничного ансамбля, включающего: искусство вышивки, узорного ткачества, кружевоплетения, низания и другие виды прикладного искусства. Эффективность «погружения» зависит от особенности восприятия экспозиций посетителями музея и их ассоциативного мышления.

Педагогический аспект данной проблемы рассматривается как воспитание и образование ребенка через передачу ему культурных традиций. Отбор содержания образования, его интерпретация зависят от педагога в образовательном учреждении, от музейного педагога и определяются тем, как сам педагог представляет гармонично развитую личность и понимает культуру, какой образ мира стремится нарисовать перед учащимися. Сегодня представляется актуальным восстановить закономерную преемственность образов минувших эпох в мировом процессе культуротворчества.

Современная музейная педагогика моделирует процесс диалога с прошлым, настоящим и будущим через культурную преемственность и понимание языка времени на его образном, эмоциональном уровне. В связи с этим необходимо рассматривать факты и явления культурного развития разного времени в их полярности и сложности взаимоотношений. Образ человека прошлого воссоздается музейной педагогикой, как правило, на основе исторических фактов, иконографии, сведений из письменных источников и художественной литературы. При более детальном знакомстве с историей русского народного костюма положены два основных принципа – историзма и тематизма. Принцип историзма позволяет выявить истоки и наиболее значимые этапы развития народных культурных традиций, показать эволюцию художественных «стилей эпохи» и выделить на этом пути наиболее значимые духовно-нравственные доминанты, запечатленные в русском народном костюме. Принцип тематизма концентрирует внимание обучающихся на «знаковых» характеристиках народного костюма определенного исторического периода,

облегчает понимание особенностей творчества русских мастеров, закрепляет представление об общности закономерностей развития русского народного костюма в культуре России

Костюм – явление культуры, тесно связанное с ее духовными, эстетическими, социальными особенностями. Через знакомство с костюмом ушедших эпох вполне возможно «материализовать» образ человека прошедшего времени и, сопоставив его с сегодняшним, таким образом можно выявить специфику иной системы мышления, иной картины мира. Ценность этой реконструкции заключается в том, что понимание прошлого через духовный мир человека поможет формированию на мировую культуру в общем и на отечественную в частности более целостного взгляда, так необходимого современному образованию [1].

Изучение костюма – интеграционная в своих основах задача: его исследуют и этнографы, и искусствоведы, и историки, и культурологи. Насущна эта проблема также и для филологов, так как материальная культура определенного отрезка времени помогает проникнуть в семантику литературных текстов.

Культурологическое изучение образа человека прошлого имеет свою специфику и потребует от учащихся определенного уровня знаний по образовательным дисциплинам – русскому языку и литературе, истории, изобразительному искусству. Практическое рассмотрение этапов развития народного костюма требует от музейного педагога не только организаторских качеств и способности к логическому изучению материала, но и высокой профессиональной и общей культуры. Диалоговые формы работы будут эффективны только при использовании в самом широком диапазоне визуальных средств коммуникации. Причем важно, чтобы визуальные объекты использовались на занятиях не только коллективно (фронтально), но и дифференцированно, а также индивидуально. Только тогда будет создана предпосылка к необходимой творческой, актуальной для ребенка деятельности. Разговор о культуре прошлого невозможен без наглядных изобразительных материалов. Этого требует музейная педагогическая этика.

На музейных занятиях методы преподавания рекомендуется отбирать с учетом важной роли в изучении данного периода наглядно – иллюстративных материалов и современных информационных технологий. Ведущая роль отводится активным методам обучения, педагогическому сотрудничеству музейных педагогов, педагогов образовательных учреждений, студентов и родителей, взаимодействию с образовательными уч-

реждениями и учебными заведениями культуры, с народными мастерами, а также самостоятельной поисковой работе учащихся (студентов). В процессе занятий учащимся предоставляется возможность разрабатывать различные творческие проекты и участвовать в их реализации (в создании музея русского народного костюма; конкурсов народного творчества, выставок народного творчества, фольклорных экспедиций и т. д.).

Опора на более ранний опыт ребят, на творческое осмысление ими новой информации в процессе игры, театрализованного действия, аналитической работы с репродукциями способствует естественному и плодотворному знакомству с изучаемым материалом. Отметим и важность использования на занятиях сведений о жизни детей в другие исторические времена. Знания о народном костюме в плане культурологических, этнографических, исторических аспектов становятся предпосылкой к более серьезной аналитической, исследовательской, творческой деятельности ребенка. Таким образом, положительным результатом деятельности учащегося будет не только его информированность в еще одном ряду понятий и определений, но и применение их на занятиях в образовательных учреждениях, т. к. тема костюма органично входит в систему различных образовательных дисциплин.

Следует учесть, что готовность к гуманитарной рефлексии свойственна далеко не всем детям. К тому же существует тенденция к ее занижению по мере взросления ребенка (с переходом от общего образования к высшей школе). Тем важнее использовать опыт по вовлечению учащихся через игру, драматизацию и другую актуальную для ребенка деятельность в диалоги о формах бытового устройства, человеке, его культуре, идеалах. Задача музейной педагогики как раз и заключается в том, чтобы, во-первых, не упустить возрастные возможности ребенка чувствовать, переживать, размышлять о жизни и человеческих судьбах, а во-вторых, поднять на новый, качественно более высокий уровень эту внутреннюю работу. Вокруг фактов и понятий, освещенных в педагогических и специальных изданиях, педагогу следует самому создать проблемное поле, вычленив смысловые единицы занятий и, драматизируя основные моменты, заострить внимание учащихся на ключевых аспектах проблемы. Важно, чтобы эта работа протекала последовательно, с учетом возрастных особенностей учащихся.

Педагогу необходимо также понимать, что картина культуры, которую он создает на своих занятиях, должна носить частичный и обобщенный характер. Частичный потому, что в системе музейной педагогики

любая область знаний раскрывается в выделенной из многообразного и сложного целого доле, имеющей потенциал для дальнейшего пополнения и усложнения. А обобщенный потому, что гарантирует целостность и актуальность предложенного содержания образования. Кроме того, обобщенный характер знаний способствует отбору в каждую предметную область их наиболее важной части, минуя тонкости и маловажные детали, требующие от учащихся специальной подготовки.

Знакомство с русским народным костюмом и предметами русского быта, отразившими высокий художественный вкус и вековую мудрость народа, – важный этап эстетического воспитания подрастающего поколения. Изучение традиционной русской народной одежды, создававшейся по этически-нравственным законам и возникшей в конкретных исторических и социальных условиях, будет способствовать воспитанию чувства уважения к истории своего народа, любви к родному краю, интереса к его удивительно богатому художественному творчеству, а также повысит ответственность за сохранение и развитие традиций русской народной культуры.

Литература

1. Балашов М. Е. Костюм Киевской Руси. – СПб.: Детство-пресс, 2002. – 40 с.
2. Белякова Л. М. Музейная педагогика: новый взгляд на образование // Дополнительное образование и воспитание. – 2006. – № 5. – С. 17–22.
3. Бредник Т. О., Неклюдова Т. П. Дизайн костюма. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 448 с.
4. Козлова Т. В. Основы теории проектирования костюма. – М.: Легпромбытиздат, 1989. – 657 с.
5. Комиссаржевский Ф. Ф. История костюма. – Мн.: Современ. литератор, 2000. – 496 с.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Легбытиздат, 1992. – 138 с.
7. Пармон Ф. М. Композиция костюма. – М.: Легбытиздат, 1985. – 264 с.
8. Семенова М. Мы – славяне. – СПб.: Азбука, 1998. – 560 с.
9. Юхневич М. Ю. Музейная педагогика // Первое сентября. – 2006. – № 21. – С. 12.

III. РЕАЛЬНОСТИ И ПРОЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Е. А. Ковешникова, М. В. Ткачева

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «PR» И РЕКЛАМЫ В МУЗЕЕ

В настоящее время возникает целый ряд вопросов при рассмотрении проблем адаптации наших музеев к быстроменяющимся условиям современности. В предшествующие периоды музеи не уделяли должного внимания оптимизации своего существования. Сейчас, чтобы избежать кризисных ситуаций и утвердить себя как систему сохранения и использования историко-культурного наследия [5], им необходимо апеллировать такими понятиями, как маркетинг, менеджмент, рынок, реклама. Но знать их мало, следует внедрять в работу музея методы маркетинга, развивать спонсорство и расширять общественные связи. Все это дает возможность выжить и быть востребованными.

Не так давно традиционный музейный язык дополнился новым выражением «паблик рилейшнз».

«Паблик рилейшнз» (Public Relations) в переводе с английского означает «общественные связи», «рассказ для публики», «общественные отношения», «изучение и формирование общественного мнения». Возникновение и развитие PR было обусловлено законами, традициями и потребностями общества [9].

Паблик рилейшнз, или связи, отношения с общественностью, становятся все более значимой сферой деятельности российских компаний, государственных структур, общественных организаций. Насчитывая более чем 90-летнюю историю существования в США, паблик рилейшнз уверенно завоевывает теперь свое жизненное пространство в России. Создание подразделений связей с общественностью в российских компаниях и организациях, как коммерческих, так и не коммерческих, активно началось в середине 90-х годов и было предопределено самим ходом развития российского общества. Управление своим информационным полем становится необходимостью для любой организации, функционирующей в обществе, достигшем информационной ступени цивилизации. Дальнейшее развитие рыночной экономики в России делает необходимыми знания, умения и навыки паблик рилейшнз всем тем, кто стремится успешно позиционировать себя на глобализирующемся и потому все более конкурентном рынке товаров, услуг и идей [9].

Адаптируя данное определение к музею, мы можем сказать, что публик рилейшнз в музее – это управляемый процесс коммуникации между музеем и обществом, призвание которого информировать общественность о деятельности музея, его коллекциях и фондах, экскурсиях и других мероприятиях с коммерческими, специальными или иными целями. Цели же эти должны быть ясными, социально полезными, а информация по их достижению – точной и без пропагандистской окраски.

На современном этапе в России растет роль PR в формировании деловой репутации некоммерческих организаций. Ни одна организация в сфере культуры не может существовать наивно и бесцельно. У каждого музея, галереи, музейного объединения, ассоциации должно быть реальное представление о том, каковы его цели и перспективы, что его ожидает и каких результатов может добиться коллектив музея. Во многих случаях такое представление имеется, но оно не очень отчетливое и плохо структурировано, что означает частичную потерю его ценности. Наиболее эффективные музейные организации имеют четко выраженное видение будущего, т. е. гипотетическую картину развития музея в кратко- и долгосрочной перспективе. Разрабатывая глобальную причину существования музея (миссию), специалисты по PR формируют имидж, создают репутацию музея и пытаются «уравновесить» его существование в общественной системе. Имидж способствует формированию среди сотрудников атмосферы «единой команды», укреплению веры в свои силы для достижения успеха организации, поддержания оптимизма в отношении ее будущего, что позволяет создавать «бесконфликтную среду», повысить эффективность работы, привлекать новых высококвалифицированных специалистов и удерживать имеющихся. Работа по разработке имиджа и его поддержка ведется PR-специалистами и руководством музея в двух основных формах – единый образ музея для аудитории, партнеров, общественности и объединяющее начало для сотрудников [1].

В качестве азов PR в музее следует назвать следующие направления:

- Директор музея и его сотрудники должны сформировать «философию» деятельности музея (ради чего создан, какие полезные обществу услуги готов оказывать и т. д.).

- Работа по поддержанию связей с общественностью должна базироваться на национальном менталитете, социальных исследованиях, психологической схеме воздействия на массовое сознание. PR – это обеспечение благополучия музея как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

- Сотрудники музея должны осознавать, что только при добрых отношениях с окружающим миром, при благоприятном общественном мнении можно достичь максимума реализации своих целей.

Имидж, бизнес, коммерция, реклама – как сопоставимы эти понятия с музеем? Музей – некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и коллекций [10]. Доступ к этим предметам и коллекциям считался уделом избранных, реклама связывалась лишь с коммерцией, а о «зарабатывании» дополнительных средств никто и думать не мог.

Когда-то музей был простой и ясной структурой. Штат его состоял из директора, хранителей и смотрителей в залах. Но времена изменились, и музею стали просто необходимы такие сотрудники, как: бухгалтеры, музейные педагоги, специалисты по рекламе и связям со средствами массовой информации и т. д. Музей перестал замыкаться в своих стенах и пытается распространить свое влияние за пределами отведенной ему территории, доказывая свою значимость [2].

Паблик рилейшнз – новое, но перспективное направление в деятельности музеев.

Музей имеет непосредственное отношение к вышеназванному направлению: он может и призван формировать культурную среду той местности, в которой находится; музейная работа направлена на воспитание чувства общественного самосознания; через свои выставки и мероприятия музей обращается к каждому посетителю, эмоционально воздействуя на аудиторию, образовывая и развлекая одновременно. Таким образом, преодолевается дефицит информации, повышается статус музея, потому как выявляется его своеобразие среди других учреждений культуры [2].

Как представляется, сегодня музеи должны пропагандировать не только свои выставки, экспозиции, но и идеи, программы, знакомить общественность как с серьезной, так и занятой информацией, рекламировать и предлагать свои услуги, представлять своих сотрудников.

Партнерами музея в массовой коммуникации являются средства массовой информации. Это пресса, радио, телевидение, они обладают рядом особенностей, проявляющихся в характере и способах донесения информации до аудитории. Поэтому, планируя рекламную кампанию, которая является одним из основных мероприятий PR, следует учитывать эти специфические свойства:

При обращении музея к СМИ быстро устанавливается «обратная связь» в обмене информацией: СМИ освещают деятельность учреждения, у музея появляется возможность получения быстрого отклика от потребителей на предлагаемые музеем услуги. Под словом «потребители» подразумеваются не только посетившие музей, но и те, кто о нем слышал, видел по телевидению или прочитал в прессе. Это – тоже аудитория, только неактивная; сделать ее своим постоянным партнером – задача музейной коммуникативной службы и, в частности, рекламной кампании [2].

Музей нужен СМИ не менее, чем они музею, – ведь функции СМИ – передавать новости, а создавать их должны заинтересованные участники коммуникации. Сообщение для СМИ может быть лаконичным или пространным, но оно должно быть интересным и привлекать внимание слушателей (читателей, зрителей) и неназойливо напомнить о «желательности» посещения музея.

Поскольку материал, передаваемый радио и телевидением, носит зачастую рекламный характер, т. е. стоит определенных денег, следует использовать систему договоров. Музеи – уникальные учреждения, способные оказать услуги, не предоставляемые каким-либо другим учреждением культуры, а СМИ заинтересованы в том, чтобы их передачи носили живой и оригинальный характер, что достигается введением первоисточников [4].

В музее, где средства презентации являются неотъемлемой (иногда – самой существенной) частью продукта, реклама играет очень важную роль. Она срабатывает не только в качестве непосредственного стимула посещения (увидел рекламу – пошел в музей), но и на этапе последействия – как средство формирования и оформления впечатлений. Долговременный эффект музейной рекламы, способствующей формированию имиджа музея, является не менее важным, чем ее сиюминутный успех. Она более эффективна, когда разработана профессионально и комплексно. И никогда не следует на ней экономить [4].

Реклама – это не только выносные щиты с информацией о работе музея. В принципе в этой роли может выступить любой музейный продукт: каталог, буклет, сувенир, диск с видеофильмом, купленный в музейной лавке, и целлофановый пакет, в который они упакованы. Выходя за стены музея, эти эмблематические послания делают важное дело – напоминают их владельцу о посещении музея, сообщают о его существовании каждому встречному. Все это формирует фирменный стиль музея [4].

И в подтверждение всего выше сказанного хотелось бы привести пример начального этапа рекламной деятельности музея истории кафедры ИМК, сейчас кафедры МД. Музей был открыт 18 мая 2007 г., в Международный день музеев, что очень символично. Это кафедральный музей, он создан руками студентов специальности «Музейное дело и охрана памятников», под руководством доцента кафедры Е. А. Ковешниковой.

Экспозиции музея состоят из следующих разделов: преподаватели кафедры ИМК; «Они стояли у истоков»; «Страницы истории»; «Научная работа»; «Традиции»; «Выпускники».

Музей планирует заниматься культурно-образовательной деятельностью. Основные направления: музейная педагогика, музейная комму-

никация, экскурсионная работа, методические разработки экскурсий и их проведение по вузу и городу Кемерово.

На базе музея организуется учебный культурно-образовательный центр по «музейной педагогике», начинает работу студенческий совет музея и экскурсионная группа.

Для того чтобы музей заработал в нужном направлении, необходимо в концепцию его развития заложить систему эффективной и профессиональной рекламы, которая привлечет и расширит контингент потенциальных посетителей, творческих и деловых партнеров музея. Наш рекламный проект предполагает следующее:

1. Информация о том, что в городе Кемерово, в университете культуры и искусств, открылся музей, сама собой распространиться не может. Для этого необходимо создать ряд рекламно-информационных печатных изданий. Например, это могут быть:

- Информационные релизы в виде листовок. Это листки с четким текстом, которые могут быть отправлены по факсу, размещены в стенах вуза или являться раздаточным материалом.

- Приглашения на открытие музея для гостей, музеев города и т. д.

- Цветные иллюстрированные буклеты, содержащие информацию о музее в целом, об отдельных экспозициях, о каком-либо виде деятельности и т. д. Названия будут соответствующими – музей истории кафедры МД, традиции кафедры МД, культурно-образовательная деятельность музея кафедры МД.

2. Использование радио- и телеэфира, как уже говорилось выше, является перспективным элементом рекламной деятельности, это так называемые паблисити. Но этот вид рекламы весьма дорогостоящий. Его можно будет использовать впоследствии при открытии новых экспозиций, конференций, презентаций и т. д. Например, несколько строк на телевидении или радио, сообщающих дату, время и место проведения мероприятия, может стать эффективным стимулом для его посещения.

3. Неплохим подспорьем в рекламной деятельности музея может стать Интернет. В наши дни музейный сайт стал необходимым аксессуаром для большинства музеев. Для того чтобы наполнить Интернет-сайт информацией, в музее необходимо создать электронный иллюстрированный каталог. При создании таких каталогов описания предметов отбираются на основе какой-то идеи, необходимым образом группируются, сопровождаются статьями, то есть происходит интерпретация информации. Представление электронных каталогов дает, можно сказать, тройной эффект. Происходит обновление сайта, большее число музейных пред-

метов попадает в «сферу общеизвестности». Кроме того, получившийся каталог – это, по сути, электронная публикация, имеющая своего автора или авторов и «раскручивающая» не только музейную коллекцию, но и своих создателей.

Поскольку полиграфические услуги достаточно дороги, такая форма издания становится все более заманчивой для музеев. Кроме дешевизны, у электронных изданий есть еще и другие привлекательные стороны, может быть, еще не до конца осознанные. Во-первых, это потенциальный «круг читателей». Тираж издания в Интернет бесконечно велик, у полиграфического же издания он всегда конечен. Во-вторых, электронные каталоги могут быть в любой момент легко обновлены, это публикация, которую всегда можно считать незавершенной [6].

Уже сейчас можно найти информацию о кафедральном музее на сайте университета. На момент открытия музея нами был разработан и оформлен буклет с информацией о музее.

Такую информацию можно использовать и в коммерческих целях, наполняя ею компакт-диски и тиражируя их. Данный вид деятельности качественно повышает имидж музея.

5. Сувенирная продукция. Она является не последним элементом рекламной деятельности музея. Важно, чтобы сувениры были качественные и неслучайные, желательно, снабженные символом музея, указанием на оригинальность [7]. Во многих крупных музеях изготовлением данной продукции занимаются кружки и студии. Впоследствии музей истории кафедры МД может также организовать на своей базе такие формы культурно-образовательной деятельности, как студия, клуб, кружок. Вид и тип сувенирной продукции может быть различным. Это:

- календари,
- открытки,
- канцелярские товары,
- блокноты,
- футболки, кепки и т. п.

На данном этапе символом музея является эмблема кафедры МД. Но преподаватели кафедры и студенты специальности находятся в поиске оригинального символа музея.

Подводя итог, можно отметить, что реклама не может быть достаточным условием музейного процветания, но вполне заслуживает того, чтобы стать необходимым звеном его успешной работы.

В заключение хотелось бы отметить следующее: музей, который умеет правильно организовать свою PR-кампанию и рекламную деятель-

ность, получает огромное преимущество в конкурентной борьбе за привлекательность и посещаемость. Следовательно, если в музее истории кафедры МД будет выстроена профессиональная рекламная программа, а затем организована эффективная PR-кампания, то он «обречен» на успех.

Литература

1. Абанкина Т. В. PR некоммерческой организации: теоретические основы современных PR-технологий и моделей коммуникации // Музей Будущего / сост. и науч. ред. А. В. Лебедев. – М.: АНОК «Музей будущего», 2001. – С. 120–136.
2. Даршт О. Э. Паблик рилейшнз в музее: техника успеха // На пути к музею XXI века / сост. и науч. ред. Н. А. Никишин. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – С. 17–30.
3. Загоскин Д. В. Коммерциализация деятельности музея // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2004. – № 6. – С. 57–65.
4. Золберг В. Какова цена успеха? // Museum. – 1995. – № 4. – С. 60–63.
5. Кулемзин А. М. Современное музейное мировоззрение. Взгляд из Сибири // Музееведение и историко-культурное наследие. – Кемерово, 2006. – С. 31.
6. Лебедева Е. А. Технология работы учреждений культуры по связям с общественностью // Музей Будущего / сост. и науч. ред. А. В. Лебедев. – М.: АНОК «Музей будущего», 2001. – С. 136–150.
7. Раньярд С. Коммерческая деятельность музеев // Музеи. Маркетинг. Менеджмент. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 174–179.
8. Селиванова А. Реклама – двигатель музея // Культура. – 2003. – № 13. – С. 4.
9. Ядин Д., Джефкинс Ф. Паблик рилейшнз: учеб. пос. для вузов: пер. с англ. / под ред. Б. Л. Еремина. – М.: Юнита-Дана, 2003. – 416 с.
10. Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» № 55-ФЗ от 26 мая 1996 г. // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников (1991–1996). – М., 1998. – С. 190–191.

Ю. С. Зюзьков

ЦЕННОСТИ «КРАСНОЙ ГОРКИ»

Район музея-заповедника «Красная Горка» находится в историческом и геометрическом центре г. Кемерово, включает районы шахты «Центральной» и других шахт и штреков, ныне не существующих, а также жилые территории с сохранившейся малоэтажной застройкой, общественными зданиями, инфраструктурой, связывающей некогда шах-

ту «Центральную» с левобережным промышленным районом коксохимического завода. Но главное, что включает район, – это «Горелая гора», которая дала название улице, музею-заповеднику, где почти три века назад Михайло Волков обнаружил «горючий камень». Работа по выявлению и анализу ценностных характеристик комплекса проводилась группой архитекторов КузГТУ в 1985 и 1991 гг. при разработке заказных проектов на исследование первого угольного района города. В результате появилось предложение о создании музейной зоны «Красная Горка».

Научное обоснование ценности и значимости данной территории легло в основу создания городского историко-архитектурного музея-заповедника «Красная Горка», включающего музей с одноименным названием и охраняемую застройку. Название музею и заповеднику дала сохранившаяся до нас улица с историческим названием. Время показало, что название выбрано правильно. Оно как нельзя лучше отражает биографию города, пафос того времени, в которое возник и начал формироваться промышленный потенциал угольной столицы Кузбасса.

Первыми и горячими поклонниками создания музея-заповедника были архитекторы из Дельфтского технического университета в лице доктора архитектуры, профессора этого университета Яна Молемы и Рудельфины Эггинг, защитившей докторскую диссертацию по творчеству известного в Кемерово архитектора Иоханнеса Бернардуса ван Лохема. Он построил в нашем городе немало замечательных зданий, многие из которых, сожалению, сегодня разрушаются, а некоторые уже давно утрачены.

В создании музея нам активно помогали историки и журналисты, ученые и писатели. Музей «завучал» в жизни города сильнее, когда в августе 2003 г. недалеко от здания музея по инициативе губернатора Кемеровской области Амана Гумировича Тулеева была установлена мемориальная скульптура шахтера, созданная по проекту всемирно известного скульптора Эрнста Неизвестного. Место было выбрано удачно – для посетителей открывалась великолепная панорама индустриального города, в которой выделяется первенец нашей Кузбасской индустрии – коксохимический завод.

Судьбоносным для музея оказался День шахтера 2007 г., совпавший со столетним юбилеем Кемеровского рудника: в музее появилась экспозиция горнодобывающего оборудования и великолепная скульптура Святой Великомученицы Варвары – покровительницы шахтеров. К работе над скульптурой были привлечены известные московские скульпторы, и это очень хорошо. Наш город обогатился еще одним художественным шедевром. Музей засиял значимостью и привлекательным блеском все-

кузбасской святости. Но поможет ли эта святость развитию музея-заповедника? Того музея-заповедника, каким он задумывался. А заповедного в нем может быть достаточно много.

Заповедник, заповедное место, согласно словарю русского языка С. И. Ожегова, – это место, где оберегаются и сохраняются уникальные участки природы, культурные ценности и др. Он предполагает неприкосновенность, запрет на уничтожение или изменение исторической, культурной, образной достоверности, включение чуждых элементов, комплексов, меняющих восприятие исторически сложившейся ситуации.

Я много ждал от столетнего юбилея. Я ждал понимания проблем заповедной зоны. Когда И. Б. ван Лохем приехал в Щегловск, он оставил в своих дневниках запись о том, что 60 % жителей немногочисленного тогда города жили в землянках. Эти землянки давно снесены и, слава богу, как у нас говорят, но ведь не осталось ни одной, и нашему музею-заповеднику и показать-то нечего нашим детям и внукам. Не воссоздавать же нам сейчас Больничный или Щетинкин лог с их землянками. Но найти место для воссоздания одной такой землянки как музейного экспоната для развития музея можно. Но не это главное. Главное сохранить историческое и архитектурное наследие И. Б. ван Лохема, которое разрушается и может скоро исчезнуть.

Владимир Солоухин, страстный защитник памятников прошлого, писал, как «один левый, авангардистский, если не футуристический архитектор, поклонник Корбюзье, еще в двадцатые годы в журнале написал, что нам ничего не надо делать со старинными зданиями, надо только не приводить их в порядок, и тогда лет через тридцать дезинфекция (т. е. снос) будет безболезненным процессом»¹. Наши заповедные дома уже дожили до своего 80-летнего юбилея, а их капитального ремонта ни разу не было. Они медленно и верно близятся к своему естественному исчезновению. Допустим ли мы исчезновение этих памятников истории нашего города, зависит от нас. Все они входят в заповедную зону. Все они «держат» ту историческую градостроительную среду музея-заповедника, которая еще осталась нам как подарок от нашего недалекого прошлого. Это дома по улицам: Красная горка, Первая Сосновая, Суворова, Абызова, Рутгерса, Гравийная, Шахтерская, Артельная и др. Если рассматривать музей-заповедник более широко, то следует рассмотреть поселок «Герарда» и то, что осталось от поселка «Стандарт», и поселок «Урицкого» на «Пионерке», и еще ряд ценных и в историческом, и в градостроительном плане зон в городе. А разве не заслуживают внимания наши промзоны?

---

¹ Солоухин В. Продолжение времени // Роман-газета. – 1988. – С. 6.

Кто видел коксовую батарею в действии, тот помнит, какое волнение охватывает при виде мощи этого технологического гиганта. Надо развивать музей, расширять радиусы его влияния, глубину трактовки.

Музей «Красная Горка» популярен в городе как никакой другой. Играет роль его идеологическая направленность, его удачное расположение. Музей может быть центром краеведческой работы, научного творчества, а также местом изучения ремесел, кружковой работы подростков, клубов взрослых, центром патриотического воспитания нашей смены. Я всегда был уверен в необходимости, злободневности музея, более широкой его трактовке. Празднование 100-летнего юбилея Кемеровского рудника укрепило во мне эту уверенность, ведь эта территория обладает разной ценностью: исторической, архитектурно-эстетической, градостроительной, научной, идеологической и т. д. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Критерии исторической ценности территории

1) Причастность к историческому событию:

– открытие угля в «горелой горе» М. Волковым в 1721 г. в районе нынешнего исторического и геометрического центра города;

– организация акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей на основе разведанных запасов угля российскими учеными и начало строительства в Щегловске крупного химического завода и шахты «Центральной» на Кемеровском руднике послужили основанием рождения района Красной горки и приобщения глухого сибирского села к передовой технической мысли и технике Западной Европы и Америки;

– организация Автономной индустриальной колонии (АИК «Кузбасс») в 1922 г. и ее деятельность до 1927 г.

2) Историческая значимость ландшафта, планировочных и архитектурных элементов:

– культурный ландшафт (природный и антропогенный), вместе с исторической застройкой, сохранившейся на территории комплекса до настоящего времени; гора Горелая, причал у горы из естественного камня, промышленный пейзаж левого берега с силуэтом построек, дымовых труб, коксовых печей КХЗ, ГРЭС и других составляющих живописную промышленную панораму;

– сохранившаяся застройка улицы Красная Горка на обрывистом берегу реки, поднимающаяся на 60–70 метров над рекой Томью и улиц, уходящих в глубь правого берега, – Артельной, 1-й, 2-й, 3-й Сосновых, Суворова, Гравийной, Рутгерса, Абызова, и др., характеризующих этап в истории градостроительной культуры времени существования АО «Копикуз» и АИК «Кузбасс».

3) Причастность к историческим лицам, известным не только в России, но и далеко за ее пределами, среди них:

Михайло Волков, первооткрыватель железных руд в Томском уезде в 1721 г., что подтверждает заявка, которая была подана в Сибирский обер-бергamt.

Л. А. Соколовский – известный российский горный инженер первой половины XIX в., первый исследователь Щегловского месторождения угля, определивший площадь каменноугольной области и мощность каменноугольных пластов.

П. А. Чихачев – видный российский геолог, исследовавший месторождения угля на территории Кузнецкой котловины и составивший первую геологическую карту бассейна, назвав его Кузнецким. За этот труд, впервые опубликованный в Париже в середине XIX в., французская Академия наук учредила специальную премию имени русского ученого за выдающиеся открытия на территории Азии.

А. Н. Державин – исследователь берегов Томи и местности вдоль тракта Томск – Кузнецк – Барнаул, наметивший границы распространения угленосных отложений Кузбасса. В 1896 г. Державин нанес на карту угленосные площади всего бассейна.

В. Ф. Трепов – действительный тайный советник, некогда занимавший пост Туркестанского генерал-губернатора, получивший разрешение на добычу угля в Сибири, ставший инициатором создания Алтайско-Сибирского консорциума для организации Акционерного общества «Кузнецких каменноугольных копей». В. Ф. Трепов в апреле 1912 г. с В. Н. Мамонтовым, французскими горными инженерами и министром путей сообщения Гибером, посетил Кузнецкий угольный бассейн, привлек к финансированию иностранных инвесторов и председателя правления Петербургского международного Коммерческого банка С. С. Хрулева, который наряду с ним становится учредителем Копикуза.

И. И. Федорович – видный горный инженер дореволюционной России, директор-распорядитель АО «Копикуз». Как крупный практик-горняк, работавший по проблеме объединения Урала и Кузбасса, он известен и в советское время.

Л. И. Лутугин – талантливый русский геолог, профессор Петербургского горного института, основоположник инженерной геологии в России, инженер удивительного трудолюбия и таланта, составитель геологической карты Донбасса. Л. И. Лутугин, приехав по приглашению в Кузбасс, с группой своих учеников в 1913 г. А. А. Гапеевым, И. И. Бутовым, В. М. Козловским, В. С. Панкратовым, А. А. Снятковским, В. И. Яворским и И. С. Яговкиным, положил начало к раскрытию тайн геологического

строения Кузнецкого бассейна. Он умер на полевой геологической станции Кольчугинского рудника.

В. И. Яворский – один из «лутугинцев», более 40 лет работавший в Кузбассе, опубликовавший более 200 работ по геологии нашего края. В. И. Яворский вместе с П. И. Бутовым подготовил свой итоговый труд – «Кузнецкий каменноугольный бассейн», где воссоздал историю образования бассейна, оценил запасы угля в Кузбассе в 400 миллиардов тонн на глубине до полутора километров.

С. Ю. Рутгерс, известный в Европе и Америке инженер-гидротехник, руководитель АИК «Кузбасс», живший и работавший в доме по улице Красная Горка, 17.

И. Б. ван Лохем – известный голландский инженер-архитектор, руководитель проектного бюро на химзаводе, работавший на Кемеровском руднике с марта 1925 г. по сентябрь 1927 г.

У. Хейвуд – активный деятель американского рабочего движения, работавший в АИК «Кузбасс».

Рут Кеннел – секретарь С. Ю. Рутгерса, героиня повести известного американского писателя Теодора Драйзера «Эрнита», работала в Щегловске и Кузнецке, а позднее в Москве.

4) Градостроительная ценность территории определяется степенью сохранности природного ландшафта, исторически сложившейся планировочной структурой и объемно-пространственной композицией, ограниченностью взаимодействия городской структуры с природной средой.

Критерии архитектурно-эстетической ценности

На территории района преобладают здания одного стиливого направления – функционализма. Однако, выполненные из кирпича под штукатурку, они претерпели за 50–80-летний период эксплуатации такие изменения, что прочтение их стилистической принадлежности представляет определенную трудность даже для специалистов.

Архитектурное наследие И. Б. ван Лохема насчитывает около трех десятков объектов, уникальных для России, имеющих только в нашем городе в единичном исполнении. В облике многих зданий сохранились оригинальные архитектурные элементы, присущие стилю ван Лохема: наличники окон, слуховые окна, печные трубы на крышах зданий, эркеры. Немногочисленные эклектичные классические элементы отличают декоративное оформление деревянных зданий.

Уникальная архитектура, вписанная в природную ландшафтную и лесопарковую среду, обеспечивает специфику восприятия, является мощным средством эмоционального воздействия. Однако физический износ и низкий уровень благоустройства, наличие хаотичных пристроек (угля-

рок, сараев и пр.) снижает положительный эмоциональный эффект и целостность восприятия самих построек.

Критерии строительно-технологической ценности

1) *Особые архитектурно-строительные конструкции и технические приемы:*

– разнообразие конструктивных решений деревянных срубных домов: пяти-, шести-, семи-, девятистенки, «крестовики», дома со связью, в плане Г- и П-образные с пристроенными сенями, где размещается лестница для двухэтажных домов и входной тамбур с холодной кладовой и пр., образующие объем, контрастирующий с большим объемом собственно дома;

– дома каменные из тесаных блоков песчаника, построенные Копикузом в 1915–1917 гг. в стилевом решении модерна и классицизма с железобетонными и монолитными перекрытиями (главная контора рудника, дом управляющего, больница, промздание шахты «Центральной», которое, к сожалению, не сохранилось;

– дома комбинированной техники исполнения (кирпич, железобетон, бревенчатый сруб);

– вид кладки (колодцевая с засыпкой утепляющей смесью).

2) *Строительные материалы*

– кирпич (200x100x55 мм – стандарт, установленный ван Лохемом по опыту Голландии, более поздний стандарт кирпича СССР – 250x120x65 мм);

– тесаный песчаник Мозжухинского месторождения, использованный как для кладки стен зданий постройки Копикуза, так и для фундаментов и стен подвалов построек ван Лохема и более поздних построек 1930–1940-х гг.;

– дерево – преимущественно сосна, реже лиственница, пихта.

3) *Инженерные мероприятия*

Дома были построены на скальном берегу, опоры канатной дороги, проложенные вдоль трассы от шахты «Центральная», шли до реки и далее через реку до здания угледобготовки коксохимзавода. Здесь уголь размалывали и подавали в печи коксовых батарей. Вагонетки двигались непрерывно, в любое время суток. Трассы канатной дороги, дома-«колбасы» по улице Абызова, помещения шахты «Центральной», механические мастерские, котельная, контора и жилые дома были освещены электрическим светом от электростанции, расположенной на коксохимзаводе.

Основные здания Кемеровского рудника имели водопровод и канализацию, что вызывало не только удивление, но и преклонение местных жителей, никогда не видевших таких удобств.

Добыча угля на территории рудника велась несколькими шахтами и штреками в расположенных вдоль берега реки Томи падающих пластов от места открытия угля М. Волковым в основании Горелой горы под углом 45 градусов на северо-северо-восток. Поскольку мощность пласта была значительной (до 12 саженей, т. е. более 25 метров), то вскоре стали наблюдаться осадки и сползание грунтов в сторону выработок и значительные провалы поверхности. Еще в 1926 г. были взрывы на шахте Центральной. Мощный взрыв произошел на шахте Диагональной, после которого она не возобновила свою работу. После взрывов особенно интенсивным было обрушение и сползание поверхностных грунтов в выработанное пространство. Провалы сейчас заметны по всей длине выработок на поверхности. Провалы наблюдались по обе стороны оси проходок, и когда они относительно стабилизировались, то по всей их поверхности были высажены саженцы тополей. Разрастаясь, они дали мощную корневую систему, которая закрепила поверхностный слой грунта и стабилизировала отметки поверхности. Это простое инженерное решение сделало безопасными территории выработок для жизнедеятельности людей, но строительство многоэтажных зданий пока на выработках запрещено. Однако «НИИ... горных разработок» в городе Прокопьевске еще в 1985 г. высказал заключение о возможности освоения этих территорий и строительства на них многоэтажных зданий, но с соблюдением мероприятий по «строительству на подработанных территориях». Мероприятия эти удорожают строительство на 7–10 %. Это означает, что район является огромным резервом развития современных многоэтажных градостроительных структур в геометрическом центре города. Все дело в том, что санитарно-защитная зона вокруг действующих цехов ОАО «Кокс» и Кемеровской ГРЭС (2 км) не дает приблизить эту зону к линии правого берега ближе одного километра. Замена устаревших коксовых печей на более «экологичные» сулит надежду на значительное повышение экологической безопасности ОАО «Кокс» (см. статью С. П. Субботина в настоящем сборнике), которое будет работать на уровне лучших европейских предприятий подобного типа. Кемеровская ГРЭС также ведет работу по повышению экологической безопасности своего предприятия, поэтому есть надежда, что санитарно-защитная зона этих предприятий уже в ближайшее время будет значительно уменьшена, и район Красной горки можно будет застраивать жильем вплоть до обрыва крутого правого берега.

Научно-реконструкционная ценность связана с проведением ремонтно-реставрационных работ на отдельных памятниках, в процессе которых можно реконструировать состояние объекта в различные времен-

ные периоды и проследить изменения, произошедшие с общим внешним видом сооружения, планировкой квартиры, района или города в целом.

Критерии научно-реконструкционной ценности

1) Система наслоений:

– первоначальная территория деревни Кемерово получила развитие на небольшом участке вдоль ручья Крутого, просуществовав много десятилетий почти без изменений по величине территории и населения. Ее ареал обитания был связан с наличием питьевой родниковой воды по длине ручья и наличием рядом крупной реки Томи, богатой рыбой;

– регулярная планировка, в сочетании с дорегулярной, выполнена начиная с 1916 г. и к настоящему времени сохранилась почти без изменений;

– отдельные объекты утрачены, появились новоделы, незначительно изменившие историческую среду, на месте шахтных сооружений теперь руины;

– значительная часть территории неблагоустроена, район заброшен и забыт в его основной части, особенно в зоне исторической территории деревни Кемерово, границы которой и прочесть сейчас невозможно.

2) Значимость проведенной реставрации и реконструкции.

Реставрационные мероприятия, по большому счету, не проводились. Район спонтанно развивался, дополняясь редкими зданиями, необходимыми для обеспечения жизнедеятельности сложившихся жилых образований. Реконструировались только магистральные дороги, связывающие центральную левобережную часть города с удаленным Кировским районом. Некогда существовавшие шахты брошены из-за закончившихся угольных ресурсов, их руины зарастают бурьяном и в большую часть года опасны для посещения. Это самые заброшенные территории города.

В 1985–1991 гг. группой архитекторов были выявлены и составлены списки наиболее ценных памятников будущего музея-заповедника «Красная Горка» с предложением внести их в списки памятников регионального и городского значения, однако они не были оформлены и утверждены как памятники². Позднее некоторые из них были приватизированы частными лицами.

Познавательная-воспитательная ценность основывается на способности музея-заповедника хранить информацию об истории города и градостроительной культуре региона, становлении архитектурных стилей, социально-экономической культуре жизни Рудника в начале XX в.

---

² Часть памятников, расположенных на Красной Горке, получила статус объектов культурного наследия регионального значения Постановлением коллегии администрации Кемеровской области № 358 от 20.12.2007 г. (Примечание редакции).

Это позволит повысить интерес жителей района и города к изучению истории, сохранению культурных традиций, привязанность к среде обитания, а также будет способствовать возрождению исторической памяти.

Принятая в настоящее время функция района, как объекта экспозиции историко-архитектурного и градостроительного наследия Кемеровского рудника и работ голландского архитектора-функционалиста и рационалиста ван Лохема, предполагает дальнейшее рекреационное развитие территории и использование ее в качестве экономического ресурса.

Возможное развитие территории

Во-первых, реставрация внешнего облика целого ряда ценных жилых исторических и стилистических построек по улице Красная Горка, таких как жилые дома № 19, 21, 23, 24, 26, 30, а также жилых домов по улицам 1-й Сосновой и Суворова.

Во-вторых, расчистка лесопарка на берегу Томи, примыкающего к комплексу памятника Э. Неизвестного, и превращение его в прибрежный сквер. Это позволит объединить в единый комплекс здание музея и памятник шахтерам и создать единое музейное пространство, в котором более выигрышно будет представлена левобережная промышленная панорама для обзора горожан и гостей города.

В-третьих, включение Горелой горы с паровой пристанью в пространство музея-заповедника. Пока они выпадают из экскурсионного внимания посетителей, ввиду отсутствия легкодоступной связи со зданием музея.

Следует также учесть следующие особенности места, которые можно использовать при организации посещения музея:

– Красная Горка вместе с подходящим с востока Рудничным лесопарком и в настоящее время сохранила значение природной доминанты в структуре Рудничного района;

– природный ландшафт изменился и дополнился большой полосой провалов от выработанных пластов шахт «Центральной», «Диагональной», «Владимирской», «Южной» и другими, которые проявились в середине 1920-х гг. и позднее для их закрепления были засажены тополями;

– на территории комплекса Красная Горка сохранилась планировочная структура застройки, сформировавшаяся в 1920-х гг. согласно существующей в начале века концепции: жилой поселок, производство (шахта, мехмастерские при шахте, транспортный узел), больница, клуб, школа, рынок, лесопарковая зона;

– объемно-пространственная композиция, сформировавшаяся на территории комплекса в начале XX в., сохранилась до настоящего времени без изменений; она включает в себя выразительную панораму вы-

сокого правого берега с малоэтажной застройкой и опорами подвесной канатной дороги, скальными выступами, осыпями обрывистого берега и зеленой растительностью нижней плоскости обрыва, где горизонтальные размывы берега плавно снижаются до зеркала воды. Уникальное место, где находятся Горелая Гора и причал, построенный в 1917 г., бетонные руины входного штрека и опоры канатной дороги, представляют исторически достоверную картину начала XX в. и могут быть отправной точкой краеведческого туристского экскурсионного маршрута.

Выявленные ценности являются весомым аргументом в решении вопроса о придании музею-заповеднику «Красная Горка» статуса особо охраняемой территории, их также необходимо учитывать при выполнении проектных работ, а музеефицированный комплекс музея-заповедника «Красная Горка» должен стать существенной частью региональной, национальной и мировой культуры.

Литература

1. Романова Л. С. Ценностные характеристики музеефицированного комплекса «Старый Томск» // Вестник ТГАСУ, 1999. – № 1.
2. Прудин О. И., Ромашевский Б., Брусевич В. Архитектурно-историческая среда. – М.: Стройиздат, 1990.
3. Филин В. А. Видеоэкология. Что для глаза хорошо, а что плохо. – М.: МЦ «Видеоэкология», 1997.
4. Яргина З. Н. Эстетика города. – М.: Стройиздат, 1991.
5. Зюзьков Ю. С., Захарова-Новак И. В., Зыков С. Н., Паршукова С. П. и др. Анализ планировочной структуры первого угольного района в городе Кемерово. Отчет о научной работе кафедры СК КузПи, 1985 г.
6. Соловьев Л. И. География Кемеровской области. Природа. – Кемерово: «Скиф»-«Кузбасс», 2006.

И. П. Рещикова

КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НОВОКУЗНЕЦКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Перестроечные процессы привели к системным изменениям в жизни России: постсоветское общество было поставлено перед необходимостью переопределения себя практически по всем параметрам. Ситуация нередко осмысливается в терминах *кризиса идентичности* – государственно-политической, национальной, культурной, личностной. Утраченное после 1991 г. социокультурное и ментальное единство россиян отчасти компенсируется ростом регионального самосознания. Собственно идея

регионализма возникла на Западе в 1960-е гг.: тогда обсуждалось выделение в границах «единой Европы» так называемых культурных регионов, не совпадающих с границами национальных государств. Системный российский кризис затронул региональное и городское самосознание; эти уровни идентичности также требуют сегодня переосмысления. Однако регионализация в современной России все еще связывается преимущественно с экономико-географическими факторами и гораздо реже позиционируется как общекультурный процесс. В этом отношении Сибирь в целом – регион относительно благополучный. С 1990-х гг. в кругах гуманитарной интеллигенции дискутируется тема уникальности Сибири на материале преимущественно сибирского искусства, но сама эта тема имеет серьезный идеологический фундамент в областничестве и евразийстве.

Кузбасс – один из экономически сильнейших регионов Сибири, а его «южная столица» является бесспорной «точкой роста». Новокузнецк и новокузнецчане сегодня другие, нежели двадцать или десять лет назад. Время предъявляет свои требования к визитной карточке города, которая должна наконец стать концентрированным выражением его *genius loci*, а не сиюминутной идеологической конъюнктуры, будь то советской или рыночной. В данной работе сделана попытка наметить контуры культурно-символической модели города Новокузнецка, которая могла бы стать основой для выстраивания его современной идентичности и для обозначения векторов перспективного социокультурного развития. Глобальность данного заявления ослабим двумя оговорками: во-первых, ниже сделано лишь первое приближение к постановке проблемы; во-вторых, уже имеется положительный опыт других городов, использовавших аналогичный подход к организации городского самоуправления, – в частности, в рамках экспертных докладов Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа.

Мы предлагаем взглянуть на Новокузнецк в историко-антропологическом ракурсе – с точки зрения *метафизики города* (название неустоявшееся: методологическая общность и аналогичная тематика характерны для исследований в жанрах «антропология города», «поэтика города», «семиотика города», «метафизика ландшафта», «гуманитарная география»). Так именуется особое исследовательское поле, оформившееся в отечественной гуманитаристике конца XX в. Его возникновение коррелировало с общими процессами в российской науке периода ее активного вхождения в мировой контекст: антропологизация мышления, появление интереса к микроперспективе и повседневности и т. д. Одной из предпосылок появления «метафизической» точки зрения на пространство

являются архитектурно-градостроительные поиски первой трети XX в. В рамках данной статьи нет возможности рассмотреть существующие затруднения, связанные с определением предмета и метода «метафизических» исследований. Ограничимся кратким пояснением нашего понимания концепта **метафизика города**: это латентные смыслы городской повседневности, репрезентированные в различных кодах (архитектурно-пространственном, живописном, историческом, фольклорном, этимологическом, литературном, жаргонном и др.) и составляющие фундамент городского *фонового знания*. Как исследовательская процедура, метафизика города – это «попытка усилием мысли и чувства, усилием духа разгадать, что именно составляют или представляют собой базовые, онтологические ценности данного места, как они манифестируются...» [10, с. 97]. Согласно этнометодологической идее о двух аспектах самовыражения, сквозь «произвольное самовыражение, которым человек *дает* информацию о себе», будет мерцать «непроизвольное самовыражение, которым он *выдает* себя» [5, с. 33]. Применительно к нашей проблематике должна быть внесена поправка: через то, чем город хочет казаться, просматривается другой его облик – собственно метафизика.

Новокузнецк – специфический город, и сама постановка вопроса о какой-то его метафизике выглядит по меньшей мере подозрительно. Это симптом глубоко укоренившегося в новокузнецких комплексах неполноценности, который является следствием перенасыщенности физического и ментального пространства города тяжелой индустрией. Утвердился стереотипный образ Новокузнецка как заводского рабочего (и только) города. Однако в разных регионах страны сегодня осознается, что идентичность горожан должна иметь более основательный фундамент, нежели празднование Дня города едва ли не по типовому сценарию для всей во многом еще советской России. По мнению Т. П. Фокиной, «город не устоит, если не будет личностей, сообществ, которые... не будут оживлять его метафизические ценности, их символические формы и манифестации» [10, с. 99].

Поиск Новокузнецком своей культурной идентичности только начинается. Об этом свидетельствует некоторое оживление в краеведческих кругах, в пользу этого говорит обозначившийся интерес к истории города в местных СМИ. С подачи властей разрабатываются направления *Кузнецкая крепость* и *Новокузнецк хоккейный*. В Новокузнецке, где в целом завершился процесс «первоначального накопления» финансового капитала, теперь насущным вопросом стало формирование *символического капитала* города. Не вдаваясь в анализ этого сложного понятия социоло-

гии П. Бурдые, отметим, что его компонентами являются репутация, внешний вид, имя, знаки достоинства, статусность, символы. Вновь возникший местный информационный ресурс – целый ряд «глянцевых» журналов – практически не включен в решение этой проблемы, поскольку является полиграфическим «междусобойчиком» бизнес-деятелей локального уровня, на досуге транслирующих в публику свои представления о провинциальном гламуре. Новые принципы разметки городского пространства посредством строительства торгово-развлекательных центров проблемы также не снимают: пока они породили лишь безликие слоганы о «стиле большого города» и т. п., вписанные в общую усредненную потребительско-развлекательную инфраструктуру.

Ясно одно: экспликация *души города* требует иного подхода, и вряд ли следует решать задачу такого уровня в рамках маркетинговых кампаний частных торговых предприятий. Необходимы консолидированные усилия экспертов-интеллектуалов – культурологов, философов, историков. Искать метафизику города нужно в живущих своей жизнью, забытых властью локусах повседневности. В разряд «брендов», «идеологий», «концепций развития», открыточных видов и туристических достопримечательностей она может попасть постфактум, но не конституируется ими.

Дискурсивное поле метафизики города формировалось усилиями специалистов по работе с художественными текстами и – шире – с вторичными моделирующими системами. В результате обнаруженное в литературном нарративе, например в текстах о Петербурге, переносилось на сам Петербург: «словесность» активно конструировала реальность. В этом ракурсе метафизика города предстает как результат усилий по вычитыванию неких смыслов из тела, символа, имени, образа и т. д. города, причем смыслов, непременно соотносящихся с традицией *письма* о городе. Картография литературного текста налагалась на городское пространство, мифологизируя и демонизируя его. Началом разработки темы городской метафизики безусловно являются прозрения русских писателей о Петербурге (от А. Пушкина к А. Белому, акмеистам и далее). Массив соответствующих текстов достиг критической точки к рубежу XIX–XX вв. и сделал Петербург бесспорно самым метафизическим городом России.

В итоге возникло убеждение, что «есть города, которым судьбой предначертана особая роль в культуре и истории... такие города живут по особым законам... они обладают особой метафизической значимостью... от тех вопросов, которые ставит перед нами реальность этого города, зависит самоопределение человека по отношению к истине и, зна-

чит, его бытийственный вектор» [6, с. 8]. Все это было бы справедливо, когда бы не одно «но»: Киев, Галич, Суздаль, Саров, Углич (ряд можно продолжать) играли не последнюю роль в русской истории и культуре. Но о них не написано столько, чтобы в сумме возникли «киевский», «галицкий» и т. д. тексты. Летописи не в счет. А ведь это более чем метафизические города! Сегодня ситуация постепенно выправляется. Так, в сентябре 2004 г. в Киеве состоялись Киевоведческие чтения «Образ города в контексте истории, философии, культуры», где была заявлена секция «Метафизика и онтология города». Вышла интересная работа о Перми [1]. Исследования московского мифа давно стали традицией. Калининград, Воронеж, Минск, Екатеринбург, Кострома, Красноярск, Омск, Оренбург, Одесса движутся в том же направлении.

Итак, метафизическое измерение у города появляется вследствие его литературной «легитимации». Именно здесь кроется причина тяжелого продвижения «метафизических штудий» к городам, не отмеченным пером гениев русской литературы. Хотя *метафизика города* – это не о Петербурге, а именно о *городе*, тем не менее отсутствие ореола классического литературного нарратива делает попытки говорить о метафизике других городов в лучшем случае странными, в глазах многих. Поэтому, например, профессору Т. П. Фокиной пришлось «решаться» на постановку темы *метафизика Саратова* [10, с. 71]. Рискнем предположить причину отмеченной сложности. С некоторой – назовем ее обыденной, хотя ее разделяют и профессионалы – точки зрения метафизическое измерение имеется лишь у *значительных* городов. За этим эпитетом скрывается все та же традиция литературного говорения о городе, освященная русской классикой. Отсюда эвфемистические по сути исследования *мифологем, символов* либо *формул* «рядовых» городов – ср., например, разработанный И. Сорокиным принцип «мифологического краеведения» [4, с. 198]. Возможно, еще более нейтральной позицией было бы говорить о *феноменологии города*.

Имеется косвенное подтверждение выдвинутой нами гипотезы. Очень скоро после формулировки темы *метафизика Саратова* начались активные поиски ее литературных легитимаций. Разные исследователи апеллируют к текстам Н. В. Гоголя, К. Федина и др. В качестве традиционных попыток придать рабоче-заводскому Новокузнецку «хоть какое-то» метафизическое измерение можно рассматривать многолетнюю активную эксплуатацию темы *Достоевский в Кузнецке*. Нередки при этом смелые утверждения: «И хотя в кузнецком домике Достоевским не было написано ни строчки его великих произведений, многие исследователи биографии писателя считают, что *именно здесь* зарождались не-

которые образы его будущих произведений (подчеркнуто нами. – *И. Р.*)» [9, 24]. О том, как эта тема была за последнее столетие вольно или невольно фальсифицирована (мифологизирована), см. работу В. Н. Егорова [7, 124–136].

Впрочем, у нашего города не так уж плохо обстоят дела с литературным (как и с живописным) «зеркалом»: достаточно упомянуть имена В. Маяковского, А. Платонова, И. Эренбурга, В. Шишкова, А. Бека. Следовало бы учесть и огромный массив эго-документов в жанре *наивного письма* (интереснейшее «отражение» города). Но из числа известных нам публикаций в ракурсе, приближающемся к «метафизическому», об образе города писала только Т. Б. Афузова [3, 25–28].

Внимательное прочтение текстов показывает, что для определения «души города» привлекаются данные истории, географии, топонимии, этимологии (в том числе народной), культурной топографии города, иногда даже геологии, семантика цвета и числа, постфольклор и, конечно же, литературные и живописные тексты. Идеальная «лицензия» городу на право иметь собственную метафизику – какое-нибудь прорицание относительно недоброй его судьбы. Подобные «лицензии» имеются у многих городов: Петербург был проклят первой женой Петра Евдокией; Саратову Иоанн Кронштадтский предрек, что он провалится (цит. по: [10, с. 91]); та же участь «уготована» Ижевску [4, с. 183]. Несомненно, чем-либо подобным располагает и Новокузнецк: не могло обойтись без проклятий в адрес гиблого кузнецкстроевского болота со стороны десятков тысяч раскулаченных крестьян, на чьих костях был возведен металлургический гигант первой пятилетки. Впрочем, местное выражение «город на болоте» говорит само за себя.

В советскую эпоху идентичность Новокузнецка конструировалась исключительно на его заводском *настоящем*. С начала 1930-х гг. четко обозначилась идеологическая тенденция позиционировать *город-при-заводе* Сталинск как возникший словно бы «из ничего», на пустом месте, в ходе героического покорения дикой тайги и освоения дореволюционного «ничтожного» захолустья. Юбилейные издания практически до излета советской эпохи выходили не к датам истории города, а к очередным – летиям КМК, причем о Новокузнецке в них говорилось лишь как о побочном продукте строительства гиганта индустрии, а о Кузнецке и вовсе в нигилистической манере. Возникновение *города-сада* представляло в этой перспективе как космогоническая драма со счастливым концом (подр. см.: [8]). О более чем трехсотлетней истории Кузнецка советский проектизм предпочитал не помнить. В 1960-е гг. был снесен исторический центр старого города, причем ситуацию не спасло даже то, что в некото-

рых из уничтоженных купеческих домов бывали революционные деятели В. П. Обнорский, В. В. Куйбышев и тем самым «осветили» их своим присутствием.

Город как обжитое, *космическое* пространство предполагает наличие мифа. В советскую эпоху на поверхности официальной жизни Новокузнецка функционировала мифологизированная идеология, лишенная местного колорита и универсально применимая к другим городам индустриального типа. Отсутствие «аутентичного» городского мифа компенсировалось низовой постфольклорной традицией. Этот сюжет требует специального рассмотрения, здесь же ограничимся одним примером. На памяти автора бытовавшие в 1980-х среди школьников Кузнецкого района «страшные истории» периода холодной войны. По ним выходило примерно следующее: мы живем в настолько значительном городе, что американские ракеты нацелены не на Москву вовсе – «на нас». И потому в случае ядерной войны... и т. п. Этот мотив – явная модифицированная эсхатология новейшего времени. Но в ней можно усмотреть и «низовой изоляционизм» компенсаторной природы: отсутствие официальной закрытости города (как бы не доросшего до «почтового ящика») в сочетании с очевидным депрессивным контекстом жизни в нем порождал инфантильные фантазии о его исключительности.

Попробуем сделать первоначальную разметку когнитивно-символической карты Новокузнецка, прибегнув к метафоре *культурного слоя* (в данном контексте мы говорим не о реальном археологическом культурном слое, а о стратификации мифологического пространства города, о структуре его «метафизического измерения»):

1. **Археологический слой:** древний «город» (*поселение, городище*), город-под-горой, город-на-горе, город-курган (?)...

2. **Этимологический слой** (включению подлежит вся топонимика местности в границах города): Кузнецк, Кузнецк-Сибирский, Новокузнецк, Сталинск, «Кузня», «Абинск», «Кондомск», «Аба-Тура»...

3. **«Геополитический» слой:** город-острог, город-колония/форпост колонизации, город-крепость, город-тыл, «южная столица Кузбасса»...

4. **Антропологический и этнологический слой:** сибирский город, исторический город, город-«котел» этнический и «социальный» (ср.: *Кузнецкая котловина* как географическое понятие), уездный, казачий, старожильческий город...

5. **Исторический (имперский?) слой:** город-ссылка, город-«каторга», город-тюрьма, город-лагерь...

6. **Индустриальный слой:** Кузнецкстрой, город-завод, рабочий город, город-труженик, соцгород, город-стройка...

7. **Мифологический слой:** город-сад, город-болото, «таежный» город...

8. **Слой амбиций «провинциального постмодерна»:** «большой город», «современный» город, «евро-город» (?!)...

9. **Экзистенциальный слой:** город-тупик (транспортные магистрали), город-угол («медвежий»), город-огород, глушь, захолустье, выселки, город-на-краю, город-на-границе, околица, периферия, город-судьба, город-Молох, город-дно (ср. Сибирь как «золотое дно»), город-стигма...

В этих и иных неназванных кодах может быть описано то, что мы назвали «метафизикой Новокузнецка». Компоновка разрозненных коннотаций в виде семантических комплексов приблизительная. Это не более чем эскиз, подлежащий дальнейшему обдумыванию, изменению и углублению. Некоторые из перечисленных мифологем обладают особой символической глубиной, другие «одномерны». Думается, стержневым мифом Новокузнецка должна остаться старая идея *города-сада*, но с иным, чем прежде, уровнем осмысления. Сама эта идеологема за последние семьдесят лет претерпела целый ряд метаморфоз и приобрела «местное», отличное от «словарного» значение. Рискнем утверждать, что *город-сад* как мощный пласт городской мифологии, несмотря на его лакированную хрестоматийность, практически не был разработан в координатах советского символического универсума и должен быть развернут именно теперь.

Автор отдает себе отчет в том, что все предложенные им спецификации Новокузнецка полностью укладываются в единственную рамку интерпретации – субъективную. Согласно мысли К. Гирца, «культурный анализ состоит... в угадывании значений, оценке догадок и в выводе интерпретирующих заключений из наиболее удачных догадок», и он «вопиюще неполон. И, хуже того, чем он глубже, тем более неполон» [2]. Новокузнецк – не единственный город, стоящий сегодня перед задачей самоопределения. Так, в Ижевске, тоже *городе-заводе*, предпринимаются попытки реконструировать городскую идентичность, введя в нее в качестве смыслообразующего компонента архаическую удмуртскую легенду об *Оше* (отсюда дореволюционное прозвище горожан – «ижевские крокодилы»). Но проблема самоидентификации города поднимается в ПФО на уровне административного проектирования (ср. проект 2001 г. «Промзона – территория культуры»).

Формула идентичности влияет на судьбу города. Памятничкоохранительная деятельность, согласно определению А. М. Кулемзина, – это всегда «борьба за трактовку исторических событий через исторические реликты и монументально-изобразительные средства» [7, с. 5]. В этой

связи не подлежит сомнению, что «невещественный» культурно-символический капитал города должен стать таким же объектом охраны историко-культурного наследия, как и его реифицированная история, – ведь «нельзя уважающему себя городу быть без мифа: лишенный мифа город превращается в статистику» [4, с. 184].

Литература

1. Абашев В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во ПермГУ, 2000. – 404 с.
2. Гириц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры. – Режим доступа: <http://lib.uni-dubna.ru>
3. Город, шагнувший в века: сборник статей / сост. Л. А. Кулемеева. – Новокузнецк, 2003. – 100 с.
4. Города региона: Культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего: Материалы международной научно-практической конференции 15–17 апреля 2003 года / под ред. проф. Т. П. Фокиной. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. – 232 с.
5. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: «КАНОН-Пресс-Ц»; «Кучково поле», 2000.
6. Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры / отв. ред. Л. Морева. – СПб.: Эйдос, 1993. – Вып. 1. – 315 с.
7. Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири: сб. науч. тр. / под ред. А. М. Кулемзина, Ю. П. Алехина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. – 224 с.
8. Рещикова И. П. Символико-мифологические компоненты первого метаописания города Сталинска // Вторые чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского: материалы Всероссийской научной конференции. – Новокузнецк, 2006. – С. 176–186.
9. Улицы расскажут вам...: Справочник / Е. Э. Протопопова, С. Д. Тивяков и др. – Новокузнецк, 1998. – 92 с.
10. Фокина Т. П. Саратов: повторение и различие. – Обнинск: Ин-т муниципального управления, 2005. – 256 с.

Л. З. Боголепова

ФОНДЫ МУЗЕЯ ПО ИСТОРИИ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА КАК ЧАСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУЗБАССА

Коллекционное собрание документальных памятников музея по истории Кемеровского государственного университета представляет собой исторический источник большой научной ценности и насчитывает около четырех тысяч единиц хранения. Его комплектование началось в связи с пятидесятиле-

тием КемГУ в 2003 г., в тот период времени, когда сохранение и использование историко-культурного наследия были определены важными условиями развития современного общества. За четыре года своего существования музеем накоплен уникальный материал, дающий возможность на основе объективных документальных источников представить истоки формирования Кемеровского государственного университета и позволяющий обратиться к опыту предшествующих поколений вузовской интеллигенции.

В ходе комплектования музейных фондов был собран обширный материал по истории вуза, который нашел свое воплощение в экспозиции «КемГУ вчера, сегодня, завтра» (6 витрин). Торжественное открытие, приуроченное к 50-летию КемГУ, состоялось в январе 2004 г. Основные принципы, положенные в создание экспозиции, определяются в соответствии с разработками, имеющимися в научной литературе [7, с. 114].

1. Тематико-хронологический (отражение истории развития вуза).

2. Проблемный (развитие фундаментальных наук, научно-образовательные комплексы).

3. Монографический (историко-биографические темы, освещающие жизнь и деятельность известных ученых университета).

В связи с накоплением материала, появлением новых фактов в истории университета, огромным интересом к историко-культурному наследию экспозиция постоянно обновляется. В 2005 г. к ней добавились еще три витрины: «У истоков становления вуза», «Ветераны Великой Отечественной войны». В 2007 г. открылась витрина к 25-летию ветеранского движения «Ветеранская организация КемГУ». Размещена экспозиция в удобном для просмотра месте – переходе между корпусами, где проходит большое количество студентов, преподавателей, сотрудников, гостей университета.

Экспозиция, музейно-педагогическая деятельность отдела истории вуза является действенной формой нравственного воспитания молодого поколения, бережного отношения ко всему тому, что создано умом и трудом ряда поколений преподавателей, развития чувства патриотизма. Музейная коммуникация приобретает все большее значение как фундамент формирования гражданственности, просветительства. На примере жизни ученых университета, их вклада в культурное наследие нашего края исследуется становление духовно-нравственного климата в вузе, воспитываются целые поколения студентов. В связи с этим возрастает значение музея истории как хранителя и транслятора духовно-нравственных ценностей.

Кемеровский госуниверситет прошел свой путь от педагогического техникума и института до одного из крупнейших вузов Сибири. История университета – это часть истории культуры, истории становления системы подготовки высококвалифицированных кадров Кузнецкого края, Сибири. Материалы музейных коллекций по истории вуза (фотоматериалы, документы ветеранов вуза и архивные материалы), анализ судеб конкретных людей, стоящих у истоков создания высшей школы в Кузбассе, дают возможность проследить формирование вузовской интеллигенции.

Фондовые материалы музея свидетельствуют о том, что в первые годы послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.) особенно актуально стал вопрос о пополнении и подготовке специалистов в области образования. Количество учителей, работавших в школах Сибири в 1946 г., было на 13,3 тыс. меньше, чем в 1941 г. [5, с. 275]. В Кузбассе из 9370 учителей только треть имела специальное педагогическое образование и только 505 человек – высшее. Интенсивно шло строительство промышленных объектов, росли города и формировались поселки городского типа со своей инфраструктурой. Все это требовало увеличения числа средних школ, школ рабочей молодежи, детских садов, культурно-просветительных учреждений. Везде требовались образованные, профессиональные кадры. Одной из попыток преодоления «учительского дефицита» стало решение о создании сети учительских институтов двухгодичного обучения. Они были призваны подготовить учителей для 5–7-х классов.

В музейном собрании имеется Приказ об образовании Кемеровского учительского института на базе педагогического техникума, изданный областным отделом народного образования 5 августа 1949 г. Институт имел два отделения: физико-математическое, русского языка и литературы. Плановый набор студентов был определен в 200 человек на дневную и 125 человек на заочную формы обучения. Директор института – Аркадий Семенович Кубасов, выпускник Томского педагогического института.

Формирование преподавательского состава проходило по нескольким направлениям. Его основу составили преподаватели техникума. Их было 9 из 16 преподавателей института. Образовательный уровень сотрудников был достаточно высоким. Однако среди них – выпускников Томского, Новосибирского, Московского педагогических институтов, Харьковского госуниверситета (А. Б. Аронов), Томского госуниверситета (Е. Г. Юров) – не было ни одного преподавателя с ученой степенью или званием и опытом работы в высшем учебном заведении.

Большую помощь Кемеровскому учительскому институту оказывало Министерство просвещения РСФСР, направляя молодых перспективных

специалистов, в том числе кандидатов наук. Многие из них сразу же заняли в институте руководящие должности. В сентябре 1949 г. на должность заместителя директора по научной и учебной работе прибыл И. И. Зелкин, на должность заведующего кафедрой физики и математики приехал кандидат наук Н. Н. Корытников. По распределению в 1950 г. приехала молодой специалист В. И. Шунина, возглавившая кафедру физического воспитания.

Некоторые специалисты надолго связали свою судьбу с педагогической работой в институте. Одним из них был Михаил Васильевич Федорин, который после окончания Ленинградского педагогического института им. Герцена в 1951 г. начал работать ассистентом кафедры педагогики, а в 1952 г. возглавил заочное отделение учительского института, затем КГПИ. Другой молодой специалист – Евгений Михайлович Самойлов после окончания в 1950 г. Томского государственного университета начал свою трудовую деятельность в должности ассистента кафедры физики и математики.

Основной формой пополнения преподавательских кадров учительского института было приглашение из других учебных заведений. Так, в 1949 г. на должность заведующего кафедрой марксизма-ленинизма был направлен Вениамин Михайлович Потемкин, после ранения на фронте и демобилизации в 1943 г. окончил Высшую партийную школу в Москве и получил направление в Кемеровский обком партии, откуда его перевели на педагогическую работу в учительский институт. Это направление сыграло заметную роль в жизни Вениамина Михайловича. Он занимался не только педагогической, но и научной работой (поступил в аспирантуру, опубликовал ряд научных статей, защитил кандидатскую диссертацию).

В 1950 г. из Кемеровского горного техникума направляется для работы в учительский институт Галина Васильевна Кирьякова, на должность преподавателя литературы. В последующие годы вся ее жизнь до ухода на заслуженный отдых была связана с филологическим факультетом Кемеровского учительского института, а затем Кемеровского государственного пединститута. В 1961 г. Г. В. Кирьякова была награждена значком «Отличник народного образования». Одновременно в Кемеровский учительский институт приходит математик Авраам Николаевич Ерохин, до этого работавший в Кемеровском институте усовершенствования учителей. Он сразу приступил к исполнению обязанностей заведующего кафедрой. Под его руководством началось переоборудование кабинетов

физики и математики, организовывалась первая физическая лаборатория, необходимая для учебы и научно-исследовательской работы студентов и преподавателей.

Документы из основного фонда отдела истории КемГУ позволяют установить, что за три года работы Кемеровского учительского института было сформировано 6 кафедр: кафедра марксизма-ленинизма, которую возглавил В. М. Потемкин (преподаватели – А. Б. Аронов, Е. Я. Горовский, В. Л. Соскин – в настоящее время доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН); кафедра педагогики с исполняющим обязанности заведующего кафедрой Е. К. Кузнецовой (преподаватели – Н. Е. Анкудинова, М. В. Федоринов); кафедра физики и математики (и. о. зав. кафедрой А. Н. Ерохин, преподаватели – Е. М. Васильева, Н. А. Лебедева, А. С. Сейфулин, Т. М. Сергиенко, Е. М. Самойлов); кафедра русского языка (и. о. зав. кафедрой О. М. Мерзлякова, преподаватели – Е. П. Молчанова, Р. Н. Панюшкина, Л. В. Алексеева (Бардина)); кафедра русской литературы (зав. кафедрой профессор Н. Н. Арденс, преподаватели – Г. В. Кирьякова, Ф. С. Мальцев); кафедра физического воспитания (и. о. зав. кафедрой В. И. Шулгина, преподаватель – Т. Л. Шатурина). Занятия по музыке вел С. Н. Маловинский, а по немецкому языку – А. Р. Хоник. В штатном расписании на 1952/1953 учебный год значилось 25,5 ставки профессорско-преподавательского состава, в том числе преподавателей 20, ассистентов – 5,5.

За небольшой срок своего существования КГУИ внес заметный вклад в развитие образования на территории Кемеровской области, обеспечивая школы квалифицированными педагогическими кадрами. Только дневное отделение выпустило более 500 учителей 5–7-х классов. Более 100 педагогов подготовило заочное отделение. Кемеровский учительский институт создал все условия для дальнейшего развития высшего профессионального образования.

1 сентября 1953 г. на базе учительского института был открыт Кемеровский государственный педагогический институт (КГПИ).

В последние десятилетия музейная педагогика играет очень важную роль в воспитании подрастающего поколения. С ее помощью решается одна из главнейших задач общества – включение культурного наследия с его огромным образовательно-воспитательным потенциалом в систему образования и воспитания. Знакомство с музейными коллекциями духовно обогащает человека, способствует гуманизации образования.

Н. Н. Арленс (4-й слева, 1 ряд) – первый профессор в КГУИ

В научно-просветительских и воспитательных целях отделом истории вуза подготовлены экскурсии о выдающихся ученых, внесших значимый вклад в науку не только Кузбасса, но и в России. Интересные, содержательные и конкретные факты и примеры из жизни и деятельности ученых дают студентам (будущим абитуриентам) возможность более близко ознакомиться с избранной профессией, проникнуться любовью и уважением к труду преподавателей.

Становление молодого учительского института связано с научно-педагогической деятельностью видного ученого-литературоведа – Николая Николаевича Арденса (до 1934 г. носил фамилию Апостолов). Он был первым профессором в учительском институте, имевшим большой опыт вузовской работы. В Кемеровском учительском институте Н. Н. Арденс проработал с 1949-го по 1952 г. Одновременно преподавал в Военной академии г. Москвы. К этому времени Николай Николаевич был уже автором 14 монографий (из них 9 – о Л. Н. Толстом) и свыше 40 журнальных статей. Главные труды Н. Н. Арденса связаны с изучением жизни и творчества Л. Н. Толстого. В книге «Живой Толстой. Жизнь Л. Н. Толстого в воспоминаниях и переписке» (М., 1928) впервые собраны важнейшие мемуарные свидетельства о писателе. Другие монографии посвящены анализу работы Л. Н. Толстого над историческими источниками, взаимоотношениям Л. Н. Толстого с писателями-современниками, отношению Л. Н. Толстого к самодержавному строю.

Работа с экспонентами отдела по истории вуза позволила восстановить его биографию. Николай Николаевич Арденс родился в 1890 г. на Украине. Отец его был офицером, мать – образованная женщина, владевшая несколькими языками. Значительное влияние на личность Николая Николаевича, ученого и человека, оказала та среда дворянской интеллигенции, в которой он жил и воспитывался. Отец определил Н. Н. Арденса в Киевский кадетский корпус, который он окончил в 1908 г. Но военным он не стал, тяготение к литературе определило его дальнейшую судьбу. В 1916 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета. С этого времени началась его научная и педагогическая деятельность. Дипломная работа «Роман “Война и мир” Л. Н. Толстого и русский исторический роман» удостоена премии имени Л. Н. Толстого. Работал редактором в Госиздате, заведовал архивом музея Л. Н. Толстого (Москва). Преподавал в средней школе, народных университетах, в киноинституте, институте театроведения (Москва), Московском университете (с 1940 г. – кандидат филологических наук). В 1941–1942 гг. – профессор Уральского университета. Агитационно-популяризаторская,

просветительская деятельность Н. Н. Арденса в годы Великой Отечественной войны отмечена медалью «За доблестный труд». В 1948–1949 гг. Н. Н. Арденс читал в Уральском университете спецкурс, посвященный творчеству Л. Н. Толстого. Уволен из Уральского университета за «космополитическое толкование литературных явлений» [6, с. 263]. С 1949-го по 1964 г. работает в высших учебных заведениях страны. Н. Н. Арденс преподавал в Среднеазиатском университете (Ташкент), педагогических институтах Калинина, Читы, Арзамаса, Кемерово.

В жизни и деятельности этого большого ученого Кемерово сыграл значительную роль, несмотря на то, что преподавал он здесь около трех лет. Подлинная интеллигентность, доброжелательность, огромная эрудиция очень скоро привлекли к нему внимание и преподавателей, и студентов. Он покорял студенческую аудиторию энциклопедическими знаниями, эмоциональностью речи. Общение не ограничивалось только учебными занятиями. «Выступал Н. Н. Арденс и с открытыми лекциями по творчеству Л. Н. Толстого, собиравшими широкую аудиторию преподавателей и студентов института. Рассказывал интересно о своих встречах с Л. Н. Толстым, В. В. Маяковским, В. И. Лениным. Он оставил добрую память о себе среди всех, кому довелось общаться с ним в период его пребывания в Кемерово, слушать его лекции или работать вместе с ним», – вспоминает ветеран КемГУ Ростислав Георгиевич Круссер, работавший в Кемеровском учительском институте вместе с Н. Н. Арденсом.

Симпатизировал своим новым слушателям и Н. Н. Арденс. «Как ни удобно и приятно в Москве, – писал он А. С. Кубасову – а все же с удовольствием вспоминаю свою чудесную аудиторию в Кемерове – славную молодежь вашу, с которой я успел так сродниться».

В 1952 г. Н. Н. Арденс переезжает в Москву по причине, как он пишет в заявлении об уходе, «большой важности на московской работе» [1, л. 3–4]. Учительский институт лишился талантливого педагога, а кафедра литературы на долгое время осталась без заведующего.

С 1964-го по 1974 г. – профессор кафедры русской литературы Московского педагогического института. Н. Н. Арденс – автор книги «Драматургия и театр А. С. Пушкина», в которой рассмотрена не только деятельность Пушкина-драматурга, но и история постановок его драм. Раскрытию сложного и противоречивого внутреннего мира Ф. М. Достоевского посвящен роман «Ссылный № 33» Н. Н. Арденса.

В отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого хранятся фонды литературоведов. Среди них и фонд Н. Н. Арденса.

В отделе истории вуза создан фонд Николая Николаевича Арденса. Воспоминания его учеников и коллег, письменные и устные, хранят об-

раз великого ученого, педагога, прекрасного человека. Лекции ученого по литературе прослушали сотни студентов. Во всех уголках нашей страны трудятся его ученики.

Из воспоминаний выпускницы Кемеровского учительского института М. Н. Ештокиной (ветеран труда, педстаж – 52 года, звания «Заслуженный учитель РФ», «Почетный учитель Кузбасса»): «Лекции Н. Н. Арденса были незабываемыми часами общения с человеком высокой эрудиции и личного обаяния и, как правило, заканчивались аплодисментами слушателей. Он никогда не пользовался конспектами. Внутренняя культура, великолепная манера преподнесения материала пленяли студентов. Николай Николаевич внес в наши знания столько нового, что, казалось, заново открывал мир поэзии и прозы. Как сейчас вижу его высокую, статную фигуру с совершенно белой головой и слышу неторопливый, мягкий, проникающий в ум и сердце слушателей голос. В обращении со всеми был прост и доступен. Никакого снобизма в нем не было. Уже будучи преподавателем литературы, я многое использовала из методики преподнесения материала, общения со слушателями Н. Н. Арденса. Мы счастливы, что в нашей жизни был такой преподаватель, профессионал своего дела».

В отделе музея имеется фонд и другого человека, сыгравшего заметную роль в становлении исторической науки в Кузбассе. Это профессор Исая Павлович Шмидт – «ученый-космополит», приехавший по направлению Министерства просвещения РСФСР в декабре 1952 г. И. П. Шмидт заведовал кафедрой педагогики и истории. До сентября 1953 г. он одновременно исполнял обязанности заместителя директора института по учебной и научной части. К моменту приезда в Кемерово И. П. Шмидт имел более 20 научных работ, опубликованных как отдельными брошюрами, так и в журналах.

Исай Павлович Шмидт родился в 1896 г. в Одессе, в семье рабочего местной табачной фабрики. С семнадцати лет будущий профессор трудился в типографии «Одесских новостей». С июля по декабрь 1915 г. служил рядовым солдатом в царской армии. В 1917 г. поступил вольнослушателем в Одесский университет, на историко-филологический факультет. После окончания Гражданской войны Исай Павлович занялся педагогической деятельностью и увлекся историей. С 1929-го по 1933 г. он учился в Институте красной профессуры, на историческом отделении. Затем преподавал, заведовал кафедрами истории в ряде московских вузов. Был начальником экспедиции перелета по маршруту Москва – Пекин – Токио. За успешное проведение научно-исследовательской экспедиции в июле 1925 г. И. П. Шмидт награжден ВЦИК орденом Красного Знаме-

ни, а в сентябре того же года Реввоенсоветом СССР серебряным оружием. В 1934 г. ему было присвоено ученое звание профессора. В 1937 г. И. П. Шмидт был уже профессором и ректором Одесского госуниверситета. Переломным в жизни молодого профессора стал 1937 г. В августе был арестован и приговорен к расстрелу младший брат И. П. Шмидта, занимавший пост заместителя наркома тяжелой промышленности. Самого И. П. Шмидта с формулировкой «за потерю бдительности» исключили из партии и лишили возможности занимать руководящие должности, вести преподавание в ведущих вузах Москвы. Ученое звание профессора было вновь подтверждено Постановлением ЦК лишь в 1946 г. В этом же году он получил возможность начать преподавание в Высшей школе профдвижения при ВЦСПС.

В Кемеровском учительском институте, а затем в пединституте И. П. Шмидт пользовался заслуженным авторитетом и популярностью среди студентов. Немало способствовал тому, чтобы кафедра истории была одна из самых лучших в методике преподавания. Научная деятельность И. П. Шмидта была плодотворной и разнообразной. Он видел смысл своего существования в том, чтобы воспитывать учеников на самых высоких идеалах человечности. Профессора всегда окружала молодежь, которую привлекала его творческая увлеченность, умение помочь, щедрость души.

С открытием в 1954 г. историко-филологического факультета и организацией кафедры истории И. П. Шмидт был назначен на должность заведующего кафедрой. Единственный профессор среди преподавательского состава института, Исая Павлович, читал лекции по истории, выступал с научными докладами на ученом совете института и в студенческих аудиториях, оказывал помощь молодым преподавателям в их научной и учебной работе. И. П. Шмидт преподавал в Кемеровском педагогическом институте до августа 1955 г. В стране началась реабилитация жертв политических репрессий. Были сняты все обвинения и с И. П. Шмидта. После окончания 1954–1955 учебного года он был откомандирован в распоряжение Министерства просвещения РСФСР.

На основе документальных источников отдела истории можно сделать вывод, что почти все бывшие студенты учительского института нашли свое место в жизни, стали профессионалами в педагогической деятельности, сохранили и передали ученикам наследие отечественных мыслителей, считавших главной проблемой личностного становления – формирование духовной цельности. Нравственные, умственные, эстетические, социальные устремления и убеждения человека должны находиться в гармонии друг с другом и составлять целостное мировоззрение, его жизненную позицию.

Выпускники института стали настоящими хранителями и трансляторами духовно-нравственных традиций, заложенных преподавателями учительского института. Работа отдела истории вуза способствует формированию исторического сознания, нравственной памяти и духовности. В связи с этим повышается роль музея как хранителя наследия и транслятора традиций.

В настоящее время отдел истории вуза продолжает свою работу в соответствии с современными условиями жизни вуза, формирует системную экспозицию по истории КемГУ, активно сотрудничает со всеми подразделениями, ведет научную, методическую, издательскую, рекламную, экскурсионную и профориентационную деятельность, осуществляет связь с выпускниками, преподавателями и студентами университета.

Литература

1. Архив ГОУ ВПО КемГУ, д. 30, л. 3–4; д. 259, л. 3–40; д. 858, л. 1–56; д. 1007, л. 1–43.
2. Архив КМАЭЭ, д. 1–10.
3. Боголепова Л. З. Роль отдела по истории Кемеровского государственного университета в формировании нравственной личности студентов // Проблемы морально-нравственного развития личности и общества: сб. науч. тр. – Кемерово, 2004. – С. 12–14.
4. История Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 208 с.
5. История Сибири. – Л., 1969. – Т. 1. – С. 275.
6. Уральский государственный университет в биографиях. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – С. 262–263.
7. Шелегина О. Н. К разработке концепции музея Сибирского отделения Российской академии наук // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 110–115.

Л. С. Коняева

КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НУЖЕН НОВЫЙ МУЗЕЙ

Вторая половина XIX – начало XX века было лучшим временем музеев России. «В это время, – утверждает исследователь музейной деятельности православной церкви А. Крылов, – сформировались основные организационные структуры, сохранившиеся до наших дней. Выросли превосходные музейные специалисты, умевшие в предреволюционное время разносторонне осветить многие особенности музейного дела. Попечительство государя, просвещенное меценатство, православная ориентация закладывали духовно-нравственную и одновременно научную базу

музейной работы, способствовали правильному сбережению историко-культурного наследия, в том числе православных святынь» [4, с. 71]. Именно в конце XIX века наряду с открытием светских музеев создаются государственные и епархиальные музеи христианских древностей, где впервые осуществляется прецедент музейной охраны, защиты и реставрации святынь с целью сохранения их в лоне православной церкви для потомков. Характерной чертой подобных музеев являлось то, что помимо собирательной, охранительной и образовательной задач они играли роль центров православного просвещения, православной науки, православно-го воспитания.

Знакомство посетителей музеев с вновь открытыми, возрожденными памятниками церковной культуры способствовало формированию у них глубокого почитания святынь. Многочисленные публикации о памятниках Церкви в дореволюционное время в значительной мере защитили святыни от богоборцев, не посмевших даже после 1917 года разрушить то, что оценил мир.

Миссия православной церкви в России заключается в изучении и сохранении духовно-исторического наследия, связанного с культурными и историческими процессами, происходившими на территории страны. Этому процессу в большой мере способствовало бы создание музеев, где бы изучался, сохранялся и распространялся опыт служения православной церкви в регионах.

В настоящее время государством и Русской православной церковью большое внимание уделяется возрождению духовности российского общества. В связи с этим ведется строительство и восстановление православных храмов, открываются духовные учебные заведения. С целью сохранения церковного наследия и воспитания в духе православия подрастающего поколения при епархиальных управлениях и храмах создаются музеи. Как, например, музей истории Новосибирской епархии в городе Новосибирске, епархиальный музей истории православия на Алтае и другие.

На наш взгляд, создание такого музея возможно и при Кемеровской и Новокузнецкой епархии.

Проект «Музей Кемеровской и Новокузнецкой епархии» включит в себя музееведческие, богословские, философские, культурные и социокультурные компоненты, будет соответствовать требованиям и потребностям в сохранении и использовании духовного и историко-культурного наследия в целях возрождения православных традиций.

Практическая значимость предлагаемого проекта музея Кемеровской и Новокузнецкой епархии найдет свое выражение в апробации и внедре-

нии в жизнь модели музея, основанной на взаимодополняющем эффекте церковного и музейного методов сохранения и презентации духовного наследия. А также позволит демонстрировать жителям и гостям области новую в Кузбассе религиозно-историческую экспозицию, а не череду временных выставок, как это практикуется в настоящее время.

Проект музея Кемеровской и Новокузнецкой епархии по замыслу, должен стать прежде всего социально ориентированным, обращенным к актуальным общественным проблемам. Как новый культурный продукт на территории Кузбасса, он будет представлять современную культурную практику Кузбасса в активизации регионального, межрегионального и международного сотрудничества. Содействовать формированию современной культурной политики, способствующей использованию культуры как ресурса развития региона и области.

Развитие межрегиональных и международных творческих контактов и культурных обменов позволит войти Кузбассу в открытое международное культурное пространство и привлечет дополнительное внимание отечественных и зарубежных инвесторов в социокультурную область.

Вместе с другими учреждениями музей будет способствовать развитию культурного потенциала области, в частности, развитию музейного дела и художественного творчества, развитию историко-культурного туризма, в целом – сохранению духовных традиций и устойчивости российского общества.

Целью музея является возрождение православных духовных традиций и развитие духовно-образовательной деятельности, сохранение, восстановление материальных памятников православной церкви, находящихся на территории Кемеровской области.

Первоочередная задача предлагаемого проекта заключается в создании общедоступной сети учреждений христианского культурного воспитания, образования и просвещения. Знакомство с наследием Русской православной церкви, имеющей многовековую православную традицию, будет служить делу приобщения подрастающего поколения к духовным и нравственным ценностям, даст им необходимые знания для понимания классической литературы и искусства, будет способствовать интеграции в мировое и отечественное культурное сообщество.

Предполагается комплексная деятельность музея, которая будет состоять в научно-просветительской, познавательной, образовательной, выставочной, производственно-коммерческой, туристической, издательской и других направлениях.

Музей планирует осуществлять свою деятельность *в следующих направлениях:*

- изучение церковно-религиозной и общественной жизни местного края в ее прошлом и настоящем, исследование, описание и сохранение памятников древности и истории;
- расширение образовательного пространства церковнослужителей и мирян;
- овладение практическими навыками поисковой, проектной и исследовательской деятельности;
- развитие социальной активности и творческой инициативы верующих людей, в том числе и учащихся образовательных учреждений, в процессе сбора, исследования, обработки, оформления и презентации предметов церковной и материальной культуры, источников по истории церкви и культуры, имеющих воспитательную, научную и познавательную ценность;
- воспитание у народа любви к Родине, чувства патриотизма, уважения своей истории и культуры, которая корнями уходит в православие;
- развитие познавательных интересов и способностей детей и молодежи;
- публикация материалов и научных исследований по церковной истории епархии.

Для достижения поставленной цели музея необходимо решение таких *задач*, как:

- сбор архивных материалов и изучение церковной истории региона;
- устройство церковного хранилища для сосредоточения и хранения письменных и вещественных памятников, церковной утвари Кемеровской и Новокузнецкой епархии и организация учета и хранения церковной утвари в соответствии с правилами научной консервации, их научной обработки и исследования;
- создание эксплуатационных отделов, научного и методического кабинетов, библиотеки и фонотеки;
- просветительская деятельность среди молодежи, направленная на формирование правильного представления об иерархии христианских ценностей;
- устройство выставок и публичных чтений;

Структура музея и перспективы развития:

Музей Кемеровской и Новокузнецкой епархии по масштабности замысла видится как комплексное историко-культурное и социокультурное учреждение.

Его структура должна состоять из следующих частей:

- управленческий аппарат (совет музея, председателем которого является правящий архиерей Кемеровской и Новокузнецкой епархии, директор музея),

- научный отдел (специалисты в области богословия, музейного дела, истории, социологии, философии и др.),
- творческий отдел (искусствовед, специалист по разработке творческих проектов и др.),
- отдел маркетинга и связей с общественностью,
- научно-технический отдел (создание программных продуктов и пр.),
- фондохранилище,
- библиотека и фонотека,
- производственно-коммерческий отдел (арт-мастерская, магазин сувениров и др.),
- отдел передвижных выставок,
- экскурсионный отдел,
- хозяйственный отдел.

На наш взгляд, необходимо организовать совет попечителей музея, работа которого позволит систематически и планомерно пополнять музейные фонды и проводить интересные творческие выставки: православных воскресных школ и общеобразовательных учреждений, светских мастеров, мастеров пенитенциарного округа.

При создании и работе музея Кемеровской и Новокузнецкой епархии является необходимым постоянный контроль и патронат со стороны Русской православной церкви, богословов, общественности.

Проекты такого масштаба, долговременные и долгосрочные, возможно воплотить только объединенными усилиями Кемеровской и Новокузнецкой епархии, верующей общественности и администрации области.

Первоначально, музей можно разместить в одном из помещений епархиального управления Кемеровской и Новокузнецкой епархии. В перспективе при наличии средств видится строительство отдельного здания.

Создание музея Кемеровской и Новокузнецкой епархии возможно в любой форме. Статус негосударственного музея практически не затронет бюджетную сферу города и области. Капитальные вложения здесь предполагаются в виде спонсорских, меценатских средств, добровольных пожертвований и инвестиций, как отечественных, так и зарубежных. Создание коллекций, которые лягут в основу организации музея, планируется за счет пожертвований православных кузбассовцев, частичного приобретения экспонатов Кемеровской и Новокузнецкой епархией.

В музее Кемеровской и Новокузнецкой епархии станет возможным привлечение населения Кузбасса к музейной деятельности через научное, культурное, творческое, коммерческое, меценатское виды сотрудничества.

Музей в силу своего назначения – служить обществу – требует исключительной приверженности идее качества и соблюдения этического кодекса, как самого музея, так и его сотрудников. Поэтому музей Кемеровской и Новокузнецкой епархии будет стремиться к созданию атмосферы, где царят высокая эстетика, объективность, высокий моральный дух и профессионализм.

Литература

1. Горбатов А. В., Зенькович У. И., Самович А. П. Религиозные организации в Кузбассе (краткий обзор) // II Всероссийские научные чтения «Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России». – Кемерово, 21 декабря 2001 г.
2. Евангелие от Матфея. – Издательство Московской патриархии, 2003.
3. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви / Кемерово, АНО «МАСС – Медиа-Центр», 2003. – 304 с.
4. Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви. Русская православная церковь. Миссионерский отдел Московского патриархата.
5. Крылов А., Церковь. Святыня. Музей // Мир Божий. – М.: Статисъ, 2003. – 150 с.
6. Отчет Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской православной церкви. – Кемерово, 2006. – 300 с.
7. Шляхтина Л. М. Основы музейного дела // Теория и практика. – М.: Высшая школа, 2001. – 183 с.

Интернет-ссылки:

<http://www.novoletie.ru>

<http://eparhia.onego.ru>

П. Г. Соколов, А. М. Кулемзин

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КУЗБАССА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОИСКА НОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

Большинство объектов историко-культурного наследия Кемеровской области представлено археологическими памятниками. В то же время археологические объекты наиболее уязвимы в связи с их разрушением из-за антропологического воздействия на ландшафт, а также в результате естественных природных процессов [5]. Археологические памятники составляют особую группу объектов историко-культурного наследия. В этой связи наиболее важной задачей в деле охраны памятников является их физическое сохранение, что невозможно сделать без их полного выявления и постановки на государственный учет.

Следует отметить, что история археологических открытий на территории Кемеровской области насчитывает без малого три века. В этой связи авторы в рамках данной статьи считают уместным напомнить читателю об основных вехах в истории археологического изучения нашего края.

Первые известия о памятниках археологии на территории Кузбасса стали поступать начиная с середины XVII века. А в 1730 г. пленный офицер Страленберг, возвратившийся из экспедиции Д. Г. Мессершидта, опубликовал в Стокгольме книгу «Описание северной и восточной части Европы и Азии», в которой подробно описал Томскую Писаницу.

Во второй половине XIX века выявлением, описанием и раскопками древних курганов занимались В. В. Радлов, В. М. Флоринский, Г. О. Оссовский, А. В. Андрианов.

Систематические исследования археологического наследия на территории Кемеровской области начались в конце 20-х гг. XX века в основном силами краеведов-любителей и геологов, проводивших свои изыскания преимущественно в южной части бывшей Томской губернии. В работах активно принимали участие краеведы Д. Т. Ярославцев, Г. С. Блынский, К. А. Евреинов, а также геологи А. Кузнецова, А. П. Дубок, Н. А. Чернышев.

Целенаправленное изучение археологического прошлого началось лишь в 50-е гг. прошлого столетия. Полевые исследования активно проводили У. Э. Эрдниев – в районе г. Новокузнецка, М. Г. Елькин – в окрестностях г. Прокопьевска. На севере области раскопки вел томский археолог В. И. Матющенко.

С конца 50-х гг. в Кузбассе стала формироваться собственная археологическая школа. Именно в это время в Кемерово приехал молодой выпускник Московского педагогического института А. И. Мартынов. Им были проведены обширные археологические разведки на всей лесостепной части Кемеровской области, выявлены десятки памятников бронзового и раннего железного веков. В 70-х – начале 90-х гг. его учениками и коллегами М. Б. Абсалямовым, В. В. Бобровым, А. М. Илюшиным, А. М. Кулемзиным, А. В. Циркиным, Ю. В. Шириным и другими были обследованы обширные территории области. За это время удалось выявить сотни новых памятников широкого хронологического диапазона: от верхнего палеолита до развитого средневековья.

Масштабные археологические исследования, проведенные в эти годы, позволили накопить широкий корпус источников по древней истории Кузбасса. Другим немаловажным следствием этих исследований стала возможность обобщения известных материалов и создание свода

памятников истории и культуры Кемеровской области [2], а также издание двух каталогов памятников историко-культурного наследия, где значительное место занимают памятники археологии [3, 1]. В последней работе было учтено 579 памятников археологии, выявленных на тот момент времени на территории области.

В последнее время в Кемеровской области в плане сохранения историко-культурного наследия наметились значительные позитивные сдвиги. В начале 2006 года при департаменте культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области был создан отдел охраны памятников. Вместе с тем множество известных ранее археологических объектов разрушается по причинам как природного характера, так и обусловлены человеческой деятельностью. Спасти данные памятники от разрушения возможно лишь путем их раскопок.

В связи с вышесказанным целью данной работы является введение в круг специалистов-археологов результатов разведочных археологических работ, в результате которых были выявлены новые объекты историко-культурного наследия на территории Кузбасса. С данными исследований в полном объеме можно ознакомиться в отделе полевых исследований Института археологии РАН.

В августе 2006 года отряд лаборатории археологии и этнографии Института экологии человека СО РАН г. Кемерово совместно с сотрудниками кафедры истории, музееведения и краеведения Кемеровского государственного университета культуры и искусств проводил археологическую разведку в Промышленновском районе Кемеровской области (открытый лист № 50 от 7 апреля 2006 г., форма № 3). Основной целью разведочных работ был поиск перспективных памятников раннего и среднего голоцена (неолит – поздняя бронза). Полевые работы соответствовали теме научного направления, разрабатываемого в Институте экологии человека СО РАН.

Археологические исследования Промышленновского района начинались еще в конце 50-х – начале 60-х годов XX в., когда А. И. Мартынов (Кемеровский областной краеведческий музей) проводит разведочные и раскопочные работы близ р. п. Промышленная и по левому притоку р. Иня – р. Тарсьма. Им были открыты и частично или полностью исследованы могильники Пьяново, Иваново-Родионовский, Тарасово. Тогда же им было открыто большинство поселений и могильников в окрестностях р. п. Промышленная и по левому берегу левого притока реки Иня – Тарсьме от Промышленной до с. Голубево. В конце 60-х годов Ю. М. Бородкиным (Кемеровский государственный педагогический институт) прово-

дятся аварийные работы на грунтовом могильнике Васьково. Возобновляются работы по археологическому изучению Промышленновского района в конце 70-х годов В. В. Бобровым и Ю. М. Бородкиным (Кемеровский госуниверситет). В первую очередь проводятся археологические разведки по берегам реки Иня в районе сел Тарасово, Васьково, станции Падунская. Здесь были обнаружены поселения и могильники, датирующиеся от эпохи неолита до средневековья. Часть из них была раскопана В. В. Бобровым. В середине 80-х годов, в связи со строительством углепровода Белово-Новосибирск, начинаются хоздоговорные работы по обследованию зоны строительства. В ходе разведочных работ в окрестностях с. Журавлево В. В. Бобровым (Кемеровский госуниверситет) были обнаружены, а затем и полностью исследованы могильники эпохи развитой – поздней бронзы Журавлево 1-5, Танай 1-2. В окрестностях с. Ваганово было зафиксировано два могильника, исследованных А. С. Васютиным (Кемеровский госуниверситет) в первой половине 90-х годов. Во второй половине 90-х годов им же проводились исследования памятников Калтышинского археологического микрорайона. В 2004 г. археологическим отрядом под руководством В. Н. Жаронкина (Кемеровский госуниверситет) было обследовано среднее течение реки Иня, в результате работ было выявлено несколько новых памятников. Им же в 2005 г. на правом берегу реки Исток, недалеко от автомобильного моста через нее, было открыто поселение Калтышино-5, которое исследуется с 2006 г. В 2005 г. при строительстве туристского горнолыжного комплекса «Танай» строителями разрушен ранее неизвестный памятник Исток, исследованный В. В. Бобровым. Таким образом, в настоящее время в Промышленновском районе изученным является только большая часть течения р. Иня, ее левого притока Тарсьмы и Танайского археологического микрорайона.

В целом в настоящее время Промышленновский район Кемеровской области является наиболее изученным в археологическом отношении. На момент проведения разведочных работ отчетного года в районе было известно 62 археологических памятника. Вместе с тем в районе сохраняются местности, не обследованные в археологическом отношении. В этой связи перед проведением разведочных работ был составлен маршрут движения. Отряд выдвинулся пешим ходом из села Журавлево вдоль левого берега реки Исток от ее выпадения из озера Танай до впадения в реку Тарсьма. Далее отряд повернул на юго-восток и двинулся к конечной точке – Пархаевским озерам вблизи села Пархаево. На данном участке (от впадения Истока в Тарсьму до Пархаевских озер) в археологическом плане были обследованы балка Узкая, урочище Головлевское, окрестности озера Окунево вблизи села Прогресс и урочище Иваново.

В целом за три дня отряд проделал путь около 35 км. В результате исследования было выявлено два новых археологических памятника.

Поселение Калтышино-6. Географические координаты: 54°50.555' северной широты и 85°07.737' восточной долготы. Памятник располагается на высоте 183 м над уровнем моря по Балтийской системе высот.

Поселение Калтышино-6 располагается на левом берегу речки Исток на небольшом мысовидном участке, образуемом изгибом реки (рис. 1). Участок хорошо задернован, покрыт луговой растительностью. В непосредственной близости от памятника находится старица реки Исток. Основное русло Истока, шириной, не превышающей на данном участке пяти метров, расположено в 50 м к северу от поселения. Ближайший к поселению Калтышино-6 населенный пункт – деревня Калтышино. Памятник находится на расстоянии 1,4 км на северо-восток от нее. На расстоянии 560 м в северо-западном направлении от поселения находится мост через реку Исток (гравийная дорога Промышленная – Журавлево).

В результате визуального осмотра месторасположения памятника выявлено три жилищных западины. Западина № 1 представляет собой углубление подквадратной формы, углами ориентированное по странам света. Ее размеры составляют 5×5 м, глубина относительно уровня современной дневной поверхности – 0,2 м. В 1,5 м на северо-запад от нее была зафиксирована западина № 2, представляющая собой небольшое углубление, углами ориентированное по странам света. Ее размеры составляют 4,5×5 м, глубина – 0,3 м. Северо-западнее от западины № 2, в 1,8 м от нее, располагается западина № 3, представляющая собой углубление размером 6 × 6 м и глубиной около 0,25 м, сторонами ориентированное по странам света.

Попытка сбора подъемного материала результатов не дала. В связи с этим датировка поселения в настоящее время затруднительна.

Состояние поселения Калтышино-6 в настоящее время можно оценить как хорошее. Участок, на котором оно располагается, как уже отмечалось выше, сильно задернованный, склон берега пологий, без обрыва. Следует также отметить, что на этом месте находятся сенокосные угодья жителей села Калтышино.

Одиночный курган Прогресс. Географические координаты: 54°44.969' северной широты и 85°19.562' восточной долготы. Памятник располагается на высоте 271 м над уровнем моря по Балтийской системе высот.

Одиночный курган Прогресс располагается на западном берегу озера Окунево, на расстоянии 175 м от береговой линии, на краю небольшой гряды (рис. 2). Участок, на котором расположен курган, хорошо задер-

нован, покрыт луговой растительностью. Западнее от кургана, примерно в 200 м, расположено распаханное поле. Расстояние от центра поселка Прогресс (ближайший населенный пункт) до кургана составляет 1 200 м в юго-западном направлении. На расстоянии 1,7 км к востоку от кургана находится указатель «поворот на село Прогресс» на автодороге Промышленная – Ваганово.

Курган имеет высоту около 0,9 м относительно уровня современной дневной поверхности. Размеры памятника приблизительно составляют 17 м по линии СЮ и 16 м по линии ЗВ. Более точно установить размеры кургана невозможно, поскольку его западная и восточная полы практически полностью уничтожены грунтовой дорогой. Предположительно объект можно датировать эпохой средневековья.

В целом состояние кургана можно оценить как плохое. Памятник уничтожается полевой дорогой и требует аварийных раскопок.

Данные, полученные в ходе разведочных работ, переданы в отдел охраны памятников при Администрации Кемеровской области.

Таким образом, разведки в наиболее изученном в археологическом отношении Промышленновском районе Кемеровской области позволили выявить два новых объекта историко-культурного наследия. В этой связи в рамках настоящей статьи представляется целесообразным обозначить ряд важных на сегодняшний день для специалистов-археологов, музейщиков и краеведов, занимающихся сохранением культурного наследия Кузбасса, проблем.

Прежде всего, в деле поиска и учета памятников археологии необходимо скоординировать усилия всех археологов области. Несмотря на то, что при подготовке материалов к Своду памятников Кемеровской области, вышедшему в середине 1990-х гг. [1], были собраны все архивные сведения об известных памятниках и проведены масштабные археологические разведки, как показал полевой сезон 2006 года, в настоящее время имеются еще не открытые археологические объекты. Данный факт ставит перед археологами довольно перспективную задачу, сводящуюся к проведению полного археологического мониторинга всей территории Кемеровской области и созданию полного электронного банка данных археологического наследия. Проведение столь значительных работ, несомненно, требует совместных усилий всех заинтересованных в этом деле организаций, объединенных под началом единого центра, которым вполне мог бы стать Отдел охраны памятников при Администрации Кемеровской области.

Еще одной не менее важной проблемой, которую необходимо решать в ближайшие годы, является проблема учета археологических предметов,

хранящихся в местных музеях. Суть ее сводится к тому, что в настоящее время в экспозициях и фондах многих городских, районных, сельских и школьных музеев области находятся многочисленные, порою уникальные археологические предметы, неизвестные для науки и зачастую неправильно интерпретированные. Как правило, к ним относятся случайные находки, предметы, полученные в результате грабительских раскопок местных «любителей древностей», либо вещи, обнаруженные в результате хозяйственной деятельности, проводимой без согласования с соответствующими инстанциями.

Никем не опубликованные вещи из различных археологических памятников Кемеровской области необходимо сделать доступными для ученых, студентов вузов, школьников и других граждан, интересующихся древней историей Кузбасса и Сибири в целом. Сделав доступными эти предметы «неизвестной археологии», можно, на наш взгляд, решить две важные задачи. Во-первых, их публикация существенно пополнит базу источников по древней истории региона. Во-вторых, доступность данных предметов будет способствовать популяризации археологической науки.

В заключение еще раз отметим, что сохранение историко-культурного наследия Кузбасса – сложная проблема, требующая последовательного решения поставленных выше задач. Ее решение возможно только при условии совместных усилий археологов, краеведов и музееведов области.

Литература

1. Каталог памятников истории и культуры Кемеровской области / отв. ред. А. М. Кулемзин. – Кемерово, 1996. – 186 с.
2. Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. – Вып. 1. – Кемерово: Кемер. книж. изд-во, 1989. – 158 с.
3. Памятники истории и культуры Кемеровской области / сост.: Кулемзин А. М., Кимеев В. М., Горелов Ю. П., Барабанов Ю. В. – Кемерово, 1987.
4. Терехин С. А. Археологические памятники и государственный земельный кадастр // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 507–509.

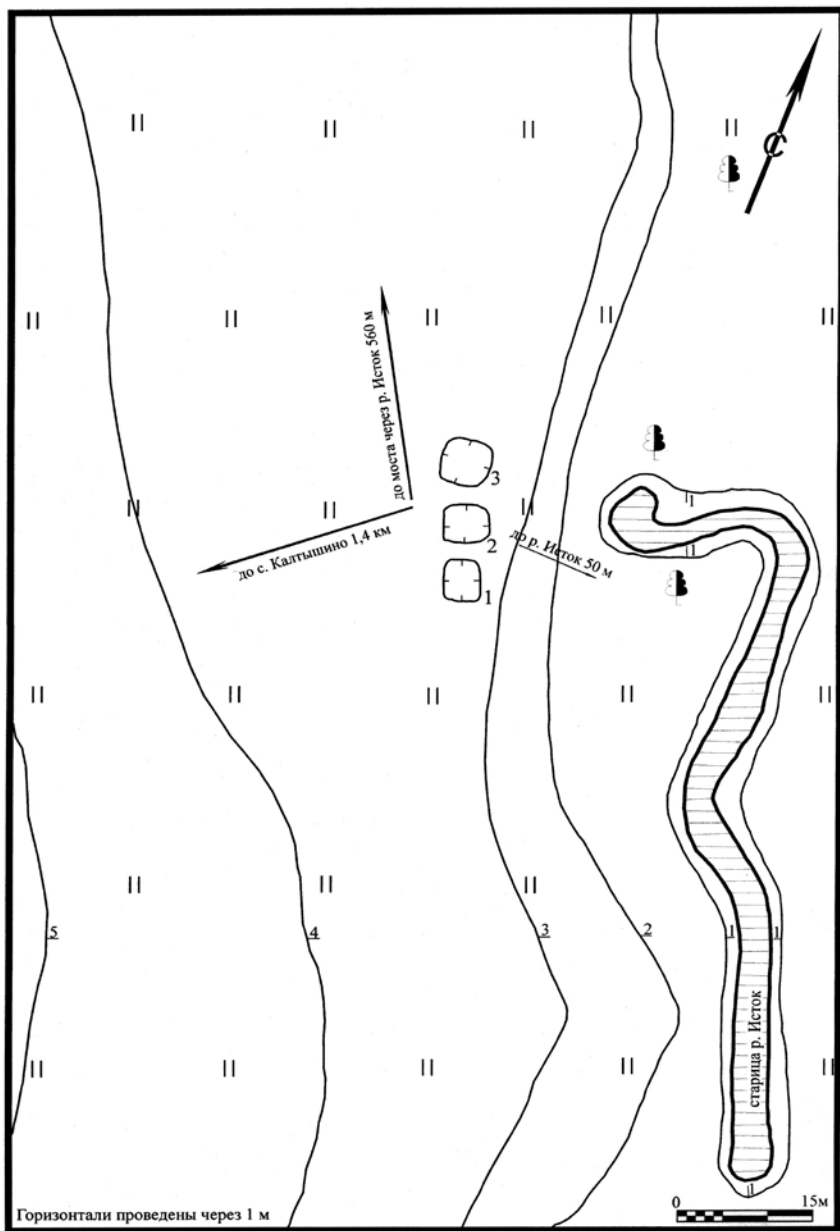

Рисунок 1. Топографический план поселения Калтышино-6.

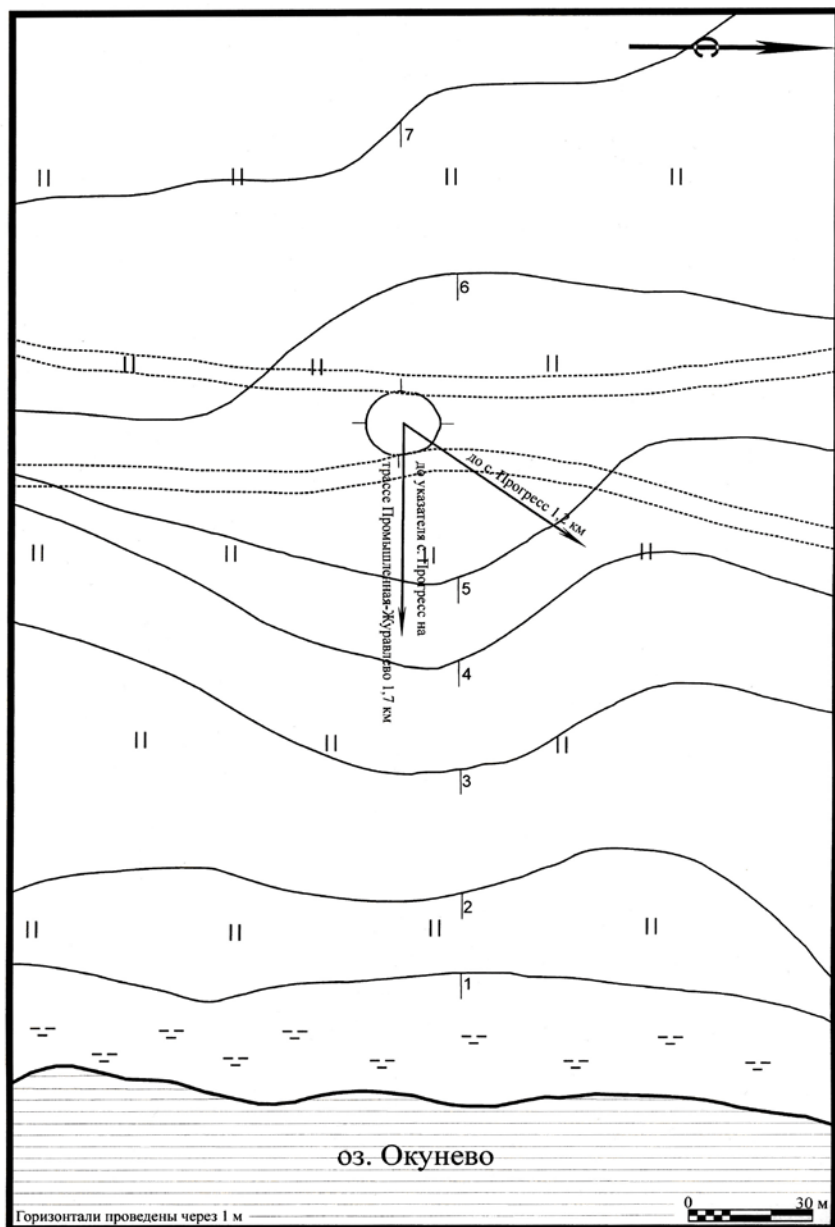

Рисунок 2. Топографический план кургана Прогресс.

IV. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Н. К. Харчевникова

МЕЛКОЕ И КУСТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КУЗБАССА: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕЕ

В многоукладной экономике России 1917–1925 гг. мелкая и кустарная промышленность занимала видное место. Она была представлена крестьянскими промыслами, предприятиями мелких владельцев, на которых использовался труд наемных рабочих, при наличии механических двигателей, кустарным производством, основанным на личном труде ремесленников.

В Сибири, в том числе и в Кузбассе, промыслы были известны давно. С проведением Транссиба появилось много переселенцев, которые положили начало специализации ремесла. В большинстве случаев продукция кустарной промышленности сбывалась в пределах своей волости и редко выходила на губернский или общесибирский рынок. Наиболее развитыми промысловыми губерниями были Томская и Тобольская.

В 1917 г. в Томской губернии было шесть уездов: Томский, Мариинский, Кузнецкий, Щегловский, Новониколаевский и Каинский. В них насчитывалось 231 волость и 4080 деревень. Сельское население составляло 85 % всего населения губернии: на 100 сельских жителей приходилось 48 мужчин и 52 женщины.

Главным занятием значительного большинства населения губернии являлось сельское хозяйство. В отдельных районах, таких как северная тайга, Нарымский край, Причудлымье, горные местности Кузнецкого, а частью Щегловского и Мариинского уездов, где земледелие затруднялось климатическими и почвенными условиями, различные промыслы играли значительную, а у инородцев даже главную роль в хозяйстве.

Относительно наибольшего распространения промыслы достигали в Нарымском крае. В 1917 г. ими было занято 731 хозяйство (95,8 % всех хозяйств), в Мариинском уезде – 8320 хозяйств (33,6 %), в Кузнецком – 6333 хозяйства (26,5 %), Томском – 10759 хозяйств (19,1 %) [7]. Важную роль в развитии промыслов играл Губернский кустарный комитет, организованный в 1911 г. Он создавал учебно-показательные мастерские, превратившиеся в опорные мастерские мелкой и кустарной промышленности при советской власти.

Гражданская война привела к гибели людей, падению всех видов кустарного производства и даже исчезновению многих промыслов. Так, по всей губернии сохранились в незначительном размере следующие промыслы: шорное, кожевенное, корзиночное, столярное, кирпичное, плетение сетей. Лучше сохранились благодаря наличию сырья и простых орудий труда промыслы по обработке дерева и волокна, смолодегтярный, кузнечный и др.

За время с сентября 1920 г. по 1 марта 1921 г. было зарегистрировано всего кустарей: Томский уезд – 2560 человек; Мариинский уезд – 1620 человек; Щегловский уезд – 1157 человек; Кузнецкий уезд – 980 человек. Таким образом, число кустарей сократилось на 31,8 % по сравнению с 1917 г. Удалось выжить некоторым артелям. Продолжили работу деревообделочные артели: в Щегловском уезде – 3, в Боянской волости – 2, в Караканской волости – 4, в Карачумышской волости – 2, в Салаирской волости – 1, в Вочановской волости – 1. Оказался жизнеспособным смолокуренно-дегтярный промысел, которым были заняты Змеинская и Банновская артели Крапивинской волости, 3 артели – в Боянской волости, 2 артели в Карачумышской волости. Не было закрыто гончарное производство в с. Гавриловском Салаирской волости и в деревне Междугорской Крапивинской волости. Сохранилось мукомольное производство в с. Верх-Чебула. Шерстобитно-самокатная артель обеспечивала население валенками Салаирской и Уватковской волостей. В некоторых селах советской властью были созданы опорные мастерские кустарного производства. Они активно работали в Крапивине, Борисове, Кольчугине, Боготе, Караполе, Морозовой, объединив вокруг себя кустарей [2].

После окончания Гражданской войны на возрождение кустарных промыслов возлагали большие надежды: они должны были обеспечить местные рынки товарами первой необходимости и сельскохозяйственным инвентарем. Кроме того, важная роль кустарных промыслов заключалась в том, что они давали заработок части населения (до войны он составлял от 60 до 150 рублей в год, а от сельского хозяйства – 300 рублей). Таким образом, доход от промыслов составлял около или половину заработка. Кустарные промыслы обеспечивали работой определенную часть населения и тем самым являлись средством борьбы с безработицей в деревне. Условиями развития мелкого кустарного производства являлись закрытие целого ряда крупных предприятий из-за отсутствия сырья, топлива, разрыва транспортных связей между отдельными районами страны, быстрый оборот капиталов, несложное оборудование промыслов.

Советская власть и партия не могли не учитывать роль и значение мелкой и кустарной промышленности и намечали меры к ее социалистическому преобразованию через кооперацию.

Основополагающим документом в этом деле было решение, зафиксированное во второй Программе партии VIII съездом. В нем отмечалась необходимость поддержки кустарей и их объединений путем дачи государственных заказов, обеспечения сырьем и топливом, финансовой поддержки, поощрения создания производственных кооперативов. Исходя из этого, Советом Народных Комиссаров было принято три законодательных акта: от 25 апреля 1919 г. «О помощи кустарям», от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности», от 29 ноября 1920 г. «О национализации предприятий мелкой промышленности».

В этих документах дается определение понятий. Под кустарной промышленностью подразумевались кустарные трудовые артели или предприятия отдельных кустарей, обслуживаемые их трудом; мелкая промышленность – это предприятия, имеющие не свыше пяти наемных рабочих с двигателем или десяти без двигателя.

В декрете СНК от 7 сентября 1920 г. все предприятия кустарной и мелкой промышленности делились на 3 группы. В первую входили кустари-владельцы предприятий мелкой и ремесленной промышленности, работающие единолично или в составе семьи без применения в своем производстве наемного труда, и кооперативные объединения означенных одиночек с их семьями. Эти предприятия относились к кустарной промышленности, находились в ведении Главкустарпрома (созданного в мае 1920 г.) и не подлежали ни национализации, ни муниципализации, ни конфискации, иначе как в особо исключительных случаях и по специальному постановлению Президиума ВСНХ. Они должны были сдавать свою продукцию государству, часть ее продавать на рынке.

Во вторую группу включались мелкопромышленные предприятия, использовавшие наемный труд в производстве: не более 5 человек рабочих при наличии двигателя и не более 10 – при отсутствии его.

Для своей деятельности они должны были иметь специальные разрешения органов государственной власти. Без таких разрешений они могли быть закрыты или национализированы, муниципализированы или конфискованы. Продажа своей продукции на рынке воспрещалась.

Третью категорию составили ненационализированные предприятия, пользующиеся наемным трудом в большем размере (более 5 рабочих при двигателе и 10 либо свыше – без него). Производственная деятельность этих предприятий регулировалась главками и центрами ВСНХ; они подчинялись в смысле национализации и ликвидации тем же правилам, что и предприятия второй категории.

Переход к новой экономической политике приостановил процесс национализации кустарных промыслов и мелкой промышленности, но способствовал их кооперированию.

В конце 1920 г. был создан Сибкустпром, с декабря 1921 г. – Сибартельсоюз. С этого времени в Сибири пошел более быстрыми темпами процесс образования союзов. В октябре 1921 г. был создан Томский промсоюз кустарных артелей с районом действия в Томской губернии и Мариинский союз кустарных артелей Мариинского, Боготольского и части Щегловского уездов, экономически тяготевших к Мариинскому уезду. В состав двух промсоюзов вошло 322 артели, из которых 181 являлась сельской [8].

В апреле-мае 1922 г. в Москве проходил Всероссийский съезд промкооперации, на котором присутствовало 14 делегатов от сибирских промсоюзов, в том числе: Сибартельсоюза – Кожухов И. С., Сергеев О. М. [10], Томского артельсоюза – Мартынов Б. Н., Резников Ю. Н., Мариинского кустпрома – Феоктистов В. В., Кузнецкого кооператива – Александровский А. И., Нильчесский В. А.

Съезд принял решение о всемерной организационной и финансовой поддержке промкооперации, создании Промбанка, изыскании заказов, материалов и оборудования, организации сбыта изделий кустарной промышленности. Было решено создать Всекопромсоюз, что позволило бы отказаться от смешанных «интегральных» артелей, объединивших кредитные, потребительские, сельхоз- и промысловые кооперативы.

В Сибири шел процесс совершенствования органов управления промкоопераций, но не всегда успешно. В сентябре 1923 г. Сибартельсоюз был ликвидирован и создана Сибконтора. Главными задачами Сибконторы являлось создание и объединение сети промкооперативов, организация и обслуживание кустарных промыслов и развитие закупочно-сбытовых операций. Особое внимание Сибконтора придавала работе по кооперированию сельских кустарей, изучению деревенского рынка, как в области сбыта, так и в области сырья. Предполагалось создание мастерских в ведущих промыслах.

Несмотря на улучшение работы в целом, Сибконтора не смогла справиться с поставленными задачами и была ликвидирована в ноябре 1925 г. Поэтому в начале 1926 г. Сибкрайисполком принял решение о создании при Крайсовнархозе и окружных отделах местного хозяйства кустарно-промысловых секций. При Сибкрайкоме партии и окружкомах были организованы межкоопсоветы, куда входили представители профсоюзов, но это не улучшило работу по руководству промкоопераций. И лишь создание 1 октября 1928 г. Сибирского краевого союза промысловой ко-

операции (Сибпромсоюза) знаменовало собой качественно новый этап в развитии кооперации. С этого времени в Сибири появился постоянно действующий и активно работающий центр промысловой кооперации. Сибпромсоюз объединил 14 кустарно-промысловых союзов, куда входило 690 артелей с 70750 кустарями, в том числе Кузнецкий промсоюз с 1545 кустарями [3]. В 1928 г. было кооперировано 16,6 % всех промысловиков.

В Кузнецком округе был довольно высок процент кооперированных и составлял 27,1 % всех кустарей и ремесленников, уступая лишь Иркутскому (40,2 %) и Барнаульскому (29,2 %). При этом Кузнецкий союз объединял около половины (48,3 %) деревенских кустарей [11]. Артели старались улучшить условия труда своих членов. Сокращался рабочий день, повышался заработок, облегчалась заготовка сырья и сбыт готовой продукции. Сибпромсоюз активно помогал окружным союзам в получении кредита.

В период форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства все усилия в области мелкой и кустарной, ремесленной промышленности были направлены на ограничение роста капиталистических тенденций, присущих мелкотоварному производству. Кустарные промыслы, мелкое производство рассматривались как отживающий рудимент, как признак неразвитости производительных сил и производственных отношений. Промысловые кооперативы и кустари – единоличники были ликвидированы в конце 1950-х гг. Курс на коммунистическое строительство привел к насильственной ликвидации жизнеспособных артелей и закрытию промыслов. В результате на селе была разрушена микроструктура обеспечения населения изделиями широкого потребления и несложного сельхозинвентаря. Возник дефицит товаров.

В начале 90-х годов Россия вступила в рыночную экономику. Было разрешено предпринимательство, как и в 20-е годы. Мелкое кустарное производство в Советской России и малое предпринимательство на современном этапе схожи (хотя и отличаются производственными характеристиками). Во многих странах они играют определяющую роль в экономике. В странах Европейского союза в конце 2001 года насчитывалось более 16 млн малых предприятий, в которых работало более 100 млн человек. Совокупный оборот мелких предприятий составлял 11 млрд ЭКЮ. Половина мелких предпринимателей имеет одного работающего хозяина, около 43 % предпринимателей имеют не более 10 человек [6]. Таков состав работающих был характерен и для мелкой и кустарной промышленности СССР.

Малые предприятия не имеют четко определенных границ. Это, как правило, небольшое предприятие, в котором функции контроля за текущими делами осуществляет физическое лицо.

В экономической статистике нашей страны размерность предприятий принято определять тремя основными признаками: численностью производственного персонала, объемом валовой продукции и величиной основных производственных фондов или оборота капитала.

Согласно Закону РФ № 88-ФЗ от 14 июня 1995 года «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» установлено, что предельный уровень численности персонала по отраслям составляет:

- в промышленности, строительстве, на транспорте – 100 человек; в науке и научном обслуживании – 100 человек; в сельском хозяйстве – 60 человек;

- в оптовой торговле – 50 человек; в розничной торговле и в осуществлении других видов деятельности – 50 человек [1].

Таким образом, максимальное количество работающих незначительно, но выше, чем в 20-е годы. В Кузбассе придают большое значение возрождению малого предпринимательства: это и занятость населения, обслуживание населения, из сферы которого уходит государство, и расширение инициативы людей, претворение их профессиональных и творческих возможностей.

В 1996 году в городе Кемерово был учрежден Муниципальный некоммерческий Фонд поддержки малого предпринимательства (МНФПМП). Работа фонда направлена на поддержку всех форм предпринимательской активности, на стимулирование развития инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, на формирование финансово-кредитных и инвестиционных механизмов, на создание благоприятной среды. По итогам 2001 года, на 1000 жителей Кузбасса приходилось четыре постоянно действующих малых предприятия (по городу Кемерово – 7). На конец 2001 года общее число предприятий составило 3671 единицу. Основная часть была сосредоточена в торговле и общественном питании (43,5 %), строительстве (13,5 %), промышленности (10,3 %) [9]. Примерно такая же тенденция сохранилась и на 2005 год. Из 14325 предприятий на торговлю и общественное питание приходилось 42,5 %, строительство – 15,7 %, промышленность – 13,2 % предприятий, здравоохранение – 21 %, культуру и искусство – 0,6 % [4]. Процесс развития промыслов по городам и районам Кузбасса демонстрирует их наиболее высокий рост в крупных городах: Кемерово, Новокузнецке и их районах [5].

Число малых предприятий (на 1 января)

Территория	2003		2004		2005	
	еди- ниц	в % к ито- гу	еди- ниц	в % к ито- гу	еди- ниц	в % к ито- гу
Область – всего:	12976	100	13509	100	13934	100
Города:						
Анжеро-Судженск	-	-	137	1,0	102	0,7
Белово	-	-	588	4,4	540	3,9
Березовский	95	0,7	125	1,0	75	0,5
Гурьевск (включая Салаир)	71	0,6	551	4,3	77	0,5
Калтан	57	0,4	43	0,3	28	0,2
Кемерово	5148	39,7	5277	39,1	5837	41,9
Киселевск	298	2,3	297	2,2	274	2,0
Ленинск-Кузнецкий	295	2,3	302	2,2	303	2,2
Мариинск и Мариинский район	52	0,4	49	0,4	38	0,3
Междуреченск и Междуреченский район	426	3,3	441	3,3	400	2,9
Мыски	108	0,8	98	0,7	60	0,4
Новокузнецк	3709	28,6	3811	28,2	4020	28,8
Осинники	142	1,1	131	1,0	94	0,7
Полысаево	66	0,5	67	0,5	59	0,4
Прокопьевск	560	4,3	645	4,8	669	4,8
Тайга	6	0,05	9	0,1	14	0,1
Таштагол и Таштагольский район	69	0,5	72	0,5	84	0,6
Топки и Топкинский район	102	0,8	126	0,9	102	0,7

Территория	2003		2004		2005	
	еди- ниц	в % к ито- гу	еди- ниц	в % к ито- гу	еди- ниц	в % к ито- гу
Юрга	256	2,0	248	1,8	248	1,8
Районы:						
Беловский	84	0,6	57	0,4	60	0,4
Гурьевский	32	0,2	24	0,2	24	0,2
Ижморский	29	0,2	28	0,2	23	0,2
Кемеровский	165	1,3	266	2,0	162	1,2
Крапивинский	40	0,3	37	0,3	36	0,3
Ленинск-Кузнецкий	38	0,3	46	0,3	31	0,2
Новокузнецкий	212	1,6	298	2,2	346	2,5
Прокопьевский	57	0,4	66	0,5	70	0,5
Прмышленновский	44	0,3	45	0,3	54	0,4
Тисульский	49	0,4	47	0,3	32	0,2
Тяжинский	24	0,2	20	0,1	23	0,2
Чебулинский	11	0,1	10	0,1	3	0,02
Юргинский	10	0,1	11	0,1	15	0,1
Яйский	25	0,2	23	0,2	19	0,1
Яшкинский	20	0,2	15	0,1	12	0,1

Идет рост малых предприятий в таких городах, как Прокопьевск, Белово, Междуреченск. Но есть и обратная тенденция – сокращение, как, например, в Анжеро-Судженске, Калтане, Киселевске, Мысках. В таких городах, как Тайга, Мыски, Мариинск, малое предпринимательство находится в зачаточном состоянии.

Есть ли будущее у малого предпринимательства? Несомненно, есть. Исходя из опыта европейских государств и прошлого нашего региона промысловость населения будет вырастать в самых разных отраслях. Такой

рост наметился в области культуры. Этому способствовало имеющееся в Кемерове художественное училище. В сентябре 2002 года по инициативе губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева открылось училище народных промыслов, в котором осваивают профессию изготовителей художественных изделий из дерева, керамики, художественной росписи по металлу, учатся моделировать и шить одежду и другое. В училище бережно сохраняют традиции развития народных ремесел и промыслов. В 2005 году создана кафедра декоративно-прикладного искусства в университете культуры и искусств. Эти учебные заведения стали центром подготовки кадров, повышения квалификации.

Одним из распространенных промыслов в Кузбассе стало производство из бересты. Большим спросом пользуются разного рода берестяные поделки Ю. Михайлова из Мариинска, В. Хохалина из Кемерова. Ю. Михайлов создал музей бересты в городе Мариинске, что способствовало популярности берестяных изделий у населения.

В 2006 году в Пекине проводилась выставка народного искусства под рубрикой «Русская деревня». Свои работы предоставили сто российских мастеров. В их числе были гончары, ткачи, ложечники и другие. Были приглашены и берестянщики из Кузбасса – Ю. Михайлов и О. Комаров.

Внесли свой вклад в развитие художественных промыслов члены объединения «Творчество» г. Новокузнецка, созданного в 1992 году под руководством М. Бендес. Они занимаются росписью матрешек, оригинальных игрушек, сувениров и т. п. В основе росписи – «русский стиль», глубокое понимание жизни и стиля предков. В 2004 году мастера «Творчества» награждены дипломами Фонда народных промыслов России, а в феврале 2007 года участвовали в Московской выставке музея матрешки. Художественные промыслы в современных условиях получили новый импульс для своего развития. В свою орбиту они вовлекают все больше молодых профессионально обученных людей.

Промыслы 20-х годов возродились на современном этапе в малом предпринимательстве. Малые предприятия создаются сегодня на более высоком профессиональном уровне, в таких отраслях, которые были неизвестны советской экономике, как, например, информационно-вычислительное обслуживание. Но главное их назначение – заполнить нишу в производстве, обслуживании и т. п., где трудно развернуться крупному производству, открыть новые рабочие места, удовлетворить спрос населения на самые разные виды обслуживания, способствовать развитию промышленности, транспорта, сохранить традиционную культуру, производственные навыки и т. п.

Литература

1. Блинов А. Малое предпринимательство. – М., 1997. – С. 40.
2. ГАНУ, Ф. Р. – 1, оп. 1,9. 431 а, л. 72.
3. ГАНУ, Ф. Р. – 22, оп. 2, д. 658, л. 20, д. 661, л. 61.
4. Города и районы Кузбасса: сб. ст. – Кемерово, 2005. – С. 26–27.
5. Там же. – С. 81.
6. Коноплев В. А., Павловский А. С. Императивы формирования муниципальной системы поддержки малого предпринимательства // Финансово-экономическая самодостаточность регионов. – Кемерово, 2003. – С. 144.
7. Николаев В. Кустарная промышленность Сибири // Красная Сибирь. – 1921. – № 1–3. – С. 12.
8. Советская Сибирь. – 1920. – 27 января.
9. Статистический ежегодник. – Кемерово, 2004. – Ч. 2. – С. 26.
10. ЦГА РСФСР, Ф. 5449, оп. 1, д. 6, л. 24
11. ЦГА РСФСР, Ф. 2449, оп. 1, д. 954, л. 141–143.

В. В. Поддубиков

ШОРЦЫ: КУЛЬТУРА ЭКСТЕНСИВНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–XX в.)

В исторической ретроспективе за последние полтора столетия отчетливо видно стремление Российского государства к инкорпорации автохтонных этносов Сибири в структуру общегосударственных социально-экономических и культурных связей. Реализация этой задачи осуществлялась в рамках проводимого здесь курса национальной политики, направленного на унификацию традиционных систем жизнеобеспечения и потестарных структур сибирских народов, которые целенаправленно приближались к формам, наиболее типичным для основной части населения страны.

Изначально это объяснялось рядом объективных причин. Во-первых, стремлением к расширению территории государства в юго-восточном направлении, исходя из чисто стратегических соображений (это обстоятельство для российской внешней политики актуальным стало уже с XVIII в. на фоне достаточно сложных отношений с сопредельными странами (такими, как, к примеру, Китай)). А во-вторых, необходимостью как можно большего увеличения численности объясаченного населения за счет вновь присоединяемых национальных районов. Последнее обстоятельство напрямую было предопределено традиционно высокой

значимостью пушнины как одной из основополагающих статей экспорта России. Таким образом, уже на стадии формирования в пределах Сибири курса государственной национальной политики он оказывался достаточно тесно связанным с традиционной культурой экстенсивного природопользования коренного населения и непосредственно затрагивал процессы охотничье-промыслового освоения этнических территорий. Горная Шория в этом смысле отнюдь не стала исключением. Она попала под ряд предпринятых управленческими структурами мер, оказавших существенное воздействие на традиционный хозяйственный комплекс шорцев.

Специализированный промысловый район, включающий территорию Горной Шории, сформировался во второй половине XIX в., когда в рамках традиционного хозяйства проживающего здесь населения помимо охоты мясного направления стали стабильно практиковаться заготовки товарно-ориентированной пушной и орехопромысловой продукции. Этот процесс был напрямую спровоцирован позицией государства в вопросах развития социально-экономической инфраструктуры района. Сопровождался он глубокими трансформациями всей системы жизнеобеспечения автохтонного этноса, распадом натурального хозяйства шорцев и, как следствие – реорганизациями существовавших на тот момент поземельных связей.

Важнейшими причинами усиления промысловой составляющей в хозяйственном комплексе шорцев стали влияние русского торгового капитала, достаточно существенное на протяжении всей второй половины XIX в., а также специфика предпринятых в начале XX в. действий по упорядочению землепользования и землеустройству «инородцев» Алтайского горного округа [4, с. 198]. Особо здесь стоит отметить также переселенческую политику правительства Российской империи, приведшую к усилению в начале прошлого столетия культурных и хозяйственных контактов автохтонного и русского этносов. Эти обстоятельства, несомненно, способствовали включению территорий компактного проживания шорцев в структуру региональных (а в ряде случаев и межрегиональных) торговых связей, способствуя тем самым повышению товарной значимости добываемой населением пушнины и кедрового ореха. Резко при этом усилилась и роль соответствующих промыслов, которые далее стали развиваться на коммерческой основе, чего отнюдь не наблюдалось в исторически сложившейся культуре жизнеобеспечения шорцев. В этих условиях нежизнеспособными оказались и исконные формы социальной организации. Родовые отношения стали выходить за пределы культуры экстенсивного природопользования, а сам род утратил былое значение, уступив место институту семьи.

Систематическое взимание с автохтонного населения ясака и усиление товарной значимости промысловой продукции спровоцировали также наметившееся в начале XX в. обострение поземельных конфликтов в зоне традиционного природопользования шорцев. В исследовательской литературе зафиксирован ряд конфликтных на тот момент зон. Одна из них была локализована в окрестностях г. Мустаг (соболиные угодья) и оспаривалась жителями близлежащих улусов. Верховья р. Абакан попадали в зону межрегионального поземельного конфликта между шорцами, с одной стороны, и челканцами – с другой. Часть конфликтных промысловых территорий, сформировавшихся еще в XIX столетии, сохраняется и в настоящее время.

Ситуация еще более усугублялась по мере роста населения Горной Шории за счет русских переселенцев (к. XIX – нач. XX в.), а впоследствии и контингента промышленного пролетариата для строящихся здесь горнодобывающих предприятий (20-е гг. XX в.). Увеличение плотности населения неизбежно оказывало воздействие на повседневную хозяйственную деятельность аборигенов. Власти регистрировали учащающиеся факты прямого вытеснения шорцев из зон традиционного проживания и межнациональные конфликты, возникавшие на бытовой почве. Так, в Чилису-Анзасском сельсовете в течение только 1931 г. в связи с переселением русскоязычного населения шорцы оставили улусы Шурчак, Онзас, Большой Пвижок. Сократилось число семей, проживающих в улусе Чилису, отмечались перекочевки шорского населения в глубь черневой тайги и факты насилия (грабежи), допускаемые «русским элементом» [3]. Охота и скупка пушнины, реализация спиртного в шорских улусах рассматривались значительной частью переселенцев как исключительно рентабельные формы деятельности. Все это объективно приводило к тому, что шорцы столкнулись и с практикой хищнического освоения своих традиционных промысловых угодий русскими промысловиками и достаточно жесткой конкуренцией, в которой они заведомо проигрывали. У исполкома Горно-Шорского района не было возможности для проведения широкомасштабного землеустройства коренного населения, а следовательно, и создания правовой основы регуляции поземельных конфликтов. Землеустроителей не хватало, их регулярно привлекали извне. В силу этого землеустройству подвергалось в первую очередь население переселенческих русских поселков и организуемых в течение 1927–1928 гг. колхозов.

Увеличивающаяся антропогенная нагрузка на ландшафты способствовала и ухудшению качества традиционно опромышляемых автохтонным населением угодий, резкому сокращению численности главных охотпромысловых видов. Данное обстоятельство определяло необходи-

мость организации жесткого природоохранного режима на значительных площадях и, прежде всего, формирования сети заказников. Несмотря на то что в сопредельных регионах практика выделения особо охраняемых территорий с целью сохранения биоразнообразия эталонных ландшафтов имела место еще в дореволюционный период, в Горной Шории они стали возникать только в середине 20-х гг. XX в. Первыми из них были образованы *Кабырзинский* (бассейн р. Кабырза, 45000 га), *Среднетомский* (левобережье р. Томи от улуса Гульджанова до зимовья Бальксу, 124700 га), *Бельсинский* (по р. Бельсу, 16400).

Главные цели организации заказников были сформулированы в обязательном постановлении № 13 Кузнецкого окружного исполнительного комитета г. Щегловска от 20 июня 1929. Согласно этому документу, охотничьи заказники создавались «...в целях поднятия производительности охотугодий, общего упорядочивания производства охоты и охраны зверей и птиц от истребления» [2]. Любые формы охоты на территории, выделяемой под заказники, были запрещены. Однако, по свидетельству очевидцев, население района этого запрета не придерживалось, продолжая бесконтрольно опромышлять район. Интерес представляет тот факт, что функцию распределения промысловых участков на оставшейся территории стали брать на себя не лесная охрана, а интегралсоюзы, закрепляющие промысловые участки как за традиционными, так и вновь организованными артелями. Эта практика, отчасти консервирующая традиционное закрепление отдельных промысловых участков за семьями, сохранялась, хотя и в трансформированной форме, и в «колхозный период».

Организация заказников привела к целому ряду последствий. С одной стороны, она объективно приводила к росту популяций пушного зверя не только в особо охраняемых зонах, но и на и промысловой территории в целом. Можно с уверенностью сказать, что без проведения этих природоохранных мер популяция соболя исчезла бы со всеми вытекающими последствиями. С другой стороны, выведение из хозяйственного оборота достаточно обширных пространств привело к тому, что в пределах Горной Шории традиционная система посемейного и поулусного распределения угодий, подорванная землеустройством 1912–1913 гг., на значительной части территории была окончательно разрушена. Промысел стал проводиться в местах, наиболее богатых пушиной, зачастую за пределами Горно-Шорского района (р. Терсь, Уса, Малый и Большой Абакан, Таштып, Лебедь, Салаирский кряж, Минусинский округ, Нарым, Тува). В результате особенно продуктивные охотпромысловые угодья, постоянно опромышляемые значительной частью шорских семей, расположены на сегодняшний день на весьма значительном расстоянии от

мест проживания большинства шорских охотников. Выделение в 1943 г. Кемеровской области из состава Новосибирской привело к тому, что этот район оказался за ее пределами и стал опромываться исключительно на нелегитимной основе.

К организации охотничьих заказников отнюдь не сводится перечень управленческих решений региональных органов власти, принятых во второй половине 20-х гг. XX в. и, так или иначе, воздействовавших на практиковавшиеся сельским населением Горной Шории системы экстенсивного природопользования. Среди прочих, не менее значимых в этом отношении мер необходимо также отметить прошедшие серьезную проработку на межведомственном уровне программы освоения недр юга Кузбасса, предполагавшие, в частности, строительство крупного металлургического комбината на р. Тельбес, а также развитие золотодобывающей промышленности, преимущественно в форме организации сети драг по руслам горных рек.

Определявшим главные направления стратегии региональной политики в части освоения ресурсного потенциала и социально-экономического развития Горно-Шорского района вполне может считаться первый из этих проектов. Именно в его рамках проходил подготовку достаточно обширный комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных не только на сооружение собственно производственного центра, но и на организацию достаточно развитой инфраструктуры, включающей транспортные коммуникации, жилищный фонд для персонала, сопутствующие (подсобные) производства и т. д. Широкомасштабный характер проекта, безусловно, определял значительную степень воздействия запланированных мер на этносоциальную ситуацию в районе в целом и образ жизни автохтонного этноса в частности. Так, потребности комбината в людских ресурсах, прежде всего в квалифицированной рабочей силе, не могли быть удовлетворены за счет привлечения исключительно местного населения. Это обстоятельство обуславливало необходимость организации планомерной колонизации прилегающих территорий посредством переселения сюда рабочих из сопредельных регионов.

В связи с этим неминуемо вставали задачи образования в непосредственной близости от промышленных объектов сети рабочих поселков и предварительного разрешения вопроса о землеустройстве шорских улусов, попадающих в зону отчуждения комбината и лишенных, таким образом, возможности и далее беспрепятственно практиковать традиционное хозяйство.

В целях обеспечения древесиной ряда заложенных участков по строительству производственных и подсобных помещений, а также жи-

лищного фонда комбината необходимо было организовать лесозаготовки на обширных площадях, что требовало существенных усилий и в части организации эффективных лесохозяйственных, а также природоохранных мероприятий. Кроме того, в условиях, когда наиболее продуктивные лесные массивы располагались на значительном расстоянии от объектов строительства, преимущественно в юго-восточной части Шории, осложнялся и весь комплекс проблем, связанных транспортировкой леса. Эта задача, при практически полном отсутствии путей сообщения и наличии труднопроходимых горно-таежных ландшафтов, становилась возможной лишь посредством сплава древесины по р. Мрассу. В свою очередь горный характер реки, имеющей в среднем и нижнем течении ряд порогов, ставил задачи их ликвидации, что не могло не сказаться на состоянии целого ряда важных параметров экосистем природно-территориальных комплексов, оказавшихся в непосредственной близости от предполагаемых мест размещения участков взрывных работ и последующего лесосплава.

Так, к примеру, в результате расчистки русла существенно и на весьма длительный срок сократилась численность значимых для населения промысловых видов ихтиофауны практически по всему течению реки, включая и ряд важных для шорцев мест рыбной ловли. А высокая шумность технологического процесса расчистки горной по характеру реки представляет собой весьма значительный фактор беспокойства, губительно сказавшийся на состоянии популяций пушных видов в радиусе не менее 50 км от мест взрывов.

Вся совокупность приведенных здесь плановых мероприятий, связанных с постройкой Тельбесского комбината, как видно, изначально представляла собой достаточно широкий круг потенциальных факторов, способных существенно повлиять на практиковавшиеся шорским населением экстенсивные формы природопользования и, прежде всего, в отношении обеспеченности необходимыми ресурсами промыслового хозяйства отдельных семей. Данное обстоятельство принималось во внимание управленческими структурами, благодаря чему стадии реализации проекта предшествовал этап детального изучения экономической, этносоциальной и экологической ситуации в районе.

Однако экспертные комиссии, организованные по инициативе региональной исполнительной власти, как правило, не видели отчетливых перспектив регресса традиционного шорского хозяйства, который мог бы быть обусловлен нежелательным для автохтонного населения влиянием процессов индустриального освоения района. Большинство дошедших до наших дней служебных записок, посвященных проблемам соотноше-

ния этнических интересов, с одной стороны, и задач промышленного развития Горной Шории – с другой, либо указывали на отсутствие реальной угрозы для экстенсивного природопользования шорцев от создающихся здесь промышленных объектов, либо предлагали варианты (подчас весьма кардинальные) урегулирования ситуации. Так, руководством Томской переселенческой колонизационной партии во избежание возникновения межэтнической напряженности в местах предполагаемого контакта автохтонного населения и русских переселенцев предлагался проект планомерного переселения шорцев из северной части Горной Шории в отдаленные горно-таежные районы [3]. Отчасти эта идея была реализована уже в начале 30-х гг. XX века, когда значительная часть локальных автохтонных групп по собственной инициативе начала покидать районы промышленного освоения. Главная тому причина – резкое снижение качества традиционно осваиваемых шорцами промысловых угодий.

Под воздействием всех приведенных выше факторов, способствовавших коммерциализации традиционных промыслов автохтонного населения Горной Шории, с одной стороны, и увеличению нагрузки на осваиваемые ландшафты – с другой, практически перестали выдерживаться и традиционные (оптимальные) сроки охоты на промысловые виды, имеющие максимальную товарную значимость. В сознание автохтонного населения природоохранными организациями стали вводиться такие правовые категории, как «браконьерство», «незаконная» охота, «правовое закрепление промысловых участков». Следует отметить, что успех в этом отношении был минимальным. Общественное сознание оказалось исключительно устойчивым, и «браконьерство» стало повсеместно по Сибири достаточно широко распространенным явлением в течение всего XX в.

Складывающаяся в колхозный период (30–60-е гг. XX в.) практика регуляции промыслов означала очередной этап трансформации в культуре экстенсивного природопользования. Государством впервые в это время была предпринята попытка организовать систему прямой регуляции традиционных форм промыслово-заготовительной деятельности аборигенов. Автохтонное население должно было вступать в кооперативные объединения (в виде интегралсоюзов и обществ потребкооперации), на которые возлагались задачи организации промысла и территориального распоряжения промысловыми угодьями. Это серьезно затрудняло сохранение традиционных форм поземельных отношений на промысле и во многом способствовало переходу промысловой деятельности подавляющей части шорских семей в разряд нелегальных занятий. Подобного рода тенденции прослеживаются и статистически по периоду с 1928 г. по 1931 г.

Численность охотников из числа автохтонного населения, сориентированных на постоянное сотрудничество с государственными промыслово-заготовительными организациями, неуклонно сокращалась. Так, за четыре года официальное число охотников упало с 4100 до 3500 чел. Вполне очевидно, что по крайней мере 600 человек к 1931 г. пополнили ряды браконьеров, т. е. лиц, на нелегитимной основе осуществляющих охотничий промысел на территориях, находящихся в оперативном управлении кооперативных промысловых обществ. Объясняться это может только явным несоответствием установленного государством режима природопользования и культурных традиций коренного населения в области хозяйственного использования биологических ресурсов.

Также впервые в этот период были установлены планы ежегодных заготовок промысловой продукции и широкое распространение получила практика государственного кредитования промысловиков под будущую пушнину. Благодаря последнему обстоятельству значительная часть местных охотников оказалась изначально вовлечена в своего рода долговые обязательства и обязана была добывать строго определенное количество пушно-мехового сырья. Подобным образом здесь еще в дореволюционный период действовали частные торговые агенты (т. н. «таныши»), так что, будучи возведенной в ранг государственной политики, начиная с 20-х гг. XX в. эта практика уже была привычной для шорцев и, в целом, себя вполне оправдывала.

Однако необходимо отметить, что образованные в Горной Шории заготовительные конторы и фактории скупали у местного населения лишь строго определенный перечень пушной продукции. Это, в свою очередь, напрямую сказывалось на изменениях в видовом составе добычи. Он оказывался в тесной зависимости от спускаемых вышестоящими инстанциями планов заготовок. Ясно, что государство всегда заинтересовано было в увеличении объемов добычи наиболее дорогостоящих видов пушной продукции, которые достаточно долгое время составляли важную часть российского экспорта. Молодое же Советское государство в 20–30-е гг. XX столетия особенно остро нуждалось в источниках пополнения казны. По этой причине промыслово-заготовительным организациям по всей стране вменялось в обязанность постоянно наращивать количество ежегодно заготавливаемых шкурок наиболее ценных (с коммерческой точки зрения) пушных видов.

Конкретно в Горной Шории эта политика уже во второй половине 20-х гг. привела к заметному истощению популяции соболя, после чего сразу последовал запрет на его промысел и переориентация автохтонного

населения на добычу других видов. Это никак не сказалось на снижении размеров ежегодных охотничье-промысловых доходов по району в целом. Они в период 1928–1931 гг. обнаруживали устойчивые тенденции роста. Однако достигалось это посредством расширенного опромышления уже совершенно иных промысловых видов. Так, начиная с 1928 г. и вплоть до 1931 г. в структуре промысловых заготовок пушнины, осуществлявшихся по линии как Госторга, так и потребительской кооперации, заметно стали доминировать белка и крот. Причем последний ранее никогда широко не добывался шорскими охотниками, благодаря чему они именно в данный период вынуждены были осваивать промысел зверька. К 1931 году объемы его добычи по Горно-Шорскому району достигали уже колоссального уровня – миллиона шкур в год [4, с. 179]. Причина тому очевидна. Резкое падение численности наиболее ценных пушных видов (в частности соболя) под угрозу ставило не только выполнение государственного плана добычи пушно-мехового сырья, но и перспективы экономического выживания автохтонного населения, которое реально столкнулось с необходимостью расширения перечня традиционных объектов промысловой охоты.

В конечном счете сама культура экстенсивного природопользования шорцев приняла стохастический характер, предполагающий постоянные изменения в видовом составе добычи в зависимости от двух обстоятельств: во-первых, от уровня спроса на те или иные виды пушнины на региональных рынках, а во-вторых, от состояния популяций опромышляемых охотничьих животных. Подобная же ситуация прослеживается и сегодня. Фактически охотничий промысел ведется здесь по принципу максимальной эксплуатации всех имеющихся охотничье-промысловых ресурсов, не взирая подчас даже на установленные государством запреты на добычу некоторых редких животных и без учета задач поддержания на достаточном уровне популяций опромышляемых видов.

Организация Кабырзинского коопзверпромхоза (КЗПХ), а с 1965 г. – Таштагольского кооппромхоза (ТКПХ) [5] означала новый этап в процессе установления государственного вмешательства в культуру экстенсивного этнического природопользования в южной части Кемеровской области. Наиболее характерной его чертой стало еще более широкое, чем на предшествующих этапах, участие органов региональной и местной власти в вопросах регуляции не только поземельных отношений в местах промысла, но и самого производственного процесса опромышления тайги. Выделение промысловых участков и количество людей, необходимое для освоения имеющихся ресурсов, теперь стало определяться в ходе

внутрихозяйственного устройства территории коопромхозов. При этом отдельные охотничьи и орехопромысловые угодья подлежали периодической инвентаризации и подлежали постоянному закреплению за штатным составом охотников. Последние традиционно рекрутировались, прежде всего, из числа местного автохтонного населения. Заработную плату они получали в соответствии с установленным руководством промхозов процентными ставками от сданной в течение промыслового сезона пушнины и иных видов продукции. Это обстоятельство предопределило сохраняющуюся вплоть до настоящего времени практику субарендных отношений.

Фактически, получив от государства официальное право на освоение промысловых угодий, штатные охотники постепенно взяли на себя дистрибутивные функции в части распределения территорий опромышления среди местного населения. Они, в частности, нередко предпочитают сдавать на различных условиях свои производственные промысловые участки посторонним лицам (часто состоящим с ними в родственных отношениях), своеобразную ренту взимая, как правило, в натуральной форме, готовой пушной продукцией, которая впоследствии сдается ими в зачет плановых заготовок (подобные случаи были нами зафиксированы в 2000 г. на территории Усть-Анзасской и Чилису-Анзасской национальных сельских администраций Таштагольского района Кемеровской области. См., к примеру, информатор Отургашев Г. В. – Поддубиков В. В., Полевой дневник, 2000 г., л. 47). В итоге попытки региональной власти установить контроль за системой поземельных связей автохтонного населения в Горной Шории не увенчались успехом. Официальный правовой статус осваиваемых шорцами промысловых территорий существенно не влияет на специфику давно здесь устоявшихся традиций распределения угодий среди отдельных локальных общин. В результате при практике приоритетного семейного использования подготовленных к промыслу участков стали формироваться доминирующие в настоящее время на уровне межпоселковых отношений территориальные связи. При этом последние на поверку оказываются достаточно близкими по своей организационной структуре к практиковавшимся шорцами формам поземельных отношений в рамках традиционной системы жизнеобеспечения, существовавшей в начале XX в., в период охарактеризованных выше процессов замещения родовых механизмов регуляции поземельных связей новыми, сугубо территориальными.

Таким образом, очевидно, что на протяжении последних полутора столетий, переживая серьезные трансформации, культура экстенсивного

природопользования шорцев лишь приспособливалась к динамично меняющейся региональной социально-экономической и политической конъюнктуре, в то время как сама по себе традиционная основа организации промыслово-хозяйственного комплекса оставалась без сколько-нибудь существенных изменений, принимая латентный характер в периоды ужесточения государственного контроля за этническим природопользованием и все отчетливее проявляясь при его ослаблении. В этой связи особенно показателен тот факт, что идея правового регулирования промыслов не стала широко распространенной среди автохтонного населения. В настоящее время именно это обстоятельство предоставляет широкое поле для повсеместно наблюдающихся процессов возврата к традиционным моделям экстенсивного природопользования.

Кроме того, ретроспективный анализ государственной регуляции экстенсивного этнического природопользования на юге Кемеровской области заставляет заключить, что ни на одном из охарактеризованных выше этапов проводившиеся региональной властью управленческие решения не исходили из соображений целенаправленной поддержки традиционной культуры автохтонного этноса. Прежде всего на повестке дня всегда стояли задачи реализации государственных интересов в области эксплуатации ресурсного потенциала этнической территории. Проблемы сохранения культурных традиций шорцев либо совершенно не принимались во внимание, либо решались в самую последнюю очередь. Именно этим обстоятельством и была спровоцирована характерная для настоящего времени ситуация, когда традиционно организованное промысловое хозяйство аборигенов осуществляется на нелегитимной основе и в значительной мере близко по форме к браконьерству.

Литература и примечания

1. Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы [Текст] / Институт угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2003.
2. ГАКО, ф. Р-64, оп. 2, д. 172. л. 13.
3. ГАКО. Р-22. оп. 1. д. 265. л. 59.
4. ГАКО Ф. Р-214, Оп. 1, Д. 27. л. 31.
5. Коопромхоз «Таштагольский» с центром в г. Таштагол Кемеровской области был образован в южной части Новокузнецкого района (территория современного Таштагольского района Кемеровской области) в 1968 г. на основании постановления Кемеровского облпотребсоюза № 6 от 21.02.1968 г. Протяженность его территории с севера на юг составляла около 140 км, с запада на восток 150 км, общая площадь – 11869 кв. км. Коопромхоз был создан после ликвидации колхозов в Горной Шории, осуществленной на основании решения Кемеровского облисполкома № 204 от 12.08.1961 г.

**ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ:
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
(на примере Шорского национального парка)¹**

Одной из задач национальной политики Российской Федерации является сохранение и развитие традиционной культуры коренных малочисленных народов. Однако, зачастую, собственно «культурная самобытность» малочисленных народов понимается управленческими кругами в достаточно узком смысле. Если руководствоваться терминами социальной антропологии², то объектом политики станут, как правило, *ментифакты* – язык, религия, фольклор, традиции, значительно реже *социофакты* – политическое устройство, система образования, структура семьи, и очень редко и далеко не везде – *артефакты* – тип производства, средства сообщения, жилье, система землепользования и природопользования. Современные процессы социально-культурной модернизации коренных малочисленных сообществ, а также состояние и характер их стратегий жизнеобеспечения в меняющихся социально-экономических условиях изучены явно недостаточно. Гораздо лучше исследована система хозяйства и социальной организации народов конца XIX в. Между тем, в современных условиях именно проблемы жизнеобеспечения этносов, основанного на исторически сложившихся формах природопользования, составляют наиболее важный объект управления и сохранения.

Для национальной политики России характерно то, что проблема традиционного природопользования решается косвенно, а не выступает одной из приоритетных задач. В настоящее время в России нет отдельной отрасли права, регулирующей вопросы традиционного природопользования. Сам термин «традиционное природопользование» в законодательной базе Российской Федерации относительно новый, так как появился лишь с середины 1990-х гг. и до настоящего момента не имеет четкой формулировки. Определение традиционному природопользованию дается в Федеральном законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»:

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в Российской части Алтае-Саянского экорегиона».

² Диссертация Поддубикова В. В. «Промысловый комплекс автохтонных этносов Кемеровской области: Экстенсивные формы этнического природопользования как объект региональной национальной политики». – Томск, 2004. – С. 331.

«Традиционное природопользование коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³.

Нормы, прямо или косвенно затрагивающие проблемы регуляции традиционного природопользования, содержатся в ряде законодательных актов: Федеральные законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»⁴, «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»⁵, Земельный кодекс⁶, Лесной кодекс⁷ и др. В результате большого количества нормативно-правовых актов возникают существенные противоречия в регулировании традиционного природопользования и землепользования, появляются взаимоисключающие нормы, нет четких формулировок, порядка действий и отсутствует четкий механизм развертывания территорий традиционного природопользования. Однако именно традиции хозяйствования, связанные с использованием определенного набора природных ресурсов и обеспечивающие выживание этноса в конкретных экологических условиях – и есть основа его культурной самобытности⁸.

Проблема традиционного природопользования и землепользования актуальна и для территории Кемеровской области, в частности для Горной Шории, где проживают представители коренного малочисленного народа – шорцы. Шорские семьи практикуют традиционные формы природопользования, такие как охота, ореховый промысел и рыболовство. Однако эти виды деятельности осложняются тем, что в Горной Шории находятся леса I и II категории, а также Шорский национальный природ-

---

³ Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» от 07.05.01 № 49-ФЗ // http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_24753.html

⁴ Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» от 30.04.1999 № 82-ФЗ // <http://www.oprave.ru/Law/Law15fz.html>

⁵ Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» от 07.05.01 № 49-ФЗ // http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_24753.html

⁶ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.01 № 136-ФЗ // http://www.akdi.ru/PRAVO/kodeks/text_zem.htm#g1

⁷ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // <http://www.rg.ru/2006/12/08/lesnoy-kodeks-dok.html>

⁸ Диссертация Поддубикова В. В. «Промысловый комплекс автохтонных этносов Кемеровской области: Экстенсивные формы этнического природопользования как объект региональной национальной политики». – Томск, 2004. – С. 172.

ный парк, особо охраняемая природная территория с определенной системой мер ограничений и запретов на посещение и использование данной территории.

Шорский национальный природный парк (ШНПП) был образован в 1989 г.⁹ в южной части Кемеровской области. В настоящее время его площадь составляет 413843 га¹⁰ и охватывает большую часть Горной Шории. При создании ШНПП не были учтены вопросы традиционного природопользования и землепользования, не были проведены этнологические экспертизы, что в дальнейшем способствовало возникновению этносоциальных проблем на территории Горной Шории.

В период 2000–2001 гг. группой этносоциальных экспертиз лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики ИУУ СО РАН – КемГУ были проведены исследования промыслового землепользования. Они в качестве главных задач предполагали анализ структуры размещения промысловых угодий¹¹. Исследования показали, что общая площадь реально осваиваемой шорцами промысловой зоны составляет около 5000 км². Причем территории, которые попадают в зону промыслового землепользования, коренным населением воспринимаются как этнические и распределяются на основе этнических традиций¹². Данное распределение совершенно не зависит от легитимных норм и механизмов регуляции поземельных отношений, а осуществляется на основе норм обычного права. Нужно отметить, что особо охраняемая природная зона Шорского национального природного парка, в том числе, рассматривается шорцами как этническая и входит в зону их хозяйственного освоения. В результате чего, широкое распространение в национальном парке получила практика, с юридической точки зрения, браконьерства, так как хозяйственная деятельность населения ведется на особо охраняемой территории. При этом шорцы себя браконьерами не считают.

Политика национальных парков в России, в основном, ориентирована на охрану природных ресурсов, расположенных на их территории, что породило большое количество запретов и ограничений для местного на-

---

⁹ Решение о создании в южной части Кемеровской области Шорского национального природного парка было утверждено постановлением Совета Министров РСФСР № 386 от 27.12.1989.

¹⁰ Шорский национальный природный парк: природа, люди перспективы / Институт угля и углекислоты СО РАН. – Кемерово, 2003. – С. 9.

¹¹ Поддубиков В. В. Полевой дневник 2000 г.; Полевой дневник 2001 г. // Архив лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики ИУУ СО РАН – КемГУ.

¹² Диссертация Поддубикова В. В. «Промысловый комплекс автохтонных этносов Кемеровской области: Экстенсивные формы этнического природопользования как объект региональной национальной политики». – Томск, 2004. – С. 128.

селения в области традиционно-хозяйственного использования биологических ресурсов. В конечном счете, сегодня это ведет к деградации комплексов материальной и духовной культуры коренных народов. Задачи сохранения культурного наследия, в силу отсутствия единого понимания содержания этого понятия, зачастую не рассматриваются руководством охраняемых природных территорий в качестве сферы своей основной деятельности. Тем не менее, национальные парки России по действующему типовому Положению обязаны решать вопросы сохранения как природного, так и культурного наследия своих территорий.

Аналогичная норма содержится и в Положении 1999 г. «О Шорском национальном природном парке». В числе главных задач парка числится не только «...охрана эталонных и уникальных природных комплексов», но и «...сохранение и совершенствование традиционных систем природопользования коренного населения»¹³. Сама же многолетняя практика деятельности ШНПП, именно охрана природной среды, является приоритетной. На решение этой задачи направлена большая часть материальных и людских ресурсов территории, к ней же адаптирована организационная структура и штатное расписание парка. Значительные усилия предпринимаются также в области развития рекреационной инфраструктуры вдоль водного туристического маршрута по р. Мрассу и привлечения туристов на территорию. Деятельность в сфере сохранения живой традиционной культуры сельских групп коренного населения, культурных ландшафтов и других объектов культурного наследия в настоящее время в ШНПП организационно не оформлена, а в среде сотрудников парка нет полного понимания специфики культурного наследия как объекта управления. По их сообщениям, само присутствие на территории коренного населения представляет для парка лишь дополнительное препятствие в области природоохранной деятельности. В частности, традиционные формы использования населением биологических ресурсов, по форме близкие к браконьерству, часто вступают в прямое противоречие с действующим природоохранным законодательством и задачами охраны природно-территориальных комплексов. Контролировать этот процесс чрезвычайно сложно, особенно в условиях отсутствия достаточных для этого материально-технических средств. И, кроме того, жесткие ограничения на традиционную хозяйственную практику коренного населения неминуемо спровоцируют его недовольство и рост этносоциальной напряженности в регионе, поскольку традиционные виды экономической активности не-

---

¹³ Положение о Шорском национальном природном парке // <http://reserves.bidiversity.ru/shorsky/index.html>

редко выступают в качестве одного из наиболее доступных населению источников средств к существованию.

Все сказанное выше, а также отношение сотрудников ШНП к основным проблемам развития территории парка было выявлено в результате экспертного опроса, проведенного 10–11 апреля 2007 г. в г. Таштагол Кемеровской области членами планирующей команды проекта ПРООН-ГЭФ «Разработка менеджмент-плана для Шорского национального парка».

В качестве экспертов выступали работники и сотрудники Шорского национального природного парка (всего 11 человек, в т. ч. руководящие работники – 7 человек, государственные участковые инспекторы – 4 человека), а также начальники Управлений образования и культуры Администрации Таштагольского района (2 человека). По мнению экспертов, наибольшую ценность территории составляют: рекреационный потенциал – 76,9 %, культурные ландшафты (культурные памятники, естественная природно-культурная среда и др.) – 69,2 %, уникальные природно-территориальные комплексы – 61,5 %, менее значима живая традиционная культура коренного населения – 53,8 %¹⁴.

В области живой традиционной культуры отмечены сохраняющиеся элементы обрядовых и фольклорных традиций шорского населения и его традиционных ремесел (резьба по дереву и плетение). Ни один из экспертов не указал на традиции коренного населения в области природопользования как на составляющую живой традиционной культуры¹⁵. Это связано, по всей видимости, с тем, что у экспертов отсутствуют четкие представления об объектах культурного наследия, элементах традиционной культуры.

В связи со всеми выше перечисленными проблемами по традиционному природопользованию в рамках проекта ПРООН-ГЭФ «Разработка менеджмент-плана для Шорского национального парка», одной из поставленных задач является разработка плана территориального управления Шорского национального парка, по которому, на договорных условиях с Шорским национальным парком, будет выделена общинная зона для каждого населенного пункта, где местное население могло бы вести свою хозяйственную деятельность.

Таким образом, национальный парк может сыграть большую роль в сохранении традиционной культуры, в частности традиционного при-

---

¹⁴ Отчет по I этапу «Подготовительные работы» Проекта ПРООН-ГЭФ «Разработка плана управления (менеджмент-плана) для ФГУ «Шорский национальный парк». – С. 10.

¹⁵ Отчет по I этапу «Подготовительные работы» Проекта ПРООН-ГЭФ «Разработка плана управления (менеджмент-плана) для ФГУ «Шорский национальный парк». – С. 8.

родопользования, для этого необходимо включить в систему управления территориальные комплексы с их природой, населением, традиционной культурой. Именно от сохранения различных форм проявлений культуры и зависит состояние всего комплекса культурного наследия. Однако данная работа осложняется тем, что до сих пор не разработаны методические подходы в области сохранения традиционной живой культуры.

Н. А. Мишов

РЫБОЛОВСТВО В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ШОРЦЕВ¹

Шорский народ сформировался в условиях горнотаежных ландшафтов юга Западной Сибири. Природа этого края определила самобытную культуру шорцев, способствующую выживанию этноса в данных природно-климатических условиях. Под воздействием различных факторов окружающей среды сформировалась система жизнеобеспечения, включающая в себя ряд элементов. Одним из таких элементов наряду с охотой (пушного и мясного направлений), ореховым промыслом и земледелием является рыболовство.

Несмотря на широкое распространение на просторах Алтае-Саянского экорегиона, рыболовство не стало ведущей отраслью шорского хозяйства. На это был ряд объективных причин. Территория Горной Шории изобилует водоемами, но в большинстве своем это небольшие горные реки. Из крупных рек, располагающих условиями, пригодными для обитания крупной рыбы, можно отметить лишь Мрассу, Кондому и Томь. В связи с этим ресурсная обеспеченность рыболовства не очень велика. Зоологами отмечается обитание 22 видов рыб, но лишь немногие из них в настоящее время имеют промысловое значение. К этой категории в первую очередь можно отнести хариуса сибирского (*Thymallus arcticus* Pallas, 1776), тайменя (*Hucho taimen* Pallas, 1773), в меньшей степени щуку (*Esox lucius* Linnaeus, 1758) и ельца сибирского (*Leuciscus baicalensis* Linnaeus, 1758). Весьма ценным объектом рыболовного промысла как и раньше, так и сейчас остается ленок тупорылый (*Brachymystax savinovi* Mitrofanov, 1959), занесенный в Красную книгу Российской Федерации и добываемый незаконно. В прошлом большое значение имели голянь обыкновенный (*Phoxinus phoxinus* Linnaeus, 1758), пескарь сибирский (*Gobio synocephalus* Dybowski, 1869) и молодь других видов.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в Российской части Алтае-Саянского экорегиона.

Поскольку в комплексном хозяйстве шорцев рыболовство традиционно носило подчиненный характер по отношению к охотничьему и ореховому промыслам, то отбирались те техники и технологии рыболовного промысла, которые позволяли не отвлекать от основных видов деятельности главных добытчиков – взрослых мужчин. Исходя из этого, определялись: производственный цикл, половозрастная структура занятых в рыболовстве, технический арсенал рыболовов. Следствием этого стало активное вовлечение в промысел женщин и детей. В качестве объекта промысла стала выступать «рыбья мелочь». Широкое распространение получило использование технологий, не требовавших непосредственного участия человека в процессе добычи рыбы. Этим объясняется широкое распространение различных типов ловушек: ашпар, пара, морды. Довольно широко применялись раньше и применяются сейчас сетные орудия. Их устройство пошло по пути упрощения – от комбинированных сетей до применяемых в настоящее время капроновых сетей китайского производства.

Теперь перейдем к описанию применявшихся ранее и используемых в настоящее время орудий и методов лова.

Самая мелкая рыба добывалась на отмелях. Женщины и дети целыми днями бродили по отмелям и по мелким таежным речушкам, обшаривали руками ямки под камнями и извлекали оттуда мелкую рыбу [1]. Другим распространенным способом добычи мелкой рыбы была ловля при помощи сачка, изготовленного из волокон конопли. Опустив сачок на дно, ловец затаивался, склонившись над ним, и поднимал легкую муть пальцами ноги. Муть привлекала целые стайки мелкой рыбы. Как только над сачком собиралось большое количество рыбы, рыбак поднимал сачок и вытряхивал из него свою добычу в берестяную коробку, которая плавала рядом с ним.

Наиболее специфическими традиционными рыболовными орудиями шорского народа являются «пара» и «ашпар». «Пара» представляла собой сеть в форме конического мешка, ее длина достигала 5–6 метров. Для ее установки сооружалась загородка в виде острого угла. В вершине этого угла устанавливалась «пара». За несколько дней она наполнялась мелкой рыбой, которую впоследствии сушили на солнце [1]. Другим способом ловли мелкой рыбы является «ашпар». Он представляет собой ящик размером 3 на 1,5 м. Использовали его осенью, когда рыба начинала скатываться на зимовку в крупные реки. Для его установки небольшую горную речку перегораживали загородкой, плетеной из ивовых прутьев. За несколько дней отверстия в загородке забивались плывущими листьями и уровень воды поднимался. В центре загородки в верхней части имелось

отверстие для слива воды. Под это отверстие устанавливали «ашпар» и вместе с водой в него попадала рыба.

Добыча мелкой рыбы не требовала дорогостоящего оборудования, больших физических затрат и специальных навыков. В то же время такая рыбалка являлась довольно надежным источником пищи, что, по-видимому, и способствовало ее повсеместному распространению на территории Горной Шории.

Из других древних приемов рыболовства следует отметить употребление лука [1]. Из лука шорцы стреляли деревянными стрелами, иногда снабженными широкими железными наконечниками. Так добывали мелких шук, которых ловили также и силком в виде волосяной, легко затягивающейся петли, насаженной на длинную палку.

Для добычи крупной рыбы: тайменя, хариуса, шуки – пользовались сетью и неводом. Нитки, используемые для плетения неводов и сетей, изготавливали из волокон конопли. В зависимости от вида рыбы и ее размера применялись различные типы сетей. Наиболее интересными типами сетей являются: комбинированная сеть и «агьспра» [1]. Первая представляла собой сеть длиной 9 метров, шириной 1 м. Особенностью ее устройства являлось то, что она состояла из ячеек различного размера, что позволяло промысливать рыбу различных видов и размеров. В верхней части, начиная от поплавков, шли ряды из крупных ячеек, рассчитанные на ловлю крупной рыбы. Ниже располагались ячейки меньшего размера, предназначенные для добычи крупного хариуса. Еще ниже шли ряды более мелких ячеек для мелкого хариуса, а нижние ряды, предназначенные для самой мелкой рыбы, делались еще мельче. По нижнему краю сети крепились грузила. Грузила представляли собой речную гальку, привязанную к сети корнем кедр. Вторая разновидность сетных орудий представляет собой длинную сеть без грузил. Верхний конец сети крепился к длинной жерди. При помощи данного орудия рыбачили ночью. Для этого сеть пускали поперек реки вниз по течению, а по бокам от нее плыли на лодках, держась за концы жерди. Когда рыба попадалась в сеть, она начинала биться, и эти толчки передавались на жердь. Почувствовав это, рыбаки извлекали из воды сеть и доставали из нее пойманную рыбу.

Помимо перечисленных выше орудий лова широкое распространение имели различные типы «морд» [2]. Способ их постановки аналогичен постановке «пары», но рассчитаны они на более крупную рыбу.

Осенью шуку, налима, тайменя и другую крупную рыбу «лучили». Для чего ночью на носу лодки разжигали огонь и тихо плыли по течению. Попадающих в освещенный круг спящих рыб били острогой. Этот способ требовал от рыбака большого опыта и умения.

В настоящее время сельскими жителями Горной Шории для ловли рыбы чаще всего применяются удочки, «морды» и сети. При ловле на удочку в зависимости от сезона применяют различные виды наживок (червь, слепень, мормышка) [6]. Широкое распространение получило использование приобретаемых в торговых точках капроновых сетей китайского производства. По всей видимости, это связано с их низкой стоимостью и доступностью в торговой сети. Однако купленные сети приспособливают к условиям промысла на быстрых горных реках. Ввиду того, что предотвратить спутывание длинной сети затруднительно, местные жители разрезают стандартную сеть на 3–4-метровые отрезки, которые и используют для добычи рыбы [7]. Свободная продажа сетей освободила от необходимости делать их самим кустарным способом, что позволило увеличить время пребывания на промысле. Но по причине низкой стоимости этих сетей они стали доступны широкому кругу лиц, ранее не практиковавших рыболовство. Применение комбинированных сетей на территории Шорского национального парка в настоящее время не отмечается [8].

В конструктивные и технологические характеристики используемых шорцами «морд» на протяжении XX в. не было внесено существенных изменений. Инновационные процессы коснулись материалов, из которых изготавливаются данные орудия. Если в начале прошлого века для плетения «морд» применяли ивовые прутья, то в настоящее время для этих целей используют алюминиевую проволоку [9]. Использование новых материалов позволило, с одной стороны, увеличить срок службы орудий, а с другой – обеспечило отлов более крупной рыбы. В осенний период, когда температура воды снижается, распространена добыча налима при помощи остроги. Для этого в ночное время рыболов бредет по мелководью с фонарем и добывает спящую рыбу. Из традиционных орудий лова шорцы по-прежнему применяют, хотя и гораздо реже, «ашпар» и «пару».

Учитывая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что основным направлением культурных инноваций в сфере рыболовства шорцев явилось использование современных материалов для изготовления орудий промысла при сохранении традиционных технологий добычи. С другой стороны, заметна также тенденция к адаптации новых орудий лова к традиционным технологиям. Эти обстоятельства, по-видимому, определены высокой степенью приспособленности традиционных для шорцев технологий рыболовства к местным природным условиям и вытекающей отсюда значительной их жизнеобеспечивающей эффективностью. Несмотря на появление новых орудий и заметное повышение технической оснащённости рыболовного промысла, его роль для коренного населения

Горной Шории остается прежней – как и в начале XX в., вспомогательной по отношению к охоте и ореховому промыслу отраслью традиционного хозяйства. В этом вполне можно усматривать проявление значительной устойчивости этнических традиций шорцев в области жизнеобеспечения. Произошедшие за последнее столетие этнокультурные и социальные модернизационные процессы, как видно, существенно не затронули основы традиционного хозяйства – его отраслевой структуры и применяемых технологий природопользования.

Литература

1. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. – М.; Л., 1936. – С. 260.
2. Иоганзен Б. Г. Рыбы Горной Шории // Вопросы географии Сибири. – Сб. III. – Томск, 1953. – С. 229–247.
3. Архив группы этносоциальных экспертиз лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики ИУУ СО РАН – КемГУ. Мишов Н. А. Полевой дневник. Пилотное этносоциальное обследование шорского населения Таштагольского района Кемеровской области. Кабырзинское территориальное управление. Совместная экспедиция с ИФП СО РАН г. – Новосибирск. Август 2006 г.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.

О. В. Захарова

СОЗДАНИЕ WEB-САЙТА МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ И ПРИРОДЫ ГОРНОЙ ШОРИИ

Сохранение культурного наследия представляет собой один из важнейших элементов самобытности и самосознания людей и связывает общество с его прошлым. Как известно, музеи являются традиционными носителями культурного наследия. В деле сохранения культур различных народов особое значение приобретают этнографические музеи. Главным отличием этнографического музея от музея другого типа является его принадлежность к какому-либо народу. Этнографические музеи являются посредником между современным человеком, его унифицированным сознанием и огромным пластом культурно-исторического наследия, частью его прошлой жизни.

Проблема, актуальность которой возрастает с каждым днем и к которой обращено пристальное внимание всей мировой общественности, – это проблема доступности мирового культурного наследия для самых широких слоев населения. Эта проблема была озвучена ЮНЕСКО еще в 1996 году [1]. Большое внимание в международной программе так-

же уделено вопросам охраны и поддержки культур коренных народов. В рамках Всеобщей декларации по культурному разнообразию говорится о том, что «свободный доступ широкой публики к средствам их выражения и распространения является абсолютно необходимым в контексте глобализации».

Можно с уверенностью сказать, в настоящее время проблемам информатизации музеев уделяется большое внимание на международном и российском уровнях. В рамках международных конференций обсуждаются проблемы информатизации музеев, в частности проблемы сохранения культурного наследия с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (конференция EVA, проекты «Minerva», «Minerva +», Электронная Россия). Особое место проблемам информатизации музейной деятельности уделяется на одной из самых авторитетных международных конференций по информационным технологиям, ежегодно проходящей в Крыму, – «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса». В рамках работы секции «Библиотеки, музеи и архивы в едином пространстве информации и искусства» активно обсуждаются вопросы использования онлайн-технологий и Интернет в музейной деятельности.

Помимо внедрения в музеи автоматизированных информационных систем, использования Интранет-технологий, большое внимание музейных специалистов привлекают возможности, предоставляемые сетью Internet. Благодаря ИКТ радикальным образом меняются условия использования культурного наследия, доступ к которому отныне может быть открыт для самой широкой публики и которое может стать предметом обмена и распространения. Популяризация, укрепление и сохранение культуры и языка коренных народов в наши дни возможны также посредством глобальной сети Internet. Большое значение здесь приобретают сайты этнографических музеев.

В связи с актуальностью темы перед нами была поставлена цель – сформулировать концепцию сайта музея этнографии, на основании которой предложить модель контента сайта для музея этнографии и природы Горной Шории (МЭиПГШ), разработать web-сайт МЭиПГШ.

В ходе работы были достигнуты следующие результаты:

1) Осуществлен сопоставительный анализ существующих определенных базовых понятий в современном отечественном музееведении; дано представление о специфике, задачах, функциях и социальном назначении этнографического музея; предложены собственные рабочие определения понятий «музей», «этнографический музей», обусловленные целями и задачами данного проекта.

Музей – это учреждение культуры, созданное для сбора, хранения, изучения и публичного представления специфической группы объектов, осознаваемых обществом как ценности, подлежащие передаче из поколения в поколение.

Этнографический музей – музей исторического профиля, осуществляющий сбор, хранение, изучение и публичное представление коллекций, характеризующих культуру и быт, социальные отношения и общественный строй различных народов.

2) Изучен специализированной микропоток литературы, публикаций по музееведению, позволивший построить типовой информационный образ этнографического музея (см. табл. 1), обеспечивающий принятие обоснованных решений при определении состава атрибутов объекта сайтостроения в ходе проектирования контента сайта.

Таблица 1

Информационный образ этнографического музея

ВИДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ	
По профилю	Исторические
По типу	Научно-исследовательские Научно-просветительные Учебные
По административно-территориальному признаку	Республиканские Краевые Областные Районные
По принадлежности	Государственные Ведомственные Общественные Частные
ФУНКЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ	
Социальные функции	Документирование Образование и воспитание Организация свободного времени

Дополнительные функции	Исследовательская Охранная Аксиологическая Развивающая Идеологическая Познавательная Коммуникативная Эстетическая Развлекательная Синтезирующая Популяризаторская	
СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МУЗЕЯ		
Фонды	Объем	Общее количество музейных этнографических предметов
	Состав	<ul style="list-style-type: none"> • Фонд основных музейных этнографических предметов • Фонд научно-вспомогательных материалов
	Направления деятельности фондов	Организация, учет, комплектование, хранение и др.
Экспозиции		
Направления деятельности музея	Фондовая	Комплектование, учет и хранение, научная обработка
	Экспозиционная	Экспонирование, выставочная деятельность
	Научно-просветительная	Формы работы с посетителями
	Рекламно-издательская	Основные периодические издания музея, сборники трудов

Выставки	Постоянные Временные	
Ресурсы музея	Материальные	Здание, архитектурное сооружение
	Людские	Сотрудники, посетители
История музея	Основные этапы истории	
	Основатели музея, деятели общенационального значения, работавшие в музее	
Филиалы музея		
Аннотированные ссылки на ресурсы Интернета		

3) Проведен анализ web-сайтов этнографических музеев России, который позволил:

- выявить количество этнографических музеев, имеющих сайт.

Информацию справочного характера можно получить практически о любом российском музее, в том числе этнографическом, на центральном российском музейном сервере «Музеи России» [2]. Установлено, что лишь примерно 17 % этнографических музеев имеет свое представительство (собственный сайт) в Интернет.

- выявить рубрики и подрубрики сайтов, определяющие структуру контента сайтов.

Оказалось, что большинство сайтов содержит контактную информацию и описание музея. Лишь половина из них предоставляет информацию об имеющихся музейных коллекциях, фотоальбом и возможность обратной связи с посетителями посредством гостевой книги. Отсутствие рубрик о событиях и новостях музея говорит о том, что сайты обновляются крайне редко. В ходе исследования выявлена парадоксальная ситуация: этнографический музей по своей сути, по определению обязательно связан с каким-либо этносом, народом, однако информация, характеризующая этот этнос, народ, на них, как правило, отсутствует. Так, например,

информация о народах (их описание) имеется лишь на 2 из 10 обследованных сайтов российских этнографических музеев.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что ряд сайтов не раскрывает функции этнографических музеев, содержание их деятельности отражено неполно, поскольку сайты не отражают соответствующий им информационный образ – информационный образ этнографического музея.

4) На основании разработанного информационного образа и проанализированных сайтов разработана модель контента сайта музея этнографии и природы Горной Шории (см. табл. 2). Все страницы сайта связаны с его главной страницей. Главная страница, на которой расположены основные 10 рубрик, предлагает общий обзор содержимого сайта, а все остальные содержат конкретную информацию, сгруппированную по тематическому принципу. Материал на сайте излагается структурированно: при группировке информации в рубриках использовался аспектный метод.

Таблица 2

Модель контента сайта музея этнографии и природы Горной Шории*

Режим	Описание
№ 0. Главная страница	<i>Навигация по разделам и подразделам сайта Информирование посетителей о профиле и деятельности музея (вступительная статья) Примечание: С каждой страницы предусмотрен переход на начальную страницу</i>
→ № 1. О музее	<i>Общая информация об учреждении</i>
№ 1.1. Описание музея	
1.1.1. Залы	<i>Информация о структуре музея Описание диорам, витрин, общего дизайна экспозиционных залов</i>
1.1.2. Основные направления деятельности	<i>Информация об экспозиционной, культурно-просветительской работе; о собирательской, фондово-хранительской, научно-исследовательской и выставочной деятельности музея; об участии в проведении сотрудниками музея областных и городских праздников</i>

Режим	Описание
1.1.3. Организационные партнеры	<i>Информация об учреждениях, организациях, фольклорных коллективах, с которыми сотрудничает музей</i>
1.1.4. Музей и город	<i>О роли музея в культурной жизни г. Таштагола</i>
1.2. История музея	<i>Основные этапы истории формирования музея</i>
№1.3. Режим работы, стоимость билетов	<i>Режим работы и стоимость билетов для различных категорий посетителей</i>
№1.4. Контактная информация	<i>Реквизиты музея: почтовый и электронный адрес, телефон</i>
→ 2. Экспозиции	<i>Описание постоянной экспозиции музея. Представление цифровых изображений (фрагментов экспозиции, фото, диорам) с соответствующими комментариями</i>
→ № 3. Фонды	<i>Информация об основном и вспомогательном фондах музея, описание уникальных экспонатов</i>
→ № 4. Выставки	<i>Информация о проводимых в музее выставках</i>
№4.1. Афиша	<i>Название текущей выставки Сроки проведения, стоимость билетов</i>
№4.2. В этом месяце	<i>Информация о выставках, планируемых в течение месяца</i>
№4.3. Архив	<i>Информация о выставках, проводимых в музее и вне музея с 1990 года Информация представлена в виде таблицы с полями «год», «название выставки», «сроки проведения»</i>
→ № 5. Услуги	<i>Описание услуг, предоставляемых музеем</i>
5.1. Экскурсии	<i>Перечень и краткое описание экскурсий, проводимых сотрудниками музея</i>
№5.2. Магазин	<i>Информация о магазине при музее, в котором предлагаются предметы творчества местных мастеров (картины, поделки из древесины и др.) Цифровые изображения товаров</i>

Режим	Описание
→ № 6. События	<i>Описание новостей в жизни музея</i>
№ 6.1. В этом месяце	<i>Представление «свежих» новостей в виде даты, заголовка и полного текста события</i>
№ 6.2. Архив	<i>Информация о прошедших в музее событиях в виде таблицы с полями «дата», «новость»</i>
→ 7. Филиал	<i>Описание экомuzeя «Тазгол»: основные направления деятельности, особенности, местонахождение</i>
→ 8. Природа края	<i>Информация о природе Горной Шории. В каждом подразделе – соответствующие иллюстрации</i>
8.1. Растительность	<i>Описание темнохвойной тайги, лесных лугов и болот</i>
8.2. Животный мир	<i>Информация о млекопитающих, земноводных, рыбах, птицах, обитающих в лесах, горах и реках Горной Шории</i>
8.3. Воды	<i>Информация о речных долинах края</i>
8.4. Климат	<i>Описание климатических особенностей края</i>
8.5. Экология	<i>Информация об экологической обстановке края</i>
→ 9. Коренной народ – шорцы	<i>Подробное описание коренного народа Кузбасса – шорцев Цифровые изображения представителей народа, предметов культуры и быта</i>
9.1. Общая характеристика народа	<i>Информация об этнической истории, территории расселения и численности населения</i>
9.2. Духовная культура	<i>Информация о мировоззрении, религиозных верованиях народа, о языке и письменности, устном и музыкальном народном творчестве</i>
9.3. Материальная культура	<i>Информация о традиционных жилищах, предметах повседневного обихода, пище, одежде и украшениях представителей народа</i>
9.4. Промыслы	<i>Описание основных традиционных занятий шорцев: земледелия, охоты, рыболовства, ремесел, пчеловодства</i>

Режим	Описание
№9.5. Литература	<i>Представление списка литературы о шорцах (в виде библиографических описаний)</i>
→№10. Гостевая книга	<i>Возможность обратной связи посетителей сайта с музеем Обсуждение сайта, рекомендации и пожелания в on-line режиме</i>
🔒 Статистика посещений	<i>Закрытый для сторонних посетителей раздел сайта, в котором ежедневно собирается статистика посещаемости сайта</i>
🔒 Администрирование	<i>Закрытый для сторонних посетителей раздел сайта, предназначенный для добавления и редакции всей текстовой и основной графической информации</i>

* Условные обозначения к таблице 2: → – пункт в главном меню; № – необходимо периодическое обновление информации; 🔒 – Закрытый раздел или служебная функция.

5) Изготовлен опытный образец сайта: осуществлена программная реализация физической модели, протестирован опытный образец сайта, подготовлен и записан готовый сайт на носитель.

В качестве перспектив отметим, потенциал разработанного сайта может существенно возрасти за счет использования возможностей электронного представления информации: видео и звукового сопровождения. В будущем возможна модернизация музейного сайта: в качестве совершенствования сайта МЭиПГШ рекомендуем организовать виртуальную экскурсию по музею: фото- или видеоряд экспозиционных залов, студийная запись голоса рассказчика в сопровождении характерных звуков.

В заключение отметим, что данная работа проводилась в рамках исследований и разработок Научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы КемГУКИ. Сотрудниками НИИ разработан web-сайт для администрации Таштагольского района [3]. Информация о МЭиПГШ будет размещаться на данном сайте.

Литература

- Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Косовой, А. А. Сундиевой. – М.: Изд-во «ВК», 2005. – 2-е изд. – 614 с.
- Музеи России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru>
- Сайт администрации Таштагольского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/tashtagol>.

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ:
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ**

Сохранение и поддержка коренных народов являются сегодня одной из актуальных проблем мирового масштаба. Важность ее решения подчеркивается многими международными документами, принятыми главными всемирными организациями, такими как ООН, ЮНЕСКО, ВТО. В их числе Декларация ООН о правах коренных народов и Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [11], в которой провозглашается необходимость «разрабатывать и осуществлять политику, которая способствовала бы сохранению, укреплению, уважению и развитию многообразия культур, знаний и традиций коренных народов посредством создания разнообразного информационного контента и применения различных методов, в том числе перевода в цифровую форму наследия в области образования, науки и культуры». Органичная связь между сохранением культурного наследия и прогрессивным устойчивым развитием цивилизации приобретает особую значимость на фоне создания открытого для всех информационного общества и формирования обществ знаний. Эта взаимозависимость многогранно представлена в документах Всемирного саммита по информационному обществу (Женева, Тунис, 2003–2005 гг.). (В частности, в принятой на нем в качестве одного из основополагающих международных документов Декларации принципов [2] отмечается, что «при становлении информационного общества первоочередное внимание следует уделять особому положению коренных народов, а также сохранению их наследия и культурного достояния».) В другом важнейшем документе этого Всемирного саммита – «Плане действий» [3] определяется необходимость «применения ИКТ для сохранения природного и культурного наследия, обеспечения доступа к нему как к живой части современной культуры».

Идеи сохранения культурного разнообразия и многоязычия на планете пронизывают флагманскую Программу ЮНЕСКО «Информация для всех» [4], одной из важнейших целей которой является способствование расширению доступа к информации, являющейся общественным достоянием, посредством ее упорядочения, оцифровки и сохранения. Реализации данной цели подчинено специальное направление Программы «Информационная технология на службе образования, науки, культуры и

коммуникации», определяющее потребность «создания международных рамок по обеспечению и поддержанию многоязычия и культурного разнообразия в киберпространстве».

В России этому процессу призван способствовать проект «Стратегия развития информационного общества в России» [5] (в соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 9 мая 2006 года). Где, в частности, продекларировано о том, что «достижение определенных Стратегией контрольных показателей развития информационного общества позволит России войти в число стран, лидирующих в области постиндустриального развития, а также существенно укрепить ее информационную безопасность». При рассмотрении данной проблемы нами также были учтены рекомендации Международной конференции «ЮНЕСКО между двумя этапами Всемирного саммита по информационному обществу» (Россия, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2005 г.) (<http://www.ifap.ru/wsis/>).

Проведение научных исследований и разработок по реализации этого направления Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» в одном из индустриальных регионов России – Кузбассе составляет одну из сторон деятельности научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы (НИИ ИТ СС), функционирующего в структуре Кемеровского государственного университета культуры и искусств. В контексте всего комплекса идей и целей этого направления Программы ее название «Информация для всех» рассматривается сотрудниками НИИ ИТ СС в двух органично взаимосвязанных аспектах: «информация для нас» и «информация о нас». При этом если в контексте первого из них доминантой являются задачи и проблемы формирования информационной культуры личности, то для второго определяющее значение имеет поиск оптимальных решений в сфере создания информационных ресурсов, адекватно отражающих соответствующие объекты социальной сферы. Одним из наиболее значимых среди них являются коренные малочисленные народы, культурные традиции и культурное наследие которых составляют важнейшую общественную ценность.

Согласно представленной в Толковом словаре С. И. Ожегова [1] трактовке понятия «коренной» (изначальный, исконный), коренным народом принято называть исконное население; с самого начала, с рождения, постоянно живущие где-либо люди, родители и предки которых жили там же. При этом малые народы определяются как малочисленные этносоциальные общности или группы, объединяющие коренное население определенных регионов и обладающие ограниченным демографическим потенциалом. Статья 69 Конституции Российской Федерации [6] опреде-

ляют коренные малочисленные народы как народы, которые проживают на территории традиционного расселения своих предков, сохраняют самобытный уклад жизни, насчитывают не менее 50 тысяч человек и осознают себя самостоятельными этническими общностями.

Сейчас на территории России, согласно Единому перечню коренных малочисленных народов РФ (Распоряжение от 17 апреля 2006 г. № 536-р) [7], проживает 40 малочисленных народов, 18 из них, общей численностью 55736 человек, проживает в регионах Сибирского федерального округа. Они могут быть отнесены к следующим группам: угорские народы Приобья, самодийские и енисейские народы, тюркоязычные и палеоазиатские народы. Самые крупные из них по численности – буряты, якуты, тувинцы, западносибирские татары, хакасы, алтайцы. Остальные народы являются малочисленными коренными народами.

Интересы коренных малых народов Севера в субъектах Федерации, Сибирском федеральном округе представляют около 50 региональных и местных общественных организаций, из них 12 входят в состав Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (АКМНССиДВ РФ)» (<http://www.raipon.org/>).

К коренным малочисленным народами Кузбасса постановлением правительства Российской Федерации «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7] отнесены шорцы и телеуты. В Кемеровской области численность шорцев составляет примерно 16 тыс. человек (язык – шорский, уйгурской группы тюркских языков; вероисповедание – православные). Шорцев представляет Ассоциация шорского народа, созданная на 1-м съезде шорского народа в 1990 г. В местах компактного проживания шорцев созданы общественные организации, которые входят в ассоциацию: общество «Шория» – г. Осинники, общество «Ал-тыншор» – г. Междуреченск, общество «Горная Шория» – г. Таштагол. В Новокузнецке действует совет старейшин шорского народа «Палам». Телеуты – народ в Российской Федерации, численностью около 3 тыс. человек (проживают в Кемеровской области, в Алтайском крае, в Республике Алтай; говорят на одном из диалектов алтайского языка; вероисповедание – православные; часть телеутов придерживается традиционных верований). В 1990 г. была образована Ассоциация телеутского народа «Эне-Байат». При Кемеровской региональной общественной организации телеутского народа «Набат» создан информационно-правовой центр «Тургар» (www.turgar.ru).

Малочисленные коренные народы отличаются от иных народов России не только своими традиционными промыслами и самобытной

культурой, но и часто отсутствием письменности на родном языке, слабо развитым этническим самосознанием, неразвитостью межэтнических контактов, низкой миграционной подвижностью и другими особенностями. В силу этих обстоятельств малочисленные коренные народы нуждаются в особой социальной, экономической и правовой защите. Полномочия по защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Российской Федерации наряду с международными актами закреплены рядом официальных документов федерального и регионального уровней. В их числе Конституция Российской Федерации; федеральные законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ) [8], «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 21.03.2002 № 31-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ) [9], «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 21.03.2002 № 31-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ) [9]. Наряду с ними в субъектах Федерации действуют официальные документы регионального уровня, направленные на обеспечение прав коренных малочисленных народов, на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, а также устанавливающие полномочия органов регионального управления (Совета народных депутатов и администрации) в этом направлении их деятельности. Так, в Кемеровской области таким документом является закон Кемеровской области № 42-03 от 9 марта 2005 года «О коренных малочисленных народах Кемеровской области» [9].

Однако, несмотря на многочисленные инициативы международного, федерального и регионального уровня, ряд поставленных целей в деле защиты прав, среды обитания, традиционного образа жизни и сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов остаются недостижимыми. Более того, сегодняшнее положение коренных малочисленных народов многими авторами оценивается как критическое. Основанием для этого заключения является наблюдаемое с каждым годом все большее сокращение их численности, а также снижение национального самосознания. «Мировому сообществу предстоит много сделать, чтобы спасти культуры коренных народов и отстоять их права», – отмечается Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [8].

Популяризация, укрепление и сохранение уникальной культуры, национальной самобытности и уходящих в глубь веков традиций малочисленных коренных народов в наши дни возможны посредством различных технологий распространения информации по формальному (через традиционные и электронные документы) и неформальному (кино, радио, телевидение и др.) каналам. При этом возможность закрепления и передачи во времени их культурного наследия в наибольшей степени, безусловно, может быть обеспечена средствами документальных коммуникаций. Одним из них является печатная продукция. В этой связи одним из направлений проведенных сотрудниками НИИ ИТ СС исследований явился анализ библиотечных фондов библиотек Кузбасса, а также источников информации по их комплектованию. Результаты анализа показывают, что данный путь позиционирования культурного наследия малочисленных коренных народов не представляет сегодня возможности получения полной и достоверной информации и соответственно не формирует у пользователя чувства удовлетворенности полученными сведениями. Этот вывод определяется не только незначительным количеством документов данного профиля, но и фактором времени: большинство их содержит устаревшие данные, искажающие реальный образ малочисленных коренных народов и как следствие не представляющие практической ценности.

В условиях информатизации общества наиболее успешное практическое решение проблемы сохранения и развития культурного наследия малочисленных коренных народов может быть связано с информационно-коммуникационными технологиями, в частности, технологиями сайтостроения. Сайты, как показывают различные статистические наблюдения, становятся в наши дни все более распространенными средствами информационного обмена в различных областях человеческой жизни и деятельности, в том числе и в сфере жизни и деятельности коренных народов. Основанием к этому служит наличие у сайтов возможностей раскрытия культурного наследия малочисленных коренных народов на качественно новом уровне с использованием самых разнообразных форм представления информации и обеспечением доступа к ней широкого круга пользователей.

Для получения данных, отражающих «лицо» коренного народа в зеркале Интернет, сотрудниками НИИ ИТ СС проведено пилотное исследование, в основе которого лежали выявление и анализ контента сайтов, содержащих сведения о малочисленных коренных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Цель исследования – выявление путей оптимизации отражения культурного наследия коренных народов в Интернет. Основными задачами являлись:

- выявление сайтов, отражающих культурное наследие коренных народов с установлением их владельцев;
- определение основных типов сайтов, отражающих культурное наследие коренных народов;
- выявление степени полноты и надежности раскрытия образа малочисленного коренного народа как объекта исследования на сайтах различных типов.

Анализ сайтов предусматривал выполнение следующих процедур:

- разработка поискового предписания на основе представления семантических и формальных границ поиска;
- проведение Интернет-поиска с использованием российских поисковых систем (yandex.ru, mail.ru, rambler.ru, aport.ru);
- группировка выявленных сайтов по различным признакам;
- анализ функциональных характеристик выявленных сайтов;
- анализ контента выявленных сайтов с выделением в их составе рубрик и подрубрик, содержащих сведения об объекте исследования;
- обобщение результатов анализа сайтов и выработка рекомендаций.

Всего в ходе исследования было выявлено 60 сайтов, содержащих сведения о малочисленных коренных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Результаты распределения сайтов по видам организаций-владельцев представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение сайтов по видам организаций-владельцев

Наименование владельцев сайта	Количество сайтов	
	абс.	относит., %
Общественные организации	10	16,6
Музеи	11	16,7
Образовательные учреждения	7	11,6
Органы власти	12	20
Научные организации	8	13,3
СМИ	6	10

Наименование владельцев сайта	Количество сайтов	
	абс.	относит., %
Библиотеки	1	1,7
Другие	2	3,4
Коммерческие организации	2	3,4
Частные лица	1	1,7
Всего	60	100

Анализ данных, представленных в табл. 1, свидетельствует о значительном разнообразии владельцев сайтов, отражающих культурное наследие коренных народов. Наиболее часто эта информация представлена на сайтах общественных организаций, музеев, образовательных учреждений. При этом лидирующая категория владельцев сайтов – «Общественные организации» – характеризуется широким спектром состава. Среди них ассоциации нескольких и отдельных коренных малочисленных народов, центры общественных инициатив, центры содействия коренным малочисленным народам, центры национальной культуры, общины коренных малочисленных народов, фонды исторического наследия и др. Отсутствие указания знака авторского права в структуре сайта, характеризующего его принадлежность к определенному владельцу, обусловила выделение в составе выявленных групп сайтов категории «Другие».

В целом анализ принадлежности сайтов к определенной группе владельцев показывает, что развитие сайтостроения в предметной области «культурное наследие коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» имеет двунаправленный характер и осуществляется как «сверху», т. е. за счет усилий органов власти, учреждений науки, образования, культуры, так и «снизу» – усилиями общественных организаций коренных малых народов.

Анализ и обобщение данных, характеризующих такие функциональные характеристики сайтов, как наличие обратной связи, обновления, иноязычной версии, счетчика, поисковых систем, ссылок, карты навигации, позволяют утверждать следующее:

- практически все выявленные сайты обладают средствами обратной связи с пользователями;

- более половины анализируемых сайтов располагают ссылками на другие Интернет-ресурсы, указывают даты последнего обновления информации;

- около половины имеют счетчики посещений сайта;

- менее половины сайтов имеют карты навигации и поисковые системы и располагают иноязычной версией.

Наряду с исследованием формальных признаков сайтов изучались их семантические параметры через выделение рубрик и подрубрик контента сайта. При этом в составе сайтов рассматривались только те рубрики, которые непосредственно относились к сохранению и развитию культурного наследия коренных народов.

Как показал анализ, культурное наследие коренных народов отражается на сайтах с помощью большого количества рубрик – около 100. В результате устранения синонимии их общее количество может быть сведено к 50. Особо следует подчеркнуть, что набор этих рубрик существенно различается в зависимости от того, в чьем ведении находится сайт. С одной стороны, это вполне объяснимо, т. к. цели сайтов, принадлежащих научным, общественным, образовательным и другим учреждениям, не могут совпадать. С другой стороны, сравнение состава рубрик, образующих контент сайтов, имеющих однопользовательских владельцев (например, сайты музеев, университетов и др.) и характеризующих один и тот же тип объекта – культуру коренного народа, свидетельствует об их значительном расхождении. Этому факту, на наш взгляд, нет разумного объяснения.

В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- Информация о культурном наследии коренных народов рассредоточена на большом количестве сайтов, принадлежащих разным владельцам: от органа государственной власти до частного лица, то есть она в значительной степени рассеяна. В то же время количество сайтов, посвященных непосредственно культуре конкретных коренных народов, незначительно.

- Степень полноты сведений о культуре конкретного коренного народа существенно отличается не только на уровне различных групп сайтов, но и в пределах сайтов одной группы.

- Рубрики, используемые в составе созданных сайтов для описания аналогичных по содержанию материалов, отличаются многообразием названий, что в значительной степени усложняет поиск необходимой информации на разных сетевых ресурсах.

Следует заметить, что неполнота и разнородность, несопоставимость сведений об однотипных объектах присущи не только сайтам, характеризующим культурное наследие коренных народов, но и сайтам библиотек, музеев, вузов, фирм и т. п. Причиной этого, на наш взгляд, является господство эмпирического подхода к разработке сайтов. Такое положение, очевидно, будет сохраняться до тех пор, пока каждый разработчик сайта не будет располагать надежным инструментом, позволяющим принимать всесторонне обоснованные решения при создании его контента. Таким инструментом, прежде всего, призвана стать типовая модель (схема, карта) контента коренного малочисленного народа, наиболее полно обеспечивающая его позиционирование в открытом информационном пространстве. Наличие такой типовой модели позволит каждому конкретному физическому или юридическому лицу с высокой степенью технологичности разработать свою индивидуальную схему контента его сайта, учитывающую специфические особенности сайтов конкретного типа.

Важнейшим этапом формирования такой модели должно стать построение информационного образа коренного малочисленного народа с учетом полного набора аспектов его характеристики. Следует заметить, что унификация информационного образа объекта сайтостроения не только не снизит, но и увеличит уровень творческого подхода при создании конкретных сайтов. Безусловно, создание такого инструмента требует специальных научных исследований. При этом с целью установления максимального набора рубрик, являющихся наиболее типичными для таких сайтов, целесообразно привлечение к решению этой задачи данных, полученных из различных нормативно-правовых, справочных и иных традиционных и электронных источников. Основу для разработки информационного образа коренного малочисленного народа с учетом предложенного подхода может составить представленный ниже набор аспектов характеристики коренного малочисленного народа:

1. Название народа, принятое в русском языке.
2. Самоназвания, другие названия.
3. Расселение.
4. Общая численность народа.
5. Субэтнические, этнографические и локальные группировки народа.
6. Язык и его диалекты. Распространение двуязычия.
7. Письменность.
8. Конфессиональная принадлежность (современная).
9. Этногенез и краткая этническая история. Первые упоминания о народе в письменных источниках.

10. Традиционные занятия (земледелие, скотоводство и животноводство, рыболовство, охота и собирательство, ремесла и промыслы). Орудия и приемы труда. Способы и средства передвижения. Современная хозяйственная деятельность.

11. Традиционное социальное устройство. Счет родства. Семейная и родовая община. Основные формы семьи и брака. Семейные обряды (свадебные и др.). Общественный быт, календарная обрядность, важнейшие праздники годового цикла. Специфические черты народного быта.

12. Традиционные поселения и жилища.

13. Традиционная одежда.

14. Традиционная пища и утварь.

15. Фольклор (устный, музыкальный, танцевальный).

16. Фольклорные праздники. Народные музыкальные инструменты.

17. Традиционные верования.

18. Библиография.

19. Иллюстрации.

20. Аннотированные ссылки на ресурсы Интернета.

В свою очередь каждая из этих рубрик может быть представлена определенной совокупностью подрубрик. Так, рубрика «Язык и его диалекты. Распространение двуязычия» может быть описана следующей совокупностью подрубрик: 1. Язык (название, синонимы названия). 2. Дефиниция через указание носителей языка. 3. Ареал распространения. 4. Число говорящих на данном языке, число считающих его родным (по данным последней переписи). 5. Социально-правовой статус языка. 6. Указание на семью (группу), к которой язык относится. 7. Перечень диалектов, говоров, территория их распространения, сфера функционирования. 8. Сведения о литературном языке (процесс и особенности формирования и др.). 9. Сведения о письменности (время возникновения, графическая основа, смена графических основ, древнейшие письменные памятники). 10. Библиография. Словари: толковые, русско-национальные и национально-русские. 11. Иллюстрация (таблица алфавита). 12. Аннотированные ссылки на ресурсы Интернета.

Другая рубрика – «Народные музыкальные инструменты» может быть наиболее информативно описана с использованием следующих подрубрик: 1. Название; 2. Дефиниция (принадлежность к классу, типу); 3. Особенности конструкции, строя, звучания; 4. Разновидности; 5. История инструмента и его социокультурное функционирование (в том числе символика и мифология инструмента, имена выдающихся исполнителей и мастеров); 6. Библиография; 7. Иллюстрации; 8. Аннотированные ссылки на ресурсы Интернета.

Предлагаемый нами перечень рубрик, а также примеры наполнения подразбук не должны рассматриваться разработчиками сайтов безальтернативно. Состав рубрик и подразбук контента сайта, по нашему мнению, должен определяться в зависимости от состава пользователей сайта и его функций. Типичными категориями пользователей данных сайтов могут быть: ученые и специалисты (политики, журналисты, музейные работники, педагоги и др.), работники сферы управления, представители коренных народов, учащиеся и др. При этом ориентация на определенную категорию пользователей будет определять стиль и способ подачи информации: научный, официальный, популярный, учебный.

К числу функций, которые могут быть характерны для сайтов, посвященных культурному наследию коренных народов, относятся мемориальная, информационная, кумулятивная, коммуникативная, пропагандистская, инвестиционная, организационная. Любой сайт, посвященный культурному наследию коренных народов, выполняет эти функции, однако среди них всегда должны быть выделены доминирующие функции, определяемые составом категорий пользователей. Так, например, для сайта, владельцем которого является научная организация, ведущими функциями будут кумулятивная, мемориальная, информационная. Для сайта, владельцем которого является община или ассоциация коренного народа, преобладающими функциями будут пропагандистская, коммуникативная, организационная и инвестиционная.

Таким образом, проведенное исследование выявило необходимость разработки теоретического обоснования разработки контента сайтов, отражающих культурное наследие коренных народов. Важнейшими факторами, определяющими технологию их создания, должны стать категория пользователей и назначение (функции) сайта. Именно в зависимости от этого должны определяться состав рубрик контента сайта и способы представления информации. Тем самым важное место в проблематике сохранения культурного наследия средствами информационно-коммуникационных технологий должны занять вопросы не только программно-технического, но и семантического характера.

Результаты решения всех этих вопросов могут найти практическое применение как при создании новых, так и оптимизации уже функционирующих сайтов, отражающих культурное наследие коренных малочисленных народов. Особое значение наличие материалов, содержащих аргументированные ответы на такие принципиальные вопросы, безусловно, имеет с позиций подготовки и повышения квалификации специалистов информационного профиля.

Литература

1. Ожегов С. И. Словарь революционной эпохи // Словарь и культура русской речи. – М., 2001. – С. 410–412.
2. www.un.org/russian/conferen/wsis/dec.pdf – 266 КБ – 07.01.2004.
3. www.un.org/russian/conferen/wsis/plan.pdf – 340 КБ – 07.01.2004.
4. www.undp.ru/newsletter/rus/OON40_rus.pdf – 577 КБ – 26.07.2005.
5. www.scrf.gov.ru/conference/2006-06Project.shtml – 76 КБ.
6. www.constirution.ru/10003000/10003000-5.htm – 36 КБ – 17.06.2004.
7. www.npa-gov.ganvebju:8080/publicdefault.asp?no=6098896 – 14 КБ.
8. www.raipon.net
9. www.raipon.grida.no
10. www.depcult.ru/doc
11. www.museum.philosophy.pu.ru/index.php?query=declar 44 ко

А. И. Мартынов, Ю. В. Клецов

В УЛАН-УДЭ СТУДЕНТОВ УЧАТ ПО УЧЕБНИКУ-ПЛАГИАТУ

Охрана исторического и культурного наследия – важная задача государства и всего общества в формировании позитивного отношения граждан к своей истории и культуре, в формировании здоровой нравственности людей. Каждый исследователь этой проблемы, педагог или популяризатор наследия должен, прежде всего, сам соответствовать высоким нравственным критериям.

В нашем обществе за последние два десятилетия произошли существенные изменения в отношении к историко-культурному наследию. Теперь оно стало интересовать не только специалистов, но и широкий круг людей. Наше историческое и культурное наследие, как сказано в законе о памятниках, это достояние всего народа, часть мировой культуры. В связи с этим появление каждой новой публикации на эту тему радует и вселяет надежду, что они также будут помогать духовному оздоровлению общества.

Перед нами новая книга Е. В. Вагановой и В. В. Гапоненко, предназначенная в качестве учебного пособия для студентов, получающих профессию музейоведа [1]. В настоящее время имеется не много обобщающих трудов, тем более учебников, чтобы на нее не обратить внимание.

С первых страниц она привлекает остротой постановки и понимания автором социальной важности проблемы сохранения исторического и культурного наследия, а также глубиной и неотвратимой логичностью ее решения. В сугубо научном, теоретическом тексте отчетливо видно

неравнодушное отношение автора к наболевшей в российской истории проблеме – отношению государства и народа к своему наследию. Однако с первых же страниц текста появляется и другое чувство. Подспудное подозрение, что слишком знаком стиль изложения, позиция автора, напористость, неуступчивость в системе доказательств своей позиции. И чем дальше вчитываешься в текст и вникаешь в суть проблемы, тем яснее вырисовывается образ другого, известного и близкого нам «воителя» за сохранение историко-культурного наследия, нашего коллеги по Кемеровскому государственному университету культуры и искусств доктора культурологии, профессора Анатолия Михайловича Кулемзина. Слишком много он вложил души в свою любимую науку, слишком близко к сердцу он принимает наши социальные и научные проблемы, чтобы не узнать его по характеру текста.

Мы, авторы настоящей рецензии, присутствовали на его блестящей защите докторской диссертации на тему «Охрана памятников истории и культуры в России как историко-культурное явление», где он подарил нам по экземпляру своей только что вышедшей монографии с тем же названием. В ней он подвел итог длительного становления сложной науки «памятниковедение», итог борьбы различных точек зрения на вопрос, нужно или не нужно сохранять памятники. Доказал не на эмоциональном уровне, а раскрыл содержательную суть памятника как социокультурного явления, которое создает нас в такой же мере, как мы создаем памятники. Он вскрыл и разоблачил политическую суть, приводящую в движение идеологические механизмы, которые поднимают массы людей на сокрушение своего наследия и увековечение в камне и бронзе сомнительных символов и временных миров.

Сравнивая текст названных книг: А. М. Кулемзина [2] и рецензируемой В. В. Вагановой и В. В. Гапоненко [1] обнаруживаешь не только концептуальное, но и полное текстуальное совпадение. Даже в том случае, когда по вине первого автора или издательства были допущены опечатки, они были скопированы в плагиате. В результате первые 58 страниц монографии А. М. Кулемзина почти полностью (за исключением нескольких страниц и опущенных абзацев) были механически скопированы в учебном пособии Е. В. Вагановой и В. В. Гапоненко. Кроме того, были также скопированы без ссылок на автора пять страниц из другой его работы [3].

Одному из авторов настоящей рецензии, А. И. Мартынову, приходилось уже сталкиваться с подобным случаем воровства интеллектуальной собственности, когда с его, известного далеко за пределами России, учеб-

ника для вузов «Археология» был сделан плагиат. С помощью суда удалось восстановить справедливость, но это не решило проблему. Осадок чувства оскорбленности, неуважения к авторитету ученого, потраченное время на борьбу за свою честь отвлекли много сил, которые можно было бы использовать для лучшего применения.

В заключение хочется предупредить всех, кто участвует в сложном процессе развития науки: будьте бдительны, слишком доверчивы бываем мы зачастую, заняты и увлечены своей любимой наукой, чтобы выстраивать сложную систему защиты своей интеллектуальной собственности. А начинающим молодым ученым хочется сказать, что прегрешение перед истиной есть начало морального грехопадения.

Литература

1. Ваганова Е. В., Гапоненко В. В. Охрана памятников истории и культуры: памятники историко-культурного наследия (на примере Республики Бурятия). – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 280 с.
2. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – Кемерово: Изд-во облИУУ, 2001. – 328 с.
3. Кулемзин А. М. Охрана памятников как социально-историческое явление // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири: сб. науч. тр. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996.

К. И. Осипов

О СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ СЕМЬИ У РЕЗИДЕНТНЫХ СЕЛЬСКИХ ГРУПП ШОРЦЕВ¹ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Исследования в области текущих демографических процессов, включая сферу семейно-брачных отношений, в настоящее время становятся особенно актуальными и приобретают значительное прикладное значение. Это, прежде всего, вызвано кризисным состоянием демографической структуры российского общества и депопуляционной направленностью текущих воспроизводственных процессов. Наиболее отчетливо это видно на малочисленных этнических группах (коренных малочисленных народах), значительная часть которых по-прежнему связывает свои жиз-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в Российской части Алтае-Саянского экорегиона».

необеспечивающие функции с традиционным образом жизни и исконными формами экономической активности, часто вплотную связанными с исторически сложившимися потестарными институтами.

В подобном контексте сфера семейно-брачных отношений зачастую играет значимую (а подчас и решающую роль) в вопросах сохранения основных черт изначального культурного облика этносов. В конечном итоге, сохранение традиционных культур коренных малочисленных народов нередко тесно связано с необходимостью целенаправленной поддержки семьи как основы свойственной им социальной структуры. Без предварительных научных исследований эта задача становится неразрешимой. Цель настоящей статьи заключается в отражении основных направлений современного состояния семейно-брачных отношений у резидентных сельских групп шорцев в контексте проблем сохранения этнокультурного наследия Таштагольского района. В работе обобщаются промежуточные результаты собственных полевых исследований автора, выполненных в рамках проекта «Этнологическая экспертиза эффективности опыта администрации Таштагольского района в решении проблем коренного населения Шорского национального парка», поддержанного Программой Организации Объединенных Наций и Глобального экологического фонда «Сохранение биоразнообразия в Российской части Алтае-Саянского эко-региона», а также администрацией Кемеровской области.

Обследованные в ходе экспедиционных работ сообщества в настоящее время в полной мере ощущают на себе последствия изменений, произошедших в стране за последние два десятилетия. Налицо, в частности, трансформации традиционных социальных институтов шорцев, в первую очередь затрагивающие семейную организацию сельских групп, проживающих в пределах Шорского национального парка.

Обращает на себя внимание высокий уровень смертности среди трудоспособных возрастных групп. Часто это связано со значительными масштабами алкоголизма: высокой частоты достигают несчастные случаи с летальным исходом, возникающие на почве злоупотребления алкоголем шорским населением. В настоящее время проблема алкоголизма входит в число наиболее острых и требует комплексного подхода к решению. Однако сам по себе алкоголизм как социальный феномен нередко существует в латентной форме. Это делает невозможной точную оценку проблемы. Имеющиеся у нас данные (материалы массовых экспертных опросов) позволяют лишь в общем говорить о высоком уровне алкоголизации среди автохтонного населения Горной Шории. Ближайшими

последствиями широкого распространения алкоголизма среди шорцев являются снижение средней продолжительности жизни и проблема «со-зависимости». Как показали предварительные результаты полевых работ 2007 г., пьянство в шорских семьях зачастую имеет совместный характер: им нередко страдают все взрослые члены семьи обоих полов. Такая форма пьянства представляется наиболее социально опасной. К этому можно прибавить финансовые потери, которые приводят к снижению материального благополучия семьи. Таким образом, борьба с пьянством должна быть приоритетным направлением работы региональных властей в сфере национальных вопросов и не должна ограничиваться выпуском брошюр о вреде пьянства, тиражом не более 1000 экземпляров [1].

Сегодня много говорится об экономических средствах преодоления демографического кризиса в нашей стране. Миссия жизнеобеспечения российского народа становится целеполагающей. Особую роль в стимулировании роста рождаемости в российских семьях отводят так называемому «материнскому капиталу» и расширению категорий лиц, имеющих право на получение пособия по уходу за ребенком. Но практика показывает, что материальная помощь не всегда дает ожидаемый эффект. Ведь зачастую социальные выплаты, которыми государство пытается стимулировать рождаемость, оказываются в руках не совсем благонадежных родителей и расходуется ими далеко «не по-детски». Таким образом, материальная помощь, оказываемая многодетным семьям, а также другим категориям, имеющим право на различные пособия, не может являться универсальным решением демографической проблемы в регионе. Конечно, никто не сомневается, что экономическая поддержка семьи очень важна, но вряд ли можно такими методами решить этнодемографические проблемы среди коренного населения, а также – можно ли будет говорить не только о количественных изменениях, но и о качественном приросте населения? Большую роль в этом играет традиционный институт брака.

Особенностью современного брака у шорцев является его нестабильность. Тенденцией последнего времени в семейно-брачной сфере стало распространение альтернативных форм семейно-брачных отношений и, в первую очередь, распространение нерегистрируемых сожительств и материнских семей. Такая нестабильность семьи, в свою очередь, приводит к потере культурных ориентиров у подрастающего поколения в частности и утрате шорцами духовного наследия их предков в целом. Поэтому все попытки восстановления традиционной культуры шорцев, подобные

тем, которые проводятся в рамках текущей национальной политики, в отсутствии адекватной поддержки семьи, на наш взгляд, абсолютно бесперспективны.

В ходе еще предстоящих нам исследований предполагается проанализировать существующие модели семей, проживающих в сельской местности; рассмотреть те социально-экономические, политические и культурные преобразования, которые оказывают влияние на структуру семей, удаленных от активно обживаемых мест.

Результаты исследования, направленного на анализ динамических изменений структуры семьи, могут помочь выявить недостатки социальной политики, проводимой региональными органами власти и скорректировать ее курс.

Литература

1. Трезвая жизнь – здоровый народ: алкоголизм и особенности его развития среди шорцев. – Таштагол, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Анульев Никита Сергеевич** – аспирант кафедры музейного дела КемГУКИ.
2. **Баштаник Сергей Васильевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела КемГУКИ.
3. **Белоусова Наталья Александровна** – директор музея археологии, этнографии и экологии Южной Сибири КемГУ.
4. **Боголепова Людмила Захаровна** – зав. отделом истории вуза музея археологии, этнографии и экологии КемГУ.
5. **Герасимова Алена Сергеевна** – аспирантка ИУУ СО РАН КемГУ.
6. **Дмитриева Ксения Алексеевна** – аспирантка кафедры музейного дела, экскурсовод музея-заповедника «Томская Писаница».
7. **Жидкова Тамара Николаевна** – научный сотрудник музея физкультуры и спорта Кемеровской области.
8. **Захарова Олеся Валериевна** – инженер по качеству отдела менеджмента качества, соискатель кафедры музейного дела.
9. **Зюзьков Юрий Сергеевич** – доцент КузГТУ, почетный архитектор России.
10. **Киселева Мария Александровна** – аспирантка кафедры музейного дела КемГУКИ.
11. **Кимеева Татьяна Ивановна** – кандидат культурологии, директор музея физкультуры и спорта Кемеровской области.
12. **Клецов Юрий Владимирович** – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии КемГУКИ.
13. **Клюев Юрий Владимирович** – преподаватель кафедры экономики социальной сферы КемГУКИ.
14. **Ковешникова Елена Анатольевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела КемГУКИ.
15. **Коняева Татьяна Ивановна** – аспирантка кафедры музейного дела. Начальник отдела мониторинга ГУ «Областной центр мониторинга качества образования».
16. **Коняева Лариса Сергеевна** – студентка специальности «Музейное дело и охрана памятников» КемГУКИ.
17. **Кулемзин Анатолий Михайлович** – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой музейного дела КемГУКИ, член Международного совета музеев.
18. **Мартынов Анатолий Иванович** – доктор исторических наук, профессор, главный специалист музея-заповедника «Томская Писаница», заслуженный деятель науки РФ.
19. **Мишов Николай Александрович** – аспирант ЛЭЭГ ИУУ СО РАН – КемГУ.
20. **Осипов Константин Иванович** – аспирант КемГУ.

21. **Поддубиков Владимир Валерьевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института угля и углехимии СО РАН г. Кемерово.
22. **Решикова Ирина Петровна** – ст. преподаватель кафедры истории Новокузнецкого филиала КемГУ.
23. **Родионова Дарья Дмитриевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры музейного дела КемГУКИ.
24. **Соколов Павел Геннадьевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Сибирского института экологии человека СО РАН г. Кемерово.
25. **Тайшина Светлана Юрьевна** – студентка специальности «Музейное дело и охрана памятников» КемГУКИ.
26. **Тарасова Анастасия Николаевна** – аспирантка кафедры музейного дела КемГУКИ.
27. **Ткачева Марина Викторовна** – студентка специальности «Музейное дело и охрана памятников» КемГУКИ.
28. **Харчевникова Нина Константиновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела КемГУКИ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
------------------	---

I. МУЗЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС МУЗЕЙНОГО РАБОТНИКА (ЗАПОВЕДИ МУЗЕЕВЕДА).....	5
--	---

<i>Кулемзин А. М.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ.....	6
---	---

<i>Баитанник С. В.</i> О ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	12
---	----

<i>Мартынов А. И., Белоусова Н. А.</i> МЕСТО ВУЗОВСКИХ МУЗЕЕВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДОВ.....	30
---	----

<i>Кимеева Т. И., Жидкова Т. Н.</i> МУЗЕЙ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА КУЗБАССА КАК УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ.....	37
---	----

<i>Клюев Ю. В.</i> МОДЕЛИ СЛУЖБЫ МАРКЕТИНГА ДЛЯ МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	45
---	----

<i>Киселева М. А.</i> ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	56
---	----

<i>Родионова Д. Д.</i> ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ МУЗЕЙНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ.....	59
---	----

II. МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

<i>Ковешникова Е. А.</i> МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК ОСНОВА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.....	62
---	----

<i>Дмитриева К. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ.....	67
<i>Киселева М. А.</i> ЭКСКУРСИЯ КАК НАГЛЯДНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ.....	74
<i>Ковешникова Е. А., Тайшина С. Ю.</i> СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИГР В ЭКСКУРСИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	78
<i>Тарасова А. Н.</i> КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ В ГОРОДЕ КЕМЕРОВО.....	85
<i>Ковешникова Е. А., Коняева Т. И.</i> РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ КАК ОБЪЕКТ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ.....	92

III. РЕАЛЬНОСТИ И ПРОЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Ковешникова Е. А., Ткачева М. В.</i> НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «PR» И РЕКЛАМЫ В МУЗЕЕ.....	99
<i>Зюзьков Ю. С.</i> ЦЕННОСТИ «КРАСНОЙ ГОРКИ».....	105
<i>Рещикова И. П.</i> КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НОВОКУЗНЕЦКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	115
<i>Боголепова Л. З.</i> ФОНДЫ МУЗЕЯ ПО ИСТОРИИ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА КАК ЧАСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУЗБАССА.....	123
<i>Коняева Л. С.</i> КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НУЖЕН НОВЫЙ МУЗЕЙ.....	133
<i>Соколов П. Г., Кулемзин А. М.</i> ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КУЗБАССА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОИСКА НОВЫХ ПАМЯТНИКОВ.....	138

IV. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Харчевникова Н. К.</i> МЕЛКОЕ И КУСТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КУЗБАССА: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕЕ.....	147
<i>Поддубиков В. В.</i> ШОРЦЫ: КУЛЬТУРА ЭКСТЕНСИВНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА (вторая половина XIX–XX в.).....	156
<i>Герасимова А. С.</i> ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ (на примере Шорского национального парка).....	167
<i>Мишов Н. А.</i> РЫБОЛОВСТВО В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ШОРЦЕВ.....	172
<i>Захарова О. В.</i> СОЗДАНИЕ WEB-САЙТА МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ И ПРИРОДЫ ГОРНОЙ ШОРИИ.....	176
<i>Ангульев Н. С.</i> КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ.....	185
<i>Мартынов А. И., Клецов Ю. В.</i> В УЛАН-УДЭ СТУДЕНТОВ УЧАТ ПО УЧЕБНИКУ-ПЛАГИАТУ.....	196
<i>Осипов К. И.</i> О СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ СЕМЬИ У РЕЗИДЕНТНЫХ СЕЛЬСКИХ ГРУПП ШОРЦЕВ (постановка проблемы).....	198
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	202

Научное издание

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Сборник статей

Выпуск II

Редактор *О. А. Семилетко*

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Дизайн обложки *О. В. Чертогова*

Подписано к печати 11.07.08. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 500 экз. Заказ № 45.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

